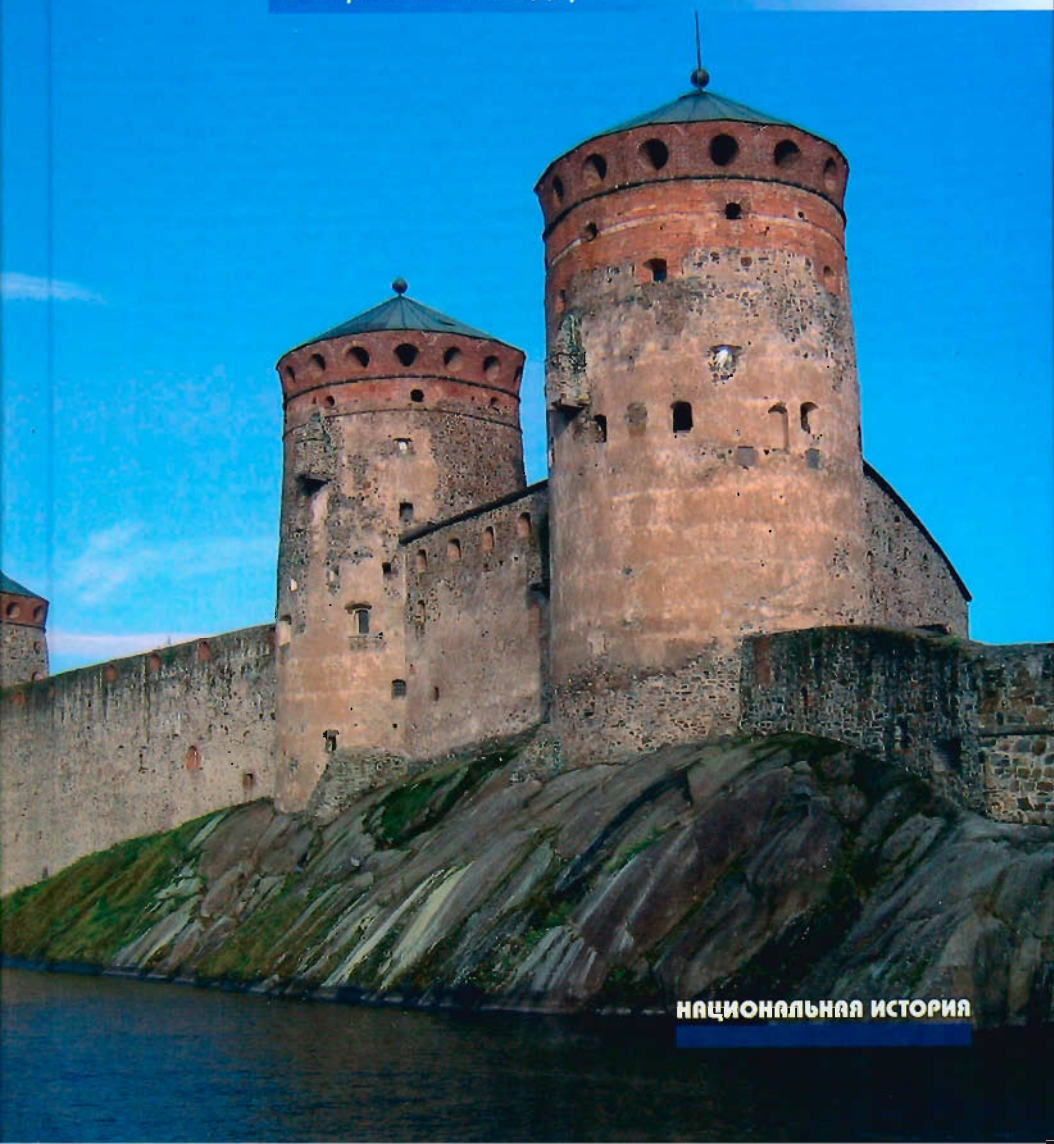

ИСТОРИЯ ФИНЛЯНДИИ

Хенрик Мейнандер

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ФИНЛЯНДИИ

Гимн Финляндии «Наш край»

Слова Юхана Л. Рунеберга, музыка Фредерика Насиуса

Наш край, наш край, наш край родной,
О, звук, всех громче слов,
Чей кряж, растущий над землёй,
Чей брег, встающий над водой,
Любимей гор и берегов
Родной земли отцов?
Он расцветет, твой бедный цвет,
Стряхнув позор оков,
И нашей верности обет
Тебе дарует блеск и свет,
И наша песнь домчит свой зов
До будущих веков.

Перевод Александра Блока

ИСТОРИЯ ФИНЛЯНДИИ

Линии, структуры, переломные моменты

Хенрик Мейнандер

ВЕСЬ
МИР
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2008

УДК 94(480)
ББК 63.3(4Фин)
М 46

Перевод со шведского:
Зинаида Линден

Научный консультант:
к.и.н. А.А. Комаров

Редактор:
Ю.Л. Михайлова

Издание книги на русском языке осуществлено
при финансовой поддержке The Finnish Literature Information Centre (FILIC)

Перевод книги на русский язык выполнен по изданию:
Henrik Meinander. Finlands historia. Linjer, strukturer, vändpunkter.
Söderströms/Atlantis [2006] на основании договора
с издательством Söderslöm & Co и автором.

На обложке: Замок Олавиинлиппа (Олофсборг) в городе Савонлиппа

ISBN 978-5-7777-0429-0

© Henrik Meinander, 2006
© Издательство «Весь Мир».

Содержание

К читателю	vii
1. У истоков	1
Первые обитатели страны	2
Викинги и Крестовые походы	5
Возникновение шведского государства	8
Земледелие и торговля	11
2. Рождение княжества	17
Кальмарская уния	17
Реформация как политика	22
Управление и экономика	26
Войны и родовые распри	31
3. Северная держава	35
Движущие силы экспансии	36
Эпоха графа	40
Зеленое золото	44
Единая лютеранская культура	47
Единовластие и катастрофа	52
4. Стокгольм—Санкт-Петербург	57
Город на Неве и Свеаборг	58
Экономические и социальные преобразования	62
Эпоха практицизма	67
Густавианская эпоха	71
Финская война	76

5. Pax Russica	79
Присоединение к России	80
Нововведения императора	84
Долгое прощание	88
Укрепление национального самосознания	93
Накануне Крымской войны	98
6. Крепнущая автономия	103
Возрождение сейма	103
Национальная и глобальная политика	107
Зарождение индустриализации	111
Гражданское общество	116
Культурное самоопределение	121
Противоречия и отделение	126
7. Борющаяся независимость	133
Гражданская война	133
Нерешительный парламентаризм	139
Прирост и технологии	146
Национальное, современное, популярное	151
Уроки Зимней войны	156
Амбивалентный соратник	162
8. Благосостояние и нейтралитет	169
В тени «холодной войны»	170
Структурные преобразования	176
Социальное и городское	183
Культурная революция	187
Активная внешняя политика	192
Смены власти	198
9. Финляндия и Европа	203
Быстрая переориентация на Запад	204
Кризис и обновление	210
Национальная деконструкция?	215
Европейские перспективы	220
Карта-схема	226
Литература	227
Именной указатель	233

К читателю

Идея настоящей обзорной монографии возникла осенью 2002 г., во время Международной книжной ярмарки в Гётеборге. В толпе меня дернул за рукав директор издательства WSOY Алекси Силтала. Он напрямик спросил, не могу ли я написать новую версию полной истории Финляндии для широкой публики. Идея, разумеется, показалась мне привлекательной, и, получив подобные предложения также от других, я решился приступить к ее осуществлению.

Каждая историческая монография основывается на предыдущих исследованиях. Однако автор постоянно отбирает факты и их конкурирующие интерпретации, из-за чего конечный результат становится новым повествованием с собственными акцентами и перспективами. Таким образом, целью данной книги является сведение важнейших научных достижений последних десятипятнадцати лет в единое хронологическое целое, которое в то же время представляет собой мое понимание истории Финляндии.

Я стремился дать последовательный анализ превращения Финляндии в отдельную нацию и в государство, находящееся в постоянном и зачастую противоречивом взаимодействии с общественным развитием других частей Балтийского региона, Европы и мира в целом. Я также заостряю внимание на особых природных ресурсах Финляндии, ее культурной специфике и технологической подготовленности, поскольку эти факторы в большой степени обусловили реакцию страны на влияния извне. Наконец, я стремлюсь показать, что многие переломные моменты в финской истории явились случайными результатами примечательных цепных реакций всемирной истории.

Выражаю теплую благодарность моим редакторам Андерсу Бьёрнссону, Райнеру Кнапасу и Пану Пульме за обоснованные возражения и дополнения к рукописи, ответственность за возможные недостатки которой лежит, разумеется, лично на мне. Книга написана при содействии Фонда имени Альфреда Корделина и Шведского культурного фонда, которым я также благодарен.

Хельсинки, август 2006 г.

Х.М.

1. У истоков

Около 24 тыс. лет назад, когда период последнего оледенения достиг максимума, Европа сильно отличалась от теперешней. Вся Северная Европа, значительная часть Британских островов и Альпы были покрыты материковыми льдами толщиной от 1 до 3 км. Регионы Центральной Европы, ныне густонаселенные, являли собой субарктическую тундру с вечной мерзлотой, в то время как южные части континента были покрыты хвойными и смешанными лесами. В последующие 14 тыс. лет средняя температура на Земле повысилась. Ледниковые массы медленно таяли, появилась растительность, крупные стада диких оленей мигрировали через континент, а вслед за ними в эту северную часть света пришли также первые люди.

Таяние материковых льдов оказало большое влияние на формирование природного ландшафта. Не будет преувеличением сказать, что география Скандинавии — один огромный памятник отступлению ледника. Ледяные массы продавили земную поверхность, а когда давление уменьшилось, начался медленный подъем суши, продолжающийся и в наши дни (30 — 100 см в столетие). Когда потепление 13 тыс. лет назад было прервано тысячелетним периодом похолодания, вдоль южной и юго-восточной оконечностей ледника образовалась гигантская гравиевая гряда, простирающаяся на территории Финляндии от крайней юго-западной точки страны вплоть до ее восточных регионов. Озера Финляндии, число которых достигает 188 тыс., также являются своеобразным памятником ледниковому периоду, поскольку они возникли в разломах и котловинах, образовавшихся в результате прохождения ледника в горных массивах.

Первые обитатели страны

Древнейшие следы человеческой культуры в Скандинавии находятся предположительно в Эстерботнии (Похьянмаа)*, на западе Финляндии. В конце 90-х годов XX столетия в пещере в Лаппвьерде были обнаружены материальные свидетельства, многими исследователями интерпретированные как следы пребывания неандертальцев, живших не ранее 40 тыс. лет назад. Находка оказалась сенсационной, так как в остальном материковые льды смели все следы человеческого присутствия той далекой эпохи. Следующее свидетельство следов человека в Северной Европе относится к 8500 г. до н.э., то есть к периоду возникновения отдельных поселений охотников и собирателей в Дании, Сконе, Прибалтике, Южной Финляндии и Северной Норвегии.

В ту эпоху теперешняя Финляндия еще находилась, в основном, под водой, а значит, первые люди пришли сюда с юга и юго-востока. Невозможно точно установить, на каком языке говорили эти кочевники. В данном вопросе мнения ученых сильно расходятся. Часть исследователей полагает, что на финском языке, относящемся не к индоевропейской, а к уральской языковой семье, в Финляндии говорят лишь в последние 1500 лет. Другие пришли к выводу, что уже вышеупомянутое первобытное население говорило на языке уральской семьи, разные варианты которого были распространены в обширных регионах европейской части современной России и в Прибалтике. Если верна последняя теория, то в Финляндии один и тот же язык доминирует вот уже более 10 тыс. лет, поскольку финский все еще преобладает.

В любом случае современные финны генетически являются результатом непрекращающейся миграции почти отовсюду — прежде всего с юга и запада. Первая волна переселенцев пересекла Финский залив около 2500 — 2000 гг. до н.э. Несколько столетий спустя началось аналогичное переселение из нынешней Средней Швеции, продолжавшееся с различной интенсивностью в разные исторические эпохи. Исключение составляет саамское население Лапландии, а также других частей современного региона Северный Калотт. Генетически оно происходит в первую очередь от ко-

* Автор приводит написания географических названий в шведской традиции. В скобках указаны финские названия. — *Примеч. пер.*

чевников, пришедших когда-то в Северную Норвегию и на побережье Северного Ледовитого океана вдоль норвежского берега Атлантического океана.

Говоря о том, как складывалась древняя история Финляндии, важно помнить два обстоятельства. Во-первых, этот регион находился так далеко от ранних земледельческих обществ Средиземноморья, что технические инновации и новые способы производства доходили сюда медленно и с трудом. Во-вторых, климат и природа здесь были настолько суровы, что даже с началом развития земледелия в Юго-Западной Финляндии на заре современного летосчисления, то есть в первые 400 лет н.э., регион мог прокормить лишь несколько десятков тысяч жителей. Иными словами, на момент рождения исторического Иисуса Христа большую часть Средиземноморья отличала цветущая земледельческая цивилизация, излишки которой составляли стабильную экономическую основу военного господства, управления и высокой культуры Римской империи. В это самое время основная часть малочисленного населения к северу от Финского залива промышляла охотой и рыболовством, либо, в различных комбинациях, примитивным или подсечным земледелием, скотоводством и традиционным рыболовством.

Северная Европа никогда не была частью Римской империи, но многие римские товары, обычаи и новшества распространились далеко на север благодаря оживленной торговле между Империей и Балтийским регионом. Древнейшее письменное упоминание о финнах (*phinoi*), встречается в нескольких местах у древнегреческого географа Пифея, в его описании путешествия к берегам Балтийского моря в IV в. до н.э. Следующее дошедшее до нас упоминание содержится в трактате «Германия» (98 г. н.э.) древнеримского историка Тацита, где он в числе описываемых им народностей и культур упоминает финнов (*fenni*) обитавших за северными морями, бедных, но счастливых, забытых богами и людьми.

Эта характеристика иллюстрирует отношение римлян к варварам, жившим на севере. Однако именно в тот период существенно расширились связи Рима с Балтийским регионом, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные находки римских монет в населенных частях Юго-Западной Финляндии. Раскол Римской империи надвое и гибель Западной Римской империи были длительными процессами, однако эти переломные моменты остались почти не замеченными в Северной Европе. С V по IX в. н.э. численность населения прибрежных районов Балтийского региона стремитель-

но возрастала. Увеличивалось материальное благосостояние. Одновременно возникала более прогрессивная общественная формация на региональном уровне. С распространением скотоводства и земледелия усилилось расслоение общества, начал выделяться класс вождей. В южной части Скандинавии и в Восточнобалтийском регионе уже на этом этапе существовали местные вожди, называвшие себя королями и соперничавшие друг с другом.

К северу от Финского залива развитие было сходным, но более медленным и не таким масштабным. Вплоть до VIII в. оседлое население здесь было сосредоточено в основном на юго-западном побережье, а также в плодородных областях вдоль реки Кумо (Кокемязньоки) и ее озерной системы в Сатакунта и Тавастланде (Хяме). Прирост оседлого населения происходил также на Аландских островах и в прибрежных областях Южной Эстерботнии. В этот период (V — IX вв.) наблюдается интенсификация торговых связей и связанная с этим миграция населения как в Среднюю Швецию, так и из нее: именно там возникают динамично развивающиеся центры торговли и могущественные поселения под предводительством хёвдингов*. В других частях Финляндии обитало редкое кочевое население — саамы, мигрировавшие на больших территориях и занимавшиеся охотой и рыболовством также в Южной Финляндии вплоть до XVI столетия.

Обширный регион, который начал именоваться Финляндией лишь в XV в., еще не составлял ни государственного, ни культурного целого. В наиболее плодородных его частях правили ведущие семейства, или, правильнее сказать, кланы, которые к концу этого периода (VII — XIX вв.) заключили двусторонние оборонительные союзы и даже порой присягали наиболее могущественным хёвдингам Средней Швеции. К тому моменту контакты Финляндии с западом и югом уже продолжались около двух столетий. Поэтому многие купцы и князья наверняка владели древнеготским, древнегерманским и древнешведским языками. Это отразилось на формировании финского языка. Как уже было сказано, уральская языковая семья, включающая, в частности, также эстонский и венгерский языки, не является индоевропейской. Строй финского языка существенно отличается от строя основных европейских языков, однако благодаря многочисленным заимствованиям финский

* Хёвдинг (*швед. hövding*) — человек знатного происхождения или занимающий высокое положение. — *Примеч. ред.*

язык в культурном отношении развивался в тесном взаимодействии с индоевропейскими языками. Наиболее существенное влияние на финский язык оказал шведский, который во II тысячелетии занял доминирующую позицию во многих прибрежных областях.

Викинги и Крестовые походы

Первый крупный этап заселения Финляндии и распространения культуры начался в середине VIII в. и продолжался вплоть до XIV столетия. В этот период Северная Европа отличалась сравнительно теплым климатом, что наряду с новшествами в области земледелия и техники мореплавания заставляло растущее население искать новые земли в восточном направлении. Восточные районы внутренней Финляндии, Карелия, а также северные берега Ладожского озера стали, таким образом, заселяться земледельцами из Юго-Западной Финляндии и Тавастланда, практиковавшими, в частности, подсечное земледелие. Постепенно началось также заселение южных берегов Ладоги славянскими племенами, экономическим центром которых стал Новгород. Продвижение финнов на восток привело около 1000 г. к появлению у карельского населения самобытной культуры. Иными словами: приблизительно тысячу лет назад к северу от Финского залива обитало три племени — финны, тавастландцы (*финск.* хямьяйсет) и карелы.

Это переселение народов частично совпало с походами шведских викингов на восток. Пути викингов пересекали северный берег Финского залива, Неву и Ладогу, в южном направлении через Россию, до самого Черного моря и Константинополя. Доказательств того, что в этих походах принимали участие отдельные финские воины или корабли, не существует. Очевидно, однако, что природные гавани и торговые центры, расположенные у Финского залива и Ладоги, использовались викингами (варягами) в качестве перевалочных пунктов. Походы викингов (800 — 1025) часто описываются в популярной исторической литературе как грабительские набеги. В реальности они включали также торговлю, колонизацию и административную реорганизацию политически слабых или ранее не заселенных областей Европы. Так обстояло дело на западных направлениях и на Руси, где варяжские князья стали править Новгородом (862) и Киевом (882), заложив основы впоследствии столь могущественного Российского государства.

Для Финляндии эпоха викингов также стала преддверием государственной интеграции как в экономическом, так и в культурном плане — процесса, усилившегося во многих областях на протяжении XII в. и к концу XIII в. связавшего значительные части современных Швеции и Финляндии в единое государство.

Письменных источников финской эпохи викингов не существует, но зато налицо богатый фольклорный материал, систематизируемый собирателями с XVIII в. и уходящий корнями в дохристианское общество той эпохи. К числу первых собирателей финноязычного фольклора принадлежит Элиас Лённрот (1802 — 1884). Он обработал и объединил песни и сказания в литературное повествование, руководствуясь античными образцами и произведениями эпохи романтизма. Первая версия труда вышла в 1835 г. под названием «Калевала». Это творение стало краеугольным камнем в формировании финского национального самосознания, народным эпосом Финляндии, причем это было обусловлено не только присущим данным сказаниям народной мудростью и стилистическим совершенством. «Калевалу» «приняли на вооружение», поскольку эпос включал собственную историю Финляндии до государственного объединения со Швецией. Для потомков руны эпоса являются также источником знаний об обществе эпохи викингов — от сведений о влиятельных деревенских кузнецах и об удобных рыболовных снастях до описаний кровавых родовых распр и народной мифологии.

Тот факт, что Северная Европа никогда не была присоединена к Римской империи, повлек за собой почти тысячелетнюю изоляцию от христианской церкви. Лишь начиная с VI в. отцы церкви стали толковать заповедь Христа проповедовать Евангелие среди других народов как призыв обращать варваров также и за пределами Римской империи. Именно к VI в. относятся первые свидетельства того, что христианское учение начало проникать в Финляндию. В VIII — XIX вв. на украшениях и других предметах роскоши появляется крест как приносящий удачу и интегрирующий символ. Другим признаком распространения христианских обычаев среди княжеского сословия был отказ от традиции сжигания умерших, которая постепенно сменилась захоронением.

Подобные процессы шли также в Швеции и Восточнобалтийском регионе. Христианские символы и обряды распространялись опосредованно через торговые связи. В 20-х годах IX в. папская администрация, руководствуясь как духовными, так и политиче-

скими причинами, решила начать активную миссионерскую деятельность на севере. Эта задача была поручена бременскому монаху Ансгару, впоследствии называемому апостолом Скандинавии. В 829 г. он прибыл в Бирку, торговый город викингов в восточной части Средней Швеции. Со временем он был назначен архиепископом в Бремене, который в последующие 200 лет являлся главным центром христианизации Скандинавии. Однако христианские обычаи по-настоящему утвердились в скандинавских обществах только в начале XI в. Лишь с этого времени правомерно говорить о христианском Севере. В Прибалтике и Финляндии этот процесс протекал еще медленнее, так как организованная миссионерская деятельность здесь началась не ранее XII столетия.

На востоке Балтийского региона обращение населения в новую веру зачастую принимало крайне жестокие формы. Речь идет о так называемой миссии меча под предводительством рыцарей-крестоносцев из Германской империи. К северу от Финского залива развитие было несколько иным. В эпоху викингов началось экономическое слияние Юго-Западной Финляндии со Средней Швецией, что благоприятствовало распространению христианских обычаев и взглядов в Финляндии: по дипломатическим соображениям шведские викинги-князья начали принимать крещение и не препятствовали отдельным миссионерам пытаться счастья в Финляндии. Таким образом, уже в конце XI столетия в юго-западной части страны, видимо, возникли первые церковные общины.

Существует две причины, по которым миссионерская деятельность в Финляндии приняла в XII в. более организованные формы. Во-первых, к этому моменту медленно, но верно укрепилась королевская власть в Швеции, что способствовало возрастанию ее влияния на развитие Финляндии и других частей Балтийского региона. Во-вторых, соперничество между папской властью и Германской империей привело к основанию папой новых архиепископств в Лунде (1104) и Упсале (1164) с целью устранения архиепископа Бременского, отличавшегося чрезмерной верностью германскому императору. Решение папы распространить систематическую миссионерскую деятельность на Финляндию явилось звеном в этой борьбе за власть, поскольку крестоносцы германского императора в то же время укрепляли свои позиции в Прибалтике. Дополнительным стимулом для деятельности миссионеров в Финляндии были опасения возможной активности со стороны Новгорода и православной церкви.

В средневековых источниках упоминаются три Крестовых похода в Финляндию. Позднее историки относили их приблизительно к 1155, 1239 и 1293 гг. Хотя христианизация Финляндии проходила в основном мирным путем, церковь нуждалась в легендах об активной борьбе между добром и злом, якобы сопровождавшей обращение язычников. Первый из Крестовых походов, известный современным исследователям (1155), возглавил в соответствии с церковной традицией британский монах Хенрик. Под защитой короля свеев Эрика он предпринял миссионерскую экспедицию в Юго-Западную Финляндию. Причиной того, что именно этот поход стал известен потомкам, стала последующая канонизация Хенрика и объявление его покровителем епархии города Або (Турку), так как, по преданиям, этот монах при жизни творил добро и чудеса. Согласно легенде, Хенрик крестил финнов после того, как они были разбиты войском короля Эрика, и остался в Финляндии в качестве епископа новой миссионерской епархии, но через год был убит финским крестьянином Лалли, который, разумеется, понес за это Господню кару.

Возникновение шведского государства

Тринадцатый век характеризовался нарастанием борьбы за политическое и экономическое господство над побережьем Финского залива. В Северной Прибалтике пытались утвердиться датчане. В 1219 г. они основали портовый город Ревель, ныне официально называемый Таллинном. По-эстонски *Taani linn* дословно означает «город датчан». Однако населяли город преимущественно немцы. Уже в 80-х годах XIII в. он получил статус ганзейского города. На востоке осуществлялась экспансия со стороны Новгорода под предводительством князя Александра, в 1240 г. победившего шведское войско у берегов Невы и потому получившего почетное прозвание «Невский». Два года спустя он разгромил рыцарей Тевтонского ордена в битве на льду озера Пейпус (Чудского озера).

Укреплялась власть шведской короны и католической церкви над местными князьями в Средней Швеции и к северу от Финского залива. Хотя централизация власти была длительным процессом, продолжавшимся в течение всего Средневековья, можно говорить о существовании уже в начале XIV в. шведского государства, одним из важнейших регионов которого была Юго-Западная

Финляндия. В результате стабилизации политической обстановки крестьяне из перенаселенных областей Швеции стали перебираться через Финский залив и селиться в относительно пустынных береговых районах Эстерботнии.

Очевидно, что колонизация не контролировалась верховной властью. Однако чем дальше на восток продвигались колонизаторы, тем чаще возделыванием новых земель руководили князья или богатые крестьяне, причем они старались завладеть львиной долей пахотной земли. Переселенцы представляли собой немногочисленную группу населения. Благодаря бракам и языковому взаимодействию финно- и шведоязычное население еще до ослабления иммиграции в середине XIV в. начало смешиваться. Несмотря на свою незначительность, миграции из Швеции положили начало заселению побережья Финляндии шведоязычными жителями — процесс, непрерывно продолжавшийся вплоть до наших дней.

Утверждение шведского языка в Финляндии было связано также с тем, что он все в большей степени становился языком власти. В конце 30-х годов XIII в. шведский ярл* Биргер предпринял карательную экспедицию в западную часть внутренней Финляндии — Тавастланд, — жители которой вступили в союз с Новгородом. В дальнейшем эта экспедиция (1239) стала известна как Второй крестовый поход в Финляндию. Она была санкционирована папой, так как тавастландцы сожгли католический храм. Однако важнейшей целью этого похода было упрочение шведского королевского владычества в Финляндии. По приказу ярла Биргера в Тавастланде была построена крепость Тавастхус (Хямеенлинна). Со временем крепость стала важным административным центром шведской короны.

Римско-католическая церковь играла ведущую роль в консолидации светской власти повсеместно в Европе. Тот факт, что шведская корона могла защитить служителей церкви и ее собственность от местных князей и владык, был выгоден церкви. Такие же отношения между светской и королевской властью существовали в Швеции. В XIII в., после различных междоусобиц, Швеция и Финляндия образовали единое государство под властью монарха. Церковь последовательно поддерживала интересы короны. В конце XIII в., когда королевское военное присутствие все более распространялось на восток, в направлении Карелии, вслед за вой-

* Ярл — в скандинавских государствах начальник или наместник области. — *Примеч. ред.*

сками шли католические прелаты. Летом 1293 г. шведский военный предводитель Тюргиль Кнутссон предпринял успешный поход на Карельский перешеек. Местное православное население было обращено в католическую веру. Была возведена Выборгская крепость, которая вплоть до XVIII в. оставалась важнейшим приграничным оплотом королевства на востоке.

В результате этой военной операции, вошедшей в историю под названием Третьего крестового похода в Финляндию, постепенно обозначилась более четкая граница между сферами интересов шведской короны и Новгорода. С подписанием Нотебургского (Ореховецкого) мира* между обоими государствами возникла политическая граница, которая одновременно стала демаркационной линией, разделившей западные и восточные церковные общины. Таким образом, большая часть нынешней Финляндии попала под шведское и римско-католическое владычество. Это обстоятельство сыграло решающую роль в дальнейшей судьбе страны. Присоединение Финляндии к западной церкви повлекло за собой не только унификацию форм управления страной и ее духовной культуры в соответствии с характерными особенностями других регионов Европы, подчинявшихся папе Римскому. Тем самым финская культура медленно, но верно подвергалась ассимиляции со стороны общеевропейской католической культуры. Новые способы управления и церковное искусство отражали целый ряд духовных ценностей, которые в последующие века стали формировать у финского народа мироощущение и взгляды на жизнь — прежде всего в форме позднейшего лютеранства.

Однако утверждение западной церкви в Финляндии не обусловило немедленный отказ от языческих традиций и представлений. Страна являла собой крайне малонаселенный и обширный регион. Как и в других частях Европы, здешнему крестьянству удалось сохранить многие древние обычаи, переосмысливая их как христианские. Наиболее известна трансформация языческих обрядов плодородия в празднование христианской Троицы. Оба праздника приходились на конец весны или на самое начало лета. Оба были посвящены возрождению. Во время языческого праздника люди приносили символические жертвы в честь пробуждения природы, земледелия и жизни. Христианский праздник восславлял Вознесение Христа. Все это облегчало объединение двух tradi-

* 1323 г. — *Примеч. ред.*

ций в одну. Так произошло, например, в тавастландской деревне Ритвала, отличавшейся плодородной землей. Древний языческий культ плодородия приобрел здесь католический облик в начале XIV в., однако, вплоть до XVIII в. этот обычай сочетался с прежними оргиастическими празднествами.

К началу XIV в. шведская королевская власть начала возводить в Финляндии три укрепления: Абоский замок, Выборгский замок и уже упоминавшуюся крепость Тавастхус. В конце XV в. была также построена крепость Олофсборг (Олавинлинна) в приграничной зоне на юго-востоке области Саволакс (Саво). Одновременно заложили несколько малых укреплений (в частности, Расеборг и Кастельхольм), которые также способствовали упрочению королевской власти в различных регионах. Как и в целом в Европе, эти крепости являлись военными сооружениями и центрами сбора налогов. Центральная власть, однако, все еще была слаба, и поэтому значительную долю управленческих функций на местах брала на себя церковь. Последнее особенно заметно в Финляндии, где епископство в Або задавало тон процессу административной интеграции. Основой церковного управления являлись местные приходы, которые были образованы в каждой волости. Волости, в свою очередь, представляли собой наименьшие административные единицы светской власти.

Не позднее XIV в. восточная часть шведского королевства стала называться для краткости Остерландией (*Osterlandia*), то есть «страной на Востоке». В последующие столетия епископство в Або играло столь значимую роль в общественной жизни, что восточную часть королевства стали именовать Финляндией, по названию юго-западной береговой области, где находились город Або и вышеупомянутое епископство. Поэтому эта область до сих пор называется Собственно Финляндией (*Varsinais-Suomi*). Топоним «Финляндия» впервые официально упомянут в 1419 г. как обозначение всей восточной половины королевства. В 40-х годах XV в. он укоренился также в законодательных документах.

Земледелие и торговля

До XVI в. постоянные поселения в Финляндии были сосредоточены в основном в наиболее плодородных частях побережья и в Тавастланде. Здешние приходы имели средства возводить церкви,

для финских условий роскошные — гранитные, со сводами и архитектурными украшениями из кирпича, как символ победы цивилизации над скудной природой и язычеством. Многие из этих каменных церквей сохранились до наших дней и активно используются приходами, одновременно являясь географическими и культурными памятниками финского Средневековья. Менее долговечными оказались светские сооружения — поместные замки и монастырские постройки, которые, за немногими исключениями, были снесены или разобраны на стройматериалы.

Быт средневековой Финляндии существенно отличался от образа жизни, характерного, например, для христианского населения Средиземноморья. Из-за сурового климата прибыли от земледелия в Северной Европе были значительно меньше, чем в Южной. Это, разумеется, сильно влияло на культуру и на общественную жизнь в целом. Как уже указывалось, при посредничестве церкви в западной христианской цивилизации со временем возникли многочисленные общие традиции, составившие ядро культуры, присущей современному Европейскому союзу. Этому в большой степени способствовало то, что духовенство получало однотипное образование, которое включало изучение латыни и святых таинств в кафедральных школах епископств, а также в университетах Центральной и Южной Европы. Другой важной движущей силой в формировании единой западной культуры были монастыри. Сеть монастырей различных орденов играла особую роль в распространении культуры на периферии Европы, в частности в Финляндии.

Монастыри представляли собой систему перевалочных пунктов как для католических монахов со всей Европы, так и для финских паломников. Монахи несли с собой европейскую книжную премудрость, а также различные ремесла, в то время как мирские пилигримы по возвращении в родные места распространяли там единые христианские обычаи и предания. Важнейшим центром паломничества финнов, естественно, являлся Рим. Однако существуют свидетельства путешествий финских паломников и в другие места поклонения: в Сантьяго-де-Компостела в испанской Галисии, в норвежский Нидарос к мощам Олава Святого — знаменитейшего из святых Северной Европы, а также к могиле св. Биргитты в Вадстену. Первые доминиканские и францисканские монахи прибыли в Финляндию в XIII в. Спустя два столетия (1438) в Нодендале (Наантали), неподалеку от епископства города Або, был заложен монастырь сестер-биргиттинок. Монастырь успел пере-

жить кратковременный расцвет, прежде чем лютеранская Реформация распространилась в XVI в. на Северную Европу.

Погибший в бою король викингов Олав (ум. 1030) был канонизирован как распространитель христианства и законности в Скандинавии. В его честь были названы многие церкви во всем Балтийском регионе. Культ св. Олава быстро распространялся, причем не только благодаря усилению владычества скандинавских королей и католической церкви на Балтике. В распространении этого культа важную роль сыграло утверждение более стабильных форм торговли — процесс, приведший к образованию системы прибрежных городов вокруг всего Балтийского моря. Движущей силой этих экономических перемен была сеть городов Ганзейского союза, управление которым велось из Северной Германии. Успехи Ганзы обуславливались в первую очередь наличием торгового пути из Новгорода в Брюгге (расположен на территории современной Бельгии). Этот путь удавалось поддерживать, несмотря на меняющуюся политическую конъюнктуру. Неоценимо значение влияния ганзейских городов на общественное развитие Балтийского региона. Возникновение Ганзейского союза и его более чем трехсотлетний золотой век (ок. 1200 — 1500) были положительными следствиями политической раздробленности Германии. Важную роль играл также быстрый прирост населения во всей Европе и ряд технических изобретений, значительно облегчивших перевозку товаров и строительство городов. Все увеличивавшееся население Европы потребляло все зерно, вывозившееся из Балтийского региона, рассчитываясь за него тканями, пряностями, винами и другими товарами, имевшими высокую ценность или престиж. Роль Финляндии в этом разделении труда была, разумеется, второстепенной, но с помощью экспорта сливочного масла, шкур и рыбы страна могла оплачивать растущий импорт вышеупомянутых товаров. Важным предметом ввоза, безусловно, являлись ткани. Однако главнее всего был ввоз соли, необходимой для длительного хранения продовольствия.

Собственно ганзейские города располагались лишь на территории Северной Германии и в Прибалтике (Рига, Ревель-Таллинн). Кроме них возникли также города, получившие право торговать с Ганзой. В XIII — XIV вв. несколько таких городов было основано в Финляндии. Первым и наиболее значительным из них стал Або. Город имел большое значение, так как представлял собой систему складов в торговле между Юго-Западной Финляндией и другими

частями Балтийского региона. К тому же Або являлся резиденцией епископа, а впоследствии также университетским центром восточной половины шведского королевства (1640). Устье реки Ауры в Або уже в эпоху викингов было значительным торговым пунктом, а после закладки здесь доминиканцами монастыря св. Олава застройка постепенно приобрела городские черты. В 80-х годах XIII в. началось возведение Абоского замка, а в 1300 г. в городе был освящен Домский собор с тремя нефами, до сих пор являющийся важнейшей святыней Финляндии. К Выборгу (Виипури), заложенному в 1293 г., в последующие два года прибавилось несколько городов на западном побережье: Ульфсбю (Ульвила), Раумо (Раума) и Нодендаль, а также Борго (Порво) на южном побережье края Ньюланд (Уусимаа).

Значительную часть населения этих весьма малых по европейским понятиям городов составляли немцы, вернее, купцы, говорившие на нижненемецких диалектах. Они избирали бургомистра и совет, а также объединялись в гильдии по тем же принципам, что и в других приморских городах. Так, в середине XIV в. более 80% горожан в Або были немцами из северных земель — Рейнской области и Вестфалии. Шведский король принял закон, по которому не менее половины городских бургомистров и членов советов должны были иметь местное происхождение, но доказательств того, что этот закон соблюдался, нет. В любом случае советы стояли на страже интересов купечества и были гарантом выполнения купцами торговых договорных обязательств. Тем самым советы являлись связующим звеном между горожанами и их торговыми контактами в других частях Северной Европы. Гильдии выполняли в основном социальную функцию, являясь, по сути дела, эксклюзивными клубами для совместных праздников и попок. В Средние века в Або существовало не менее шести гильдий, каждая из которых имела свой особый профиль и статус. Самой престижной была, без сомнения, Гильдия Трех Королей, члены которой представляли преимущественно городское духовенство, дворянство и управленческие структуры.

Учреждение гильдий имело место в наиболее плодородных районах сельской местности в Финляндии, но касалось оно лишь местной общественной элиты. Важно помнить, что в шведском государстве не было регулярной системы дачи земли в лен. Было принято давать в пользование не самих крестьян, а лишь право взимать с них налог. В Центральной и Восточной Европе значи-

тельная часть крестьянства была прикреплена к земле, которой владели единовластные феодалы. Король давал феодалам право налогообложения в их ленах, а взамен получал лояльность и военную поддержку феодалов. В шведском королевстве подобная система так толком и не утвердилась: здесь было недостаточно пахотной земли и рабочей силы. Поэтому в Северной Швеции и в Финляндии лишь 5% крестьян работали на земле, не являясь собственниками или арендаторами. По этой причине крестьянство в восточной части королевства, как правило, платило налоги непосредственно королю и церкви. Важно также отметить, что финские крестьяне старались блюсти свои интересы и в некоторых случаях могли весьма упорно их отстаивать, особенно если противником в разногласиях выступала церковь.

Уже в доисторическое время в речных долинах и на других плодородных землях Юго-Западной Финляндии возникло оседлое земледелие и скотоводство. Важнейшим техническим новшеством в этой отрасли стал оборотный плуг, который сделал возможной обработку тяжелых глинистых почв, тем самым обеспечив условия для очистки все новых земель под пашню. Вдоль южного побережья и на Аландских островах возник целый ряд деревень, расположенных в шхерах, где главными отраслями были рыболовство и скотоводство. Чем дальше на север и на восток, тем больше становилась доля подсечной пашни. Подсечное земледелие отнюдь не являлось примитивной формой обработки земли. Урожай с подсечной пашни (сам-20 — сам-30) в несколько раз превосходил прибыль с постоянно возделывавшихся полей в Финляндии (сам-5 — сам-10), причем встречалось много разновидностей подсечного земледелия. Из них наибольшее экономическое значение имел метод «хухта», который пришел в Финляндию из России примерно в XI в. Он был основан на наличии обширных хвойных лесов на общинной земле, поскольку на обработку земли уходило четыре года, а урожай с нее можно было получить лишь единожды. На практике это означало, что крестьяне вырубали и сжигали молодую поросль в том же году, когда ранее обработанные участки подсеки засеивались и с них снимался урожай.

Вспомогательными промыслами крестьян-подсечников служили рыболовство и, в незначительной степени, охота. Скотоводство в больших масштабах не было распространено. Деятельность крестьян-подсечников охватывала обширные территории, поэтому они не могли иметь постоянных скотных дворов и других ти-

пичных построек. Подсечное земледелие было очень трудоемким, в результате чего хозяйства этих регионов вплоть до XIX в. состояли из настоящих мегасемей, включавших, в свою очередь, несколько нуклеарных семей, проживавших вместе. Это наложило отпечаток на финские фамилии, которые указывали, к какой расширенной семье человек принадлежал.

Бедность стала причиной того, что в Финляндии сформировался очень малочисленный слой высшего класса, то есть неподатного сословия (фрельсе). Чтобы получить такие привилегии, землевладелец должен был за свой счет снарядить для короны конного ратника и обеспечить его всем необходимым. Большинство семей, достигших такого положения, представляли богатых шведо- или немецкоязычных крестьян с южного побережья, но постепенно к этой группе присоединились некоторые состоятельные финноязычные крестьянские роды из разных частей Юго-Западной Финляндии. В то же время в Финляндии отсутствовала серьезная необходимость содержать боеготовое воинское сословие. Нотебургский (Ореховецкий) мирный договор между Швецией и Россией 1323 г. стабилизировал положение на восточной границе сроком на сто лет. Поскольку у короля не было средств укрепить центральную власть, монархия на протяжении большей части Средневековья являлась политическим союзом относительно независимых замковых ленов.

2. Рождение княжества

Возникновение единых государств с неограниченной центральной властью представляло собой во всей Европе медленный процесс, продолжавшийся с различной интенсивностью вплоть до XVII в. Политическое объединение Швеции в королевство, а затем и в наследственную монархию протекало во взаимодействии и в соперничестве с датским, российским и польским государствами. В XV в. могущество Дании было велико, но по мере упрочения власти Густава Васы над шведскими землями в 20-х и 30-х годах XVI в. на берегах Балтики возникло сильное королевство, которое во второй половине XVI в. выстояло под внешним напором, несмотря на внутреннюю борьбу за власть сыновей Густава Васы.

В ту эпоху Финляндия приобрела важное экономическое и военное значение. До 1617 г. шведское королевство расширялось главным образом на восток, а следовательно, значительная часть крепостей строилась именно в восточной его половине. Туда же стягивались военные формирования. Особенно заметно это стало во второй половине XVI в., в период затяжных войн с Россией. Данное обстоятельство объясняет и тот факт, что королевские междоусобицы между братьями часто разыгрывались именно в Финляндии.

Кальмарская уния

Ярким выражением ослабления королевской власти в Швеции стали затяжные распри из-за престолонаследия, которые имели место на протяжении большей части XIV и XV в. Правители, чье

положение зачастую было шатким, пытались сделать престол однозначно наследственным. Их попытки терпели поражение из-за конкурирующих дворянских родов, которые заключали союзы как между собой, так и с немецкими князьями, чтобы защитить свои региональные и общегосударственные интересы. Одной из влиятельнейших фигур того времени был Бу Йонссон Грип, крупнейший в Швеции землевладелец, который способствовал восшествию на трон Альбрехта Мекленбургского на выборах короля в 1364 г. Вскоре Бу Йонссон получил должность дротса, то есть высшего канцлера королевства. С самого начала северогерманский король зависел от экономической поддержки Йонссона, благодаря чему последний сумел понемногу выкупить большую часть королевских поместий и сделаться фактическим правителем. Наиболее сильную власть Бу Йонссон имел над финляндскими поместьями, которые таким образом сделались как бы его собственным государством в государстве.

Избрание Альбрехта королем отражало усиление позиций ганзейских городов и северогерманских князей во всей Скандинавии. Их господство ощущалось в каждой сфере общественной жизни. После смерти Бу Йонссона в 1386 г. скандинавская знать решила сплотиться в борьбе против немцев. Следствием этого стало образование в 1397 г. в Кальмаре унии трех скандинавских королевств — Швеции, Дании и Норвегии. Монархом унии был избран Эрик Померанский. Однако до 1412 г. за него фактически правила его двоюродная бабка по материнской линии Маргарета — датская принцесса, сосредоточившая в своих руках значительную власть в результате брака с претендентом на шведско-норвежский трон.

Кальмарская уния стала одним из крупнейших королевств в Европе, но плотность населения здесь была незначительна, а экономический потенциал слаб. Поэтому королям унии не удалось превратить ее в централизованное государство. Формальное сохранение унии до 1521 г. обуславливалось относительным единством антинемецких устремлений стран-участниц. Однако даже в этом вопросе у них были разные интересы. Почти каждые выборы правителя унии сопровождались длительными переговорами. Введение унией торговой блокады против ганзейского города Любека негативно отразилось на экспорте шведской железорудной промышленности на материк. В 30-х годах XV столетия в разных частях шведского королевства вспыхнули восстания крестьян и гор-

няков. В последующий период шведская аристократия относилась к унии с недоверием, а в 1471 г. трения между Данией и Швецией даже привели к вооруженному конфликту в Брункеберге (ныне Нормальм) к северу от Стокгольма. Недоразумение было улажено, но в перспективе оно явилось причиной распада унии.

Для Норвегии период унии стал, безусловно, временем политического упадка. К тому же на страну со страшной силой обрушилась «черная смерть» — чума. Короли унии следили за тем, чтобы почти все руководящие посты в Норвегии распределялись среди датских, шведских или немецких аристократов. Тем самым Норвегия была превращена в датскую провинцию. На развитии Финляндии период унии сказался более благоприятно. Усиление датской гегемонии и последовавшие за этим конфликты давали руководящим кругам Финляндии большую маневренность и возможности завоевывать политические привилегии. Благоприятному развитию Финляндии способствовало возрастание ее экономического значения для шведского королевства в XIV и XV вв. Однако неверно было бы утверждать, что восточная половина королевства начала отделяться от Швеции. Речь шла скорее об усилении влияния финляндских руководящих общественных слоев на дела государства. Таким образом Финляндия превращалась в одну из важнейших областей шведского королевства. Начиная с 1362 г. представителям финских сословий было разрешено участвовать в выборах короля Швеции.

Соперничество между Данией и Швецией вызвало несколько кровавых столкновений в 1470 — 1520 гг., но не оно явилось главной причиной расторжения Кальмарской унии. Благодаря техническим достижениям (порох, огнестрельное оружие, артиллерия), а также растущему объему европейской торговли королям той эпохи было все легче подчинять себе местных князей и дворян, чтобы укрепить свою власть на государственном уровне. В случае удачи следующим этапом становилось расширение территорий государства и установление контроля над стратегически важными торговыми путями. В Северной Европе пример подало Великое княжество Московское, в 1477 г. подчинившее себе Новгород. Следующая экспансия московитов была направлена на Польско-Литовское королевство, которое, подобно Кальмарской унии, представляло собой крупное, но непрочное государственное объединение. По существу, подобное развитие было характерным для Франции, Испании и Англии, где монархи различными спосо-

бами подавили влияние высшего дворянства и церкви, а затем получили контроль над ранее независимыми ганзейскими городами и союзами городов. Обыкновенно эти средоточия власти принимали форму наследственных королевств.

Образование централизованного Российского государства изменило военно-политический ландшафт Балтийского региона. Восточная граница шведского государства с Россией проходила через территорию современной Финляндии, но положение осложнялось тем, что при заключении Нотебургского (Ореховецкого) мира граница была обозначена лишь на южной оконечности Карельского перешейка. В результате северные части Финляндии и Карелии подвергались двойному налогообложению — как Швецией, так и Россией, так как оба государства использовали эти земли в качестве охотничьих и рыболовных угодий. В XV в. положение дел стало меняться по мере продвижения на восток земледельцев-подсечников из области Саволакс. Речь идет о территориях, ранее использовавшихся прежде всего карелами, подвластными Новгороду и Москве. Из-за непрекращающихся приграничных споров в 70-х годах XV в. шведы построили во внутренней, озерной части Саволакса большую крепость Олофсборг. В Москве это расценили как провокацию, поскольку считалось, что крепость находится на русской территории. Последовала череда вооруженных конфликтов. Когда стороны, более чем через сто лет, заключили мир в селении Тявзино в 1595 г., граница продлилась до Северного моря. Она проходила вдоль восточных рубежей края Саволакс и однозначно определяла Лапландию как часть Швеции.

Однако необходимость усиления централизованной власти в Швеции диктовалась не только беспокойным положением на восточной границе. В то время, когда шли войны с Россией, датская корона интенсифицировала свои попытки подавить шведскую аристократию, чтобы превратить скандинавскую унию в датскую гегемонию. Для достижения своих целей датчане не останавливались перед альянсом с Россией. Осенью 1520 г. датский король унии Кристиан II, заняв Стокгольм, приказал казнить 82 шведских дворянина, посмевших выступить против его верховной власти. Подобные массовые казни имели место также в Финляндии. «Стокгольмская кровавая баня» повлекла за собой ответную реакцию, которая застала Кристиана II врасплох. В Швеции крестьяне — собственники земли имели столь стабиль-

ное экономическое положение, что не чувствовали особой угрозы со стороны местной аристократии и потому не поддерживали массовую резню. После возвращения Кристиана в Данию 24-летний шведский дворянин Густав Эрикссон Васа сумел поднять крестьянское восстание в провинции Даларна. Оно быстро перекинулось на другие части страны. В августе 1521 г. Васа был избран правителем всей Швеции.

У Густава Васы были три козырные карты. Во-первых, поддержка зажиточных крестьян в области Даларна: их легко было восстановить против датчан, повышавших налоги и препятствовавших вывозу железной руды в Ганзу. Во-вторых, Васа сблизился с лидерами Ганзы в Любеке, находившемся в то время в состоянии войны с Данией. Военная и экономическая помощь Любека имела решающее значение, хотя, разумеется, способствовала усилению влияния этого города на шведскую политику. В-третьих, Кристиан II, устроив «Стокгольмскую кровавую баню», устранил большую часть внутренних соперников Густава Васы в среде высшего дворянства. Шестого июня 1523 г. Васа принес традиционную королевскую присягу на заседании риксдага в Стренгнесе. В Финляндии датское сопротивление продолжалось еще полгода, однако в октябре 1523 г. последние формирования датчан вынуждены были капитулировать в Выборге.

Тот факт, что финальные сражения против датского владычества развернулись именно в восточной части шведского королевства, имел определенное значение. Финские неподатные роды (фрельсе) оказывали Густаву Васе единодушную поддержку и, когда победа стала реальностью, часто пользовались доверием короля в государственных вопросах. Кровавое расторжение Кальмарской унии сильно уменьшило политический потенциал высшей шведской знати, что, в свою очередь, облегчило прямой диалог между королем и восточной частью государства, тем более что сам Васа охотно полагался на советчиков и союзников неблагородного происхождения. В довершение всего было очевидно, что контроль над Финляндией играл существенную роль в предотвращении возможных датско-российских альянсов.

Можно с уверенностью утверждать, что путь Густава Васы к престолу соответствовал общеевропейской схеме. К тому моменту подобная централизация власти уже была проведена в России и в Дании. Укрепление Васой шведской королевской власти решительно способствовало распаду трех могущественных

транснациональных систем в Балтийском регионе: Кальмарской унии, Ганзейского союза и, что не менее важно, скандинавского католицизма, подчиненного папскому Риму. В истории Финляндии, таким образом, начался период более ощутимого шведского влияния.

Реформация как политика

Приход молодого Густава Васа к власти был благотворным. В шведской политике Васа оказался отнюдь не калифом на час. Он оставался на троне фактически до своей кончины в 1560 г. Первый и, возможно, наиболее решающий шаг на пути к суверенному королевскому правлению Васа предпринял на заседании риксдага в Вестеросе в 1527 г. Ему удалось добиться полной секуляризации обширных владений католической церкви, включая большую долю частной собственности духовенства. Это решение мотивировалось серьезной задолженностью перед Любеком, возникшей в период борьбы против засилья датчан. Для восстановления баланса казна нуждалась в новых ресурсах. По тем же причинам Васа еще раньше отменил установленное с давних пор ежегодное содержание епископов страны, а также обложил церковь налогами.

Определенную роль играли и политические мотивы. До реформ Васа шведские католические епископы были членами государственного совета. Они также имели право на личную охрану и на строительство укреплений, что обеспечивало им независимость и политическое влияние. В начале 20-х годов XVI в. архиепископ Густав Тролле открыто перешел на сторону датского короля унии. Густав Васа не оставил это безнаказанным. Тролле был обвинен в государственной измене и бежал из Швеции, в результате чего в Вестеросе вышеупомянутые епископские политические привилегии были отменены. Одновременно папские власти лишились всякого влияния в вопросах выборов епископов и назначения на иные церковные должности. Эти меры возымели желаемое действие. Епископы и другие священнослужители сохранили местный престиж, но в остальном они превратились в послушное орудие в руках короля.

Сокращение церковной собственности существенно улучшило финансовое положение шведской короны на много лет вперед, не разрешив при этом, однако, проблем экономической и полити-

ческой зависимости Швеции от ганзейского Любека. В 30-х годах XVI в. более половины долгов Швеции еще не было выплачено. Однако на требование Любека начать войну с растущей торговой державой — Голландией Густав Васа ответил отказом. Это привело к войне, в которой Швеция и Дания выступили единым фронтом и нанесли поражение Любеку. По Гамбургскому мирному договору 1536 г. Любек отказывался от дальнейших долговых претензий к Швеции. Таким образом период господства ганзейских городов в торговле Балтийского региона закончился навсегда.

На протяжении последовавших ста пятидесяти лет Голландия стала крупнейшей торговой державой на Балтике. Благодаря этому страна сыграла важную роль также в истории Финляндии. Однако торговая стратегия голландцев сильно отличалась от принципов, которым следовали ганзейцы. После распада Ганзы вокруг Балтийского моря сохранились ранее сложившиеся торговые связи и города, из-за чего голландцы не могли установить контроль над торговлей. Другим препятствием было возникновение сильных королевств во всей Европе. Поэтому голландцы сосредоточили усилия на развитии мореплавания и обеспечили себе гегемонию в сфере торговых перевозок из портов Балтийского моря в быстро растущие атлантические гавани Западной Европы.

В более широкой перспективе коммерческие связи между Балтикой и атлантической Европой были формой развития мировой торговли. Сосредоточение капитала и прирост населения в Западной Европе способствовали повышению спроса на зерно, древесину и другое сырье, ввозимое из Балтийского региона. Оплата осуществлялась в виде тканей, вин, предметов искусства и других предметов роскоши. Внешними движущими силами этого глобального структурного превращения были немногочисленные и с виду простые технические изобретения — порох, компас и книгопечатание. При помощи пороха и огнестрельного оружия короли могли бороться против власти местных князей. Компас был необходимым прибором для долгих и частых путешествий по морю. Наконец, книгопечатание открыло совершенно новые возможности для распространения знаний и общения между людьми.

Книгопечатание явилось необходимой предпосылкой Ренессанса — новой культурной формы мышления, заложившей основы современных наук и способствовавшей появлению в Европе картины мира, в большей степени сосредоточенной на отдельной личности. Вскоре после того, как монополия католической церкви

на истину стала подвергаться сомнению, пошатнулось также влияние церкви на мирские дела. В 1517 г. немецкий монах Мартин Лютер выступил с критикой папской власти. Уже семь лет спустя шведский король Густав Васа начал проводить политику, направленную на ослабление связей с Римом, искусно ссылаясь на тезисы Лютера о том, что церковь есть объединение верующих и что ее собственность, таким образом, принадлежит народу. Вскоре, в 1527 г., последовала секуляризация церковного имущества в Вестеросе, а также установление королевского контроля над церковной администрацией.

В результате этих реформ цели Густава Васы были достигнуты. Поэтому формально он не осуществил разрыва с Римом и препятствовал проведению наиболее радикальных реформ. Коренные изменения в церковном укладе легко могли вызвать народное сопротивление. Мнение Васы разделяли его церковные советники, которые, с одной стороны, являлись искренними приверженцами учения Лютера, а с другой — мыслили себя частью реформаторского движения внутри католической церкви. В Финляндии одним из первых лютеран был Петрус Сяркилахти, учившийся у Лютера в Виттенберге и в 1524 — 1529 гг. занимавший пост ректора Абоской кафедральной школы. Однако Сяркилахти умер молодым, и в качестве реформатора финляндской церкви в историю вошел его соотечественник Микаэль Агрикола (примерные годы жизни 1510 — 1557).

Агрикола также учился у Лютера. В 1539 г. он вернулся на родину и был назначен ректором Абоской кафедральной школы. Через пятнадцать лет он стал абоским епископом. Будучи богословом и священнослужителем, Агрикола оставался приверженцем латыни как языка культуры, а также многих католических традиций: учения о чистилище, соблюдения постов и исповеди. Такое осторожное отношение к традициям было естественным в шведском королевстве XVI в., и в частности в Финляндии, где католическое наследие во многом жило дольше, чем в центральных частях королевства. Новаторскими в наследии Агриколы являются его письменные произведения, в которых, согласно лютеранскому принципу, постулировалось, что единение всякого человека с Богом индивидуально и непосредственно.

Это убеждение уходит корнями в благочестивые воззрения позднего Средневековья. В них подчеркивалось значение личной веры, а авторитет церкви подвергался сомнению. Лютер учил, что

лишь с помощью личной веры можно получить милость Божию. Поэтому каждый христианин должен был сам уметь читать Библию. Это предполагало всеобщую грамотность и закладывало основы для перевода Библии. Каждый подлинный реформатор одновременно являлся переводчиком и просветителем. В Финляндии эту роль играл Микаэль Агрикола, который заложил основы письменного финского языка — прежде всего своим переводом Нового Завета (*Se Wsi Testamenti*, 1548). Подобным образом его коллеги в Швеции перевели на шведский язык Новый Завет (1526), а затем и всю Библию (1541), ставшие источниками языковых норм во всей стране, тем самым закрепив нормы шведского языка также в шведоязычных приморских районах Финляндии.

Перед Агриколой, однако, стояла более сложная задача, чем перед Олаусом Петри, его главным единомышленником в Швеции. Агрикола не мог опереться на письменный финский язык, потому что в то время его просто не существовало. Языком королевской власти и высших сословий в Финляндии до XIX в. был шведский, также общение в этих кругах велось на датском, немецком и французском языках. Международным языком католической церкви была латынь. До реформации в Финляндии никому не приходило в голову издавать на финском языке книги. Поэтому первой книгой, которую опубликовал Агрикола, стал финский букварь (*Abckiria*, 1543). Вскоре появился молитвенник объемом 900 страниц, с руководством по богослужению на финском языке (*Rucouskiria*).

Венцом трудов Агриколы явился перевод Нового Завета, который и в наши дни вызывает жгучий интерес у теологов, лингвистов и историков. Как Агрикола, так и его безымянные помощники использовали в первую очередь финский диалект, распространенный на юго-западе страны, но также ряд слов и выражений из других диалектов. Такое решение было обоснованным, так как на юго-западе проживала значительная часть оседлого населения Финляндии. Как подчеркивал в предисловии сам Агрикола, им была предпринята лишь попытка создания письменного финского языка. Только спустя много лет, в 80-х годах XIX в., финский язык завоевал достаточный престиж и обрел понятийное разнообразие, чтобы начать конкурировать со шведским в общественной сфере в Финляндии.

Но вернемся к XVI в. Как отражалась Реформация на повседневной жизни? Важно помнить, что уже в Средние века местное

духовенство в отдаленных частях Европы должно было знать родной язык прихожан. Католическую мессу служили на латыши, но в остальном богослужения и общение проходили на языке народа. Реформация привела к постепенному упразднению остатков латинской литургии и превращению проповеди священника в центральный элемент богослужения. И все же эти перемены вряд ли можно считать революционными: священнослужители периода католицизма смещались со своих должностей лишь в исключительных случаях, к тому же они, совместно с прихожанами, часто придерживались консервативных традиций. Конкретный пример: с освобождением от обета безбрачия священники получили возможность жениться на сожительницах.

Наиболее ощутимыми следствиями Реформации стали упразднение монастырей, превращение духовенства в служителей короля на местах, а также конфискация основной части церковного серебра. В целом же смысл Реформации на протяжении долгого периода толковался по-разному. Только в 1593 г. Аугсбургское исповедание, основа лютеранской веры, было провозглашено официальным вероучением шведской церкви, причем этот факт являлся не более чем побочным следствием запутанной борьбы за престол. Вследствие этого шведская Реформация началась серьезно только с появлением поколения духовенства, не получившего образования в католических кафедральных школах и университетах. Однако эта «мягкая посадка» отнюдь не была сама собой разумеющейся. В датском королевстве, до XIX в. включавшем также Норвегию и Исландию, Реформация проводилась гораздо более решительно.

Управление и экономика

Конфискация имущества и доходов церкви обеспечила экономическую основу королевской власти в Швеции, но для укрепления своих позиций Густав Васа осуществил в начале 40-х годов XVI в. централизацию управления при помощи немецких специалистов. Важна была не только их компетенция. Столь же существенным был тот факт, что они, в противоположность шведским чиновникам, не ожидали оплаты в форме поместий, даваемых в лен, а довольствовались денежным вознаграждением. Такую же систему наемных чиновников, которых легко было уволить, ввели в управ-

лении на местах в связи с крупной реформой, увеличившей бремя крестьянских налогов. В западной половине королевства местные фогды* назначались в основном из несвободного сословия (уф-рельсе). В Финляндии, напротив, на эти посты назначалось мелкое дворянство — по причине того, что оно было весьма небогато и имело тесные связи с крестьянством.

Налоговая реформа и конфискация церковного серебра вызвали протесты. В южном крае Швеции — Смоланде они вылились в 1542—1543 гг. в крестьянское восстание, известное как восстание Дакке, по имени его предводителя Нильса Дакке. Восстание было подавлено не без труда, в результате чего Густав Васа пришел к убеждению в необходимости дальнейшего укрепления своей власти. На заседании риксдага в 1544 г. в Швеции было утверждено династическое престолонаследие по немецкому образцу. Одновременно Васа решил усилить свою военную мощь, набрав и вооружив армию из крестьян, приносивших присягу королю и таким образом связанных непосредственно с ним. В Центральной Европе крестьяне были настолько угнетены, что там подобная мера являлась бы слишком рискованной для королевской власти. В Швеции такой риск был меньше, так как 90% населения составляли крестьяне-собственники. Внутренняя и внешняя безопасность государства отвечала их экономическим интересам.

В середине 50-х годов XVI в. наемные войска короля в связи с перерастанием шведско-российских приграничных раздоров в настоящую войну получили поддержку со стороны крестьянских формирований подобного типа и в Финляндии. Мир между сторонами был заключен в 1557 г. в Новгороде. Однако на местах крестьяне обеих стран продолжали грабить и убивать своих соседей по другую сторону границы. В результате войны король, после продолжительного пребывания у восточной границы (1555—1556), усилил свою власть над финляндским дворянством и способствовал развитию городов в Финляндии, одновременно превратив эту часть королевства в герцогство. Герцогом Финляндии он назначил своего второго сына Юхана. Остальные его три сына получили собственные герцогства в западной половине Швеции.

Важной предпосылкой постепенной экспансии шведского государства на восток, а затем на юг была консолидация королев-

* Фогд — королевский чиновник высокого ранга, представлявший власть монарха на местах. — *Примеч. ред.*

ской власти. Однако этого недостаточно, чтобы объяснить тот факт, что столь малонаселенная страна была в состоянии так успешно конкурировать со своими соседями и в XVII в. стала играть одну из главных ролей в политике европейских держав. Около 1570 г. население Швеции составляло приблизительно 1,2 млн жителей, то есть менее десятой части населения России или Франции. Разгадка кроется в относительной эффективности центрального управления в Швеции. Другим благоприятным обстоятельством была современная организация военной власти — ударное сочетание вышколенных кадров и крупных, эффективно мобилизуемых крестьянских формирований.

Здесь нужно упомянуть еще одно решающее преимущество — географическое, а именно близость к Балтийскому морю, в эпоху мореплавания объединявшему шведское королевство, подобно тому как в свое время Средиземное море связывало различные части Римской империи между собой. По этой причине многие важнейшие города шведского королевства располагались на Балтийском побережье. Стокгольм сделался официальным центром государства лишь в XVII в., но уже в 70-х годах XVI в. он был крупнейшим торговым городом страны и насчитывал около 6 тыс. жителей. Нелучайно Стокгольм стал сердцем Швеции. Благодаря тому что город был расположен в устье озера Меларен, через него вывозилась на экспорт значительная часть железной руды из провинции Даларна, а также излишки сельскохозяйственной продукции из плодородного края Свеаланд. Поскольку Балтийское море к тому же было жизненным эликсиром всего королевства, представляется естественным, что столица находилась в непосредственном контакте с Аландскими островами и с Юго-Западной Финляндией, которая вплоть до XVIII в. оставалась одной из жизненно важных областей королевства. Экономическое значение Южной Финляндии доказывает также тот факт, что Або был до XVIII в. одним из крупнейших городов в Швеции. Еще в конце XVII в. численность населения Або составляла около 6600 жителей, более чем вдвое превосходя население других значительных городов королевства — Выборга, Упсалы, Норчёпинга и Кальмара. Крупнейшим городом в XVII в. была, безусловно, ливляндская Рига, которая, строго говоря, находилась не внутри королевства, а в его балтийских провинциях.

Таким образом, контроль над финансами государства предполагал контроль над его важнейшими торговыми городами. С этой целью Густав Васа приказал в 1550 г. основать новый портовый го-

род на северном берегу Финского залива, точнее, у реки Ванды (Вантаа), в церковном приходе Хельсинге. Поэтому город стал называться Гельсингфорсом (Хельсинки). Коммерческое развитие Або не устраивало Васу, и он стремился создать новый центр экспортной торговли между Финским заливом и атлантической Европой. Несмотря на то что власти активно поощряли переезд торговцев и горожан в Гельсингфорс, новый город совершенно не оправдал надежд короля. Король хотел прежде всего составить конкуренцию ганзейскому Ревелю, находившемуся к югу от Финского залива. Уже через несколько лет между Россией и Ливонским орденом в Прибалтике разразилась война, в результате которой российская экспортная торговля была перенесена из Ревеля в Выборг, а в 1561 г. Ревель вместе со всей Северной Эстонией был присоединен к шведской короне. Это послужило причиной коренных изменений в экономической географии. Недавно основанный Гельсингфорс был парализован, однако в последующие два столетия его экономическое значение и численность населения медленно, но верно росли.

Доля городского населения в Швеции конца XV в. была очень невысока, не более 3%. Поскольку центральная королевская власть усиливала контроль над экономикой городов, немногочисленным горожанам приходилось мириться с тем, что их влияние на местном уровне в равной степени уменьшалось. Одновременно теряло свое политическое влияние духовенство. Дворянство тоже препятствовало неограниченной королевской власти, и поэтому его численность возросла в XV в. очень незначительно. В тот период редко кому жаловали дворянство. К тому же непрерывные войны сильно ослабили дворянство, платившее королю военной службой за освобождение от налогов. Функция дворянства в качестве воюющего класса была очевидной практикой, в частности, в Финляндии, что обусловило тот факт, что доля финских дворян в неподатном сословии (фрельсе) всей Швеции во второй половине XVI в. возросла. Дворянство здесь стало наследственным в 1569 г., как раз в тот момент, когда Финляндия была наиболее подготовлена к войне. Около 1600 г. в стране проживала половина всех дворян королевства, но из-за того, что они были бедны и не очень знатны, их политическое влияние никоим образом не соответствовало их количеству.

При изучении населения Финляндии в целом бросается в глаза значение отраслей сельского хозяйства. По некоторым подсче-

там, пахотное земледелие вместе с побочными промыслами могло в начале Средневековья (XII в.) прокормить не более 50 тыс. человек. Благодаря освоению новых территорий, улучшению технологии и расчистке новых земель под пашню число жителей Финляндии к 70-м годам XVI в. возросло приблизительно до 300 тыс., что составляло почти треть населения всего королевства. Впоследствии прирост населения замедлился, вплоть до 1750 г., когда в ходе первой в мире точной переписи населения выяснилось, что в восточной части королевства проживает 427 тыс. подданных — более шестой части населения всего государства (составлявшего на тот момент 2,3 млн человек).

В середине XVI в. почти половина населения Финляндии проживала на юго-западе страны, а именно в областях Собственно Финляндии (*Varsinais-Suomi*), Сатакунта и Тавастланде. Эти люди жили земледелием, скотоводством и рыбной ловлей. Другую половину составляли крестьяне-подсечники и охотники, которые передвигались по значительно более обширным ареалам, чем оседлые земледельцы, и потому не основывали крупных деревень или даже вообще оседлых поселений. Налоговая реформа в королевстве в 40-х годах XVI в. увеличила бремя крестьян. Поэтому обещание трехлетнего безналогового периода для новых земель стимулировало активную деятельность по расчистке пашни в старых земледельческих районах. По этим же причинам крестьяне-подсечники из области Саволакс селились на обширных необработанных землях Северного Тавастланда, Эстерботнии и, что примечательно, также в лесистых частях Средней Швеции и Норвегии.

Решение Густава Васы об основании четырех герцогств в важнейших частях королевства было продиктовано стремлением короля подавить соперничество между своими сыновьями и обеспечить закрепление королевской власти за наследниками. Род Васы удерживал престол вплоть до 1654 г., но в остальном все шло совсем не по плану. Юхан получил большую административную автономию в своем герцогстве, которое включало густонаселенные области Юго-Западной Финляндии. Кроме того, он стал главкомандующим войском, сражавшимся с Россией (1555—1557), в результате чего восточная половина королевства в годы его правления превратилась в «государство в государстве». В замке Або Юхан завел свой двор, окружив себя руководящей знатью из Финляндии, которая правила герцогством по тем же принципам, что и Государственный совет в Стокгольме. Для усиления контро-

ля над казной финских фогдов была образована отдельная счетная палата. Одновременно с этим для большей эффективности взимания налогов увеличилось количество округов, управляемых фогдами.

Войны и родовые распри

После смерти Густава Васы в 1560 г. между его сыновьями Юханом и престолонаследником Эриком XIV завязалась жестокая борьба за власть. Последнему было не по душе своеобразие Юхана, а после женитьбы брата в 1562 г. на польской княжне Катарине Ягеллонской Эрик приказал заточить его в крепость по обвинению в измене. Ранее Эрик одобрял этот брак, но, после того как Швеция и Польша в том же году начали друг с другом войну за господство на Балтике, Эрик заподозрил, что сватовство Юхана явилось шагом к осуществлению собственных притязаний на власть. Эти подозрения не были безосновательными. Юхан дал своему польскому тестю большую ссуду в обмен на семь замковых ленов в Лифляндии — области, которую Эрик XIV как раз собирался завоевать. В довершение всего Юхан ранее отказался дать подобную ссуду шведской короне.

Эрик XIV принадлежал к первому поколению европейских монархов, получивших широкое образование под руководством выдающихся ученых. Однако для управления шведской высшей знатью недостаточно было абстрактных теоретических знаний и салонной выучки. От отца Эрик унаследовал бурный темперамент, но не смекалку. После открытого разрыва Эрика с высшей знатью в 1567 г. психическое здоровье короля пошатнулось, и он принял участие в убийстве пяти виднейших представителей знати. В ответ на это высшее дворянство освободило из заключения братьев короля и на следующий год посадило Юхана на престол вместо Эрика. Душевнобольной Эрик был заключен в крепость, где девять лет спустя его отравили мышьяком по приказу Юхана.

В период правления Юхана III (1568—1592) во взаимоотношениях королевской власти и дворян наблюдалась стабилизация. В 1569 г. король согласился сделать дворянство наследственным, одновременно отвергнув требования увеличить владения, даваемые знати в лен. Введенная при Густаве Васе система наемных чиновников была расширена, так что теперь она включала дворян-

администраторов и офицеров. Это укрепило власть Юхана. За мирным фасадом, однако, тлел конфликт, по-настоящему разгоревшийся после смерти последнего в 1592 г. Из-за своего брака и близких отношений с Польшей Юхан подвергся католическому влиянию. В указе о порядке богослужения от 1577 г. он отменил ряд лютеранских элементов литургии. Это вызвало огромное раздражение у протестантского духовенства и у знати, которая вскоре нашла тайного союзника в лице брата короля, герцога Карла.

Питая подлинный интерес к вопросам теологии, Юхан III стал направлять одаренных учеников прямо в католические учебные заведения Германии и Рима. Однако главной причиной экуменизма короля было желание сочетать подобные взгляды с собственной внешнеполитической доктриной, которая предполагала альянс с Польшей с целью ослабления влияния России в Балтийском регионе. Юхан также втайне надеялся сделать своего сына-католика, престолонаследника Сигизмунда, королем шведско-польской унии. Римско-католическая церковь тут же увидела шанс на глобальную контрреформацию всей Северной Европы и в 1576 г. секретно учредила в Стокгольме иезуитский центр. Впрочем, через несколько лет этот центр был рассекречен и расформирован.

Государство, доставшееся Юхану, вело войны с Данией и с Любеком начиная с 1563 г. Юхану в 1570 г. удалось добиться приемлемых условий мира с датчанами, но тем временем приграничные споры у восточной границы королевства вылились в настоящую войну с Россией. Война на востоке продолжалась с различной интенсивностью двадцать пять лет, завершившись в 1595 г. подписанием Тявзинского мира. По договору Россия отказывалась от использования обширных лесов во внутренней Финляндии и признавала присутствие шведской короны в Эстонии. Впервые граница простиралась до самого Северного моря. России вновь отошло все Приладожье, а также Ингерманландия, где впоследствии был основан Санкт-Петербург.

В результате установления границы план Юхана III сделать северную часть Балтийского моря шведским внутренним морем был почти достигнут. Однако к тому времени самого Юхана уже три года, как не было в живых. Война с Россией потребовала перемещения значительной части военных ресурсов королевства в Финляндию. В 70-х годах XVI в., когда бои стали более интенсивными, практически все налоговые сборы в восточной части королевства шли на военные нужды. Управление экономикой Финляндии было

поручено специальному наместнику, полномочия которого были сходны с полномочиями герцога Юхана двадцать лет назад.

Окрыленный ратными успехами, Юхан в 1581 г. решил к своим королевским титулам прибавить титул «великий князь Финляндии». По приказу короля был изготовлен особый гербовый щит великого княжества, который до сих пор является официальным гербом Финляндии. Раньше этот герб уже фигурировал в королевских заказах: им была украшена гробница Густава Васы в Упсальском соборе. Саркофаг Васы был создан к 1583 г. Среди украшавших его гербов 13 провинций, выполненных в стиле Ренессанса, находился герб великого княжества. Он сочетал в себе мотивы двух других гербов: льва области Гёта с большого государственного герба, а также прямой меч западного образца, противопоставленный кривой русской сабле с местного герба Карелии. Указание на продолжающуюся войну с Россией было нравоучительно и очевидно. Победивший лев держал высоко занесенный меч, опирая кривую саблю, которая, по мнению специалистов по геральдике, первоначально являлась символом Турции и ислама.

Впрочем, в борьбе за престол, разыгравшейся после смерти Юхана в 1529 г., мечи были направлены скорее на своих же соотечественников. Престолонаследника Сигизмунда дворянская элита и духовенство соотечественником не признавали, считая его представителем Польши и католицизма. Сигизмунд уже был королем Польши, что затрудняло его длительное пребывание в Швеции с целью защиты своей власти. В 1593 г. он дал согласие на то, чтобы лютеранское учение в Швеции стало официальным. На следующий год Сигизмунд был признан королем Швеции. Еще год спустя его дяде герцогу Карлу (третий сын Густава Васы) удалось получить должность канцлера государства. Между племянником и дядей началась открытая борьба.

Карл пользовался определенной поддержкой в государственном совете. В Финляндии, напротив, правил верный Сигизмунду наместник Клас Флеминг, марск* и закаленный в боях адмирал. В результате Финляндия стала главной ареной борьбы за престол в 1596 — 1599 гг. Герцогу удалось поднять среди финских крестьян многочисленное восстание против войск Флеминга, содержание которых сильно истощало ресурсы крестьян. Крестьянский бунт был подавлен кровавыми методами вышколенной армии Флемин-

* Марск — высшая военная должность, сокр. от маршал. — *Примеч. ред.*

га, до того успешно сражавшейся на восточном фронте. Итогом восстания, известного под названием «дубинной войны», стала гибель и казнь более чем 3 тыс. крестьян — для крестьянского восстания в Европе очень большая цифра, если взять ее соотношение с общим числом жителей (1% всего населения Финляндии).

Осенью 1598 г. войска Сигизмунда потерпели поражение в решающем сражении в Южной Швеции. Герцог Карл захватил власть, и в следующем году верные Сигизмунду финляндские войска после ряда жестоких боев капитулировали. В 1599 г., во время взятия Абоской крепости, сорок представителей финляндской элиты, оставшихся верными королю, были приговорены к смерти. Одним из немногих, кто избежал казни, стал Арвид Стольарм, после кончины Флеминга занимавший пост наместника Финляндии. Стольарм был нужен для участия в военных действиях в Прибалтике. Таким грубым способом герцог вершил справедливость. К моменту, когда герцог в 1604 г. стал правителем Швеции под именем Карла IX, в Финляндии были успешно искоренены последние остатки автономии и религиозного инакомыслия. В последующую эпоху официальная идеология страны основывалась на ортодоксальном понимании лютеранства, причем особое значение придавалось теократическому тезису о короле как избранныке Божиим.

Таким образом, во второй половине XVI в. Финляндия сыграла видную роль в государственной политике шведского королевства. Впоследствии представители финской национальной историографии подчеркивали, что во время «дубинной войны» дворянство Финляндии руководствовалось национальными мотивами. Однако с 70-х годов XX в. среди части исследователей распространилось мнение, что «дубинная война», напротив, являлась отражением классовой борьбы внутри страны, а верность финляндской знати королю была лишь проявлением ее собственных интересов. Как утверждают новейшие исследования, лояльность финских дворян по отношению к Сигизмунду коренилась прежде всего в их общем консерватизме, а также в обоснованном страхе перед местью герцога Карла.

3. Северная держава

В обзорных трудах по истории эпоха шведского великодержавия часто упоминается как период между двумя мирными договорами — Столбовским (1617) и Ништадтским (1721). В результате заключения Столбовского мира Россия была оттеснена от Балтики. Швеции это дало определенную стабильность в плане безопасности, а также в экономике, но такие преимущества, как власть и влияние на политику европейских держав, стали ощутимы лишь во второй половине XVII в. Спорен также вопрос, проявлялось ли это влияние после 1700 г., когда Швеция была втянута в длительную, разрушительную войну на многих фронтах. В 1721 г. владычеству Швеции на Балтике пришел конец, и Россия стала господствующей державой в Северной Европе.

Вне зависимости от более широкого или узкого датирования эпохи примечательным представляется то, что страна с таким незначительным населением и невыгодным географическим расположением смогла достичь столь большого влияния на европейской арене. Ранее упоминалось два обстоятельства, создававших противодействие негативным факторам: эффективность централизованного управления и армии, а также роль Балтийского моря как внутреннего моря Швеции. Чтобы создать статус внутреннего моря, требовалась экспансионистская завоевательная политика, которая шаг за шагом обеспечила бы Швеции контроль над всеми стратегически и экономически важными путями и гаванями вокруг Балтики. Для удачного осуществления такого военного трюка нужно было еще одно обстоятельство — достаточная слабость и разобщенность соседних государств.

Движущие силы экспансии

В начале XVII столетия в стокгольмском королевском дворце не было готового плана подобных действий. Тогдашние монархи принимали самовластные решения, что постоянно вызывало непредсказуемые цепные реакции. Так было и в случае войны, которую Карл XI вел в первые годы XVII столетия на Балтике. Эта война являлась отражением борьбы за престолонаследие в Швеции. Ее целью было помешать Польше получить контроль над Северной Балтикой и российской экспортной торговлей. Поляки заключили союз с русскими, но, к радости Карла XI, Россия тут же была ввергнута в разрушительные внутренние раздоры по поводу престолонаследия, из-за чего ее роль в политике крупных держав XVII в. свелась к чисто маргинальной. Шведская корона поспешила воспользоваться ситуацией. Весной 1610 г. российско-польское сопротивление было ослаблено до такой степени, что шведское войско смогло войти в столицу России Москву*. Опьяненные победой шведы зашли так далеко, что даже вынашивали план посадить своего кронпринца (впоследствии король Густав II Адольф) на российский престол.

Несмотря на то что эти воздушные замки вскоре рухнули, шведская армия продолжала держать Россию в тисках. В итоге по Столбовскому миру 1617 г. все Приладожье, а также Ингерманландия с Нотебургом (Орешек) и Невой отошли к Швеции и стали ее провинциями. Тем самым восточная граница королевства сместилась из тех районов Финляндии, которые принадлежали Швеции с XIII в. Это сильно изменило положение вещей в Финляндии. Во-первых, Выборг с прилежащей возвышенностью Саволакс потерял значение приграничного форпоста. Вместо военной функции Выборгу теперь была отведена роль культурного, административного и экономического центра всего восточного побережья Финского залива, а также недавно завоеванных восточных провинций. Одним из новых приграничных оборонительных сооружений стала крепость Ниеншанц, возведенная в 1611 г. в дельте Невы. В 1642 г. Ниеншанц получил право на ведение морской торговли с иностранными державами и учреждение таможни (*stapel-rättigheter*). Планировалось, что он станет центром восточной тор-

* Речь идет о вспомогательном отряде Якоба Делагарди в войске М. Скопина-Шуйского. — *Примеч. ред.*

говли. Так и произошло — но уже под эгидой России, после основания в 1703 г. Санкт-Петербурга.

Другим следствием перемещения восточной границы за Финский залив была потеря Финляндией роли важнейшего развивающегося региона шведского государства. В результате победоносных завоевательных войн в Прибалтике, Германии и Южной Швеции центр тяжести королевства медленно, но верно передвинулся к югу, в направлении более густонаселенных и плодородных частей Европы, которые могли дать королю и дворянской элите больше доходов, чем Финляндия. Если в конце XVI в. население Финляндии составляло почти треть всего населения королевства, то уже сто лет спустя эта доля едва превышала 10% — с учетом балтийских провинций. Поскольку Финляндия, в отличие от Прибалтийских провинций, давно являлась неотъемлемой административной и культурной частью Швеции (дословно Финляндию называли «восточной половиной королевства»), страна вплоть до отделения от королевства в 1809 г. сохраняла свой официальный ранг и статус, который был выше, чем у провинций.

Никакой альтернативы экспансионистской и военной политике у Швеции, в сущности, не было. Оборонительная политическая линия потребовала бы значительно больших затрат на фортификационные сооружения и на внутреннее финансирование, чем активные боевые действия: шведские войска в XVII в. кормились в большой степени за счет завоеваний, а также за счет экономической поддержки стран-союзниц, главной из которых была Франция. Нападение считалось лучшей защитой. Однако поддержание сил в постоянной боеготовности стало в конце концов изнурительным для Швеции, особенно с учетом того, что соседние государства неоднократно начинали войну на двух фронтах против шведского владычества на Балтике.

Проще говоря, завоевательные войны 1617—1648 гг. имели вид движения вокруг Балтийского моря — из России в Прибалтику, а затем оттуда в Польшу и в Германию. После того как Швеция и Франция вышли победительницами из Тридцатилетней войны, обеспечив себе по Вестфальскому миру 1648 г. сильные позиции в большой политике, военная экспансия Швеции стала направляться прежде всего на Данию. Соперничество между Швецией и Данией зародилось еще в эпоху Кальмарской унии и продолжалось с различной интенсивностью до 1814 г. Во второй половине XVII в. эти страны-соседи необыкновенно часто вздорили друг

с другом. В итоге всех кровавых военных операций вокруг Балтики шведское государство к 1679 г. достигло размеров, остававшихся неизменными вплоть до Северной войны (1700 — 1721).

Шведские историки постоянно выпускают массовыми тиражами объемистые книги о войнах и королях эпохи великодержавия. Неудивительно, что Тридцатилетняя война почти всегда находится в центре внимания этих авторов. В результате войны в административном и культурном развитии Швеции произошел резкий поворот. Однако Густав II Адольф встал в этом конфликте на сторону протестантского фронта, выступавшего против римско-католических сил Германии, вовсе не по религиозным соображениям, а по военным. С самого начала войны (1618) католические силы медленно продвигались на север и в конце 20-х годов XVII в. стали угрожать, в частности, северогерманскому портовому городу Штральзунду. Будучи важным торговым партнером Швеции, Штральзунд попросил ее о фланговой поддержке. Шведский монарх увидел в этом шанс укрепить свою власть в Северной Германии. В 1630 г. он высадился в Германии с сорокатысячным войском.

Долгосрочное финансирование столь многочисленной армии было возможно лишь посредством крупных субсидий. Благодаря решающим победам, одержанным в начале войны, Франция и Голландия смогли оказать шведской армии экономическую помощь. В 1634 г., когда шведские войска достигли максимальной численности (150 тыс. человек), они состояли прежде всего из центральноевропейских наемных формирований, а также из шведско-финских призывников. Все же секрет военных успехов Густава II Адольфа крылся в тактических новшествах и в усердном изучении королем ратного дела. Суть его реформ заключалась в улучшении маневренности войск, а также в синхронизации действий различных родов войск.

Атака обычно начиналась ураганным огнем мушкетов и артиллерии. Сразу же после этого в бой вступала кавалерия с саблями наголо. Когда противник отступал, проворно выкатывалась артиллерия на гужевой тяге, и вновь открывался ураганный огонь. Лобовые кавалерийские атаки были на редкость подходящим видом операций для финских солдат, отличавшихся хорошей физической подготовкой и боевым духом, но при этом не имевших длительной военной выучки. В Финляндии призыв осуществлялся на добровольной основе. Это означало, что крестьянское хозяйство получало ежегодную налоговую льготу в 30 риксдалеров, если оно снаря-

жало всадника для королевской армии и держало его в боеготовности. Боевой клич финской кавалерии «Наккаа рääлле» («Бей!») породил прозвище всадников — «хаккапелиты», — которое со временем сделалось синонимом финского боевого духа как такового.

После гибели короля в битве при Лютцене (1632) шведская армия была деморализована. Война истощила всех участников. После ожесточенных сражений она завершилась в 1648 г. победой «шведского» войска и Вестфальским миром. Договор, подписанный в результате первого общеевропейского мирного конгресса, заложил основу центрального дипломатического принципа международной политики — учета значения равновесия власти между державами Европы. В то же время договор стал официальным завершением в Европе христианского «общего дела» (*res publica*), а именно вопроса о единстве западной церкви, поскольку папская власть и ее католические союзники были вынуждены признать существование протестантской Европы.

Шведскому государству Вестфальский мир принес также большие экономические выгоды. Несколько северогерманских портовых городов и обширных областей Померании были присоединены к Швеции в качестве провинций. Несмотря на это, в политическом отношении Вестфальский мир стал чем-то вроде пирровой победы: в результате Швеция теперь была вынуждена заниматься конфликтами в Центральной Европе совсем на другом уровне, чем прежде. Тридцатилетняя война разрушила остатки немецко-римского государства и ослабила политическое влияние папы в Германии, одновременно расчистив дорогу французским и прусским амбициям.

Шведскую мирную делегацию возглавлял риксканцлер Аксель Оксеншерна, в 1632 — 1644 гг. управлявший государством от имени малолетней королевы Кристины. После правительственной реформы 1634 г., необходимость которой была вызвана непрекращающимися войнами, централизованное управление страной стало более эффективным. Войны требовали бесперебойной работы по принятию решений, сбору налогов и призыву в армию — особенно учитывая тот факт, что монархи XVII в. сами активно участвовали в войнах или не могли править, так как были малолетними.

Крупные торговые державы Голландия и Англия могли обеспечить себе капитал на военные нужды при помощи решений, которые принимались в зависимости от конкретной ситуации. В Швеции, экономика которой держалась на сельском хозяйстве,

для этой цели были образованы центральные органы — коллегии, во главе которых стояли в основном члены Государственного совета. Такое решение проблемы было найдено в спешке, но вскоре оно продемонстрировало свою целесообразность. Эта система до сих пор используется в странах — наследницах шведской державы: в Швеции под названием департаментов, в Финляндии под названием министерств. В 1635 г. была проведена подобная реорганизация управления ленами посредством четкого определения обязанностей и полномочий ландсхёвдингов*.

Эпоха графа**

По существу, речь шла о придании профессиональных форм процессу принятия решения. При этом он не обязательно ускорялся, но становился более продуманным и дальновидными. Это было особенно важно для единства государства, которое после завоевания новых провинций обрело культурное и языковое многообразие. В XVI в. основными языками, на которых говорили в королевстве, были шведский, финский, эстонский и саамский. В последующие сто лет возникла также необходимость в управлении и делопроизводстве, касавшемся немецких, датских, латышских, польских и русских подданных.

Реформа управления противостояла распаду разрастающейся страны, однако она породила и новые трудности. Чтобы заручиться постоянной поддержкой высших чиновников и победоносных полководцев, монарх должен был их вознаграждать. В период правления королевы Кристины (1644 — 1654) дворянство даровали в три раза чаще, чем за все предыдущее столетие (соответственно 116 и 368 раз). Ввиду отсутствия у короны ресурсов для выплаты высокого жалованья вознаграждение производилось путем щедрой раздачи земель в ленное владение. Раздача земель в лен была наиболее распространена в середине 50-х годов XVII столетия. В то время знати принадлежало более двух третей общей площади Швеции и Финляндии. Это заметно ухудшило налоговые сборы в казну и привело к тому, что три прочих сословия (духовенство,

* Ландсхёвдинг (*швед. landshövding*) — глава местной власти, официальный представитель короны на местах. — *Примеч. ред.*

** В оригинале — непереводимая игра слов, выражение «эпоха графа» означает также «в последний момент». — *Примеч. пер.*

горожане и крестьянство) уже в 1650 г. потребовали на заседании риксдага существенного сокращения раздачи земель в лен. Однако, из-за войн, сопротивления правителей, а также вследствие эпохи регентства 1660—1672 гг. редукция* земель стала проводиться лишь с 1680 г., когда было введено единовластие.

Войны и внутригосударственные реформы отразились на общественном развитии Финляндии, которое обладало рядом особенностей. На администрации восточной половины королевства, безусловно, лежала большая ответственность, чем на администрации западной его половины. Это затрудняло контроль Стокгольма над финским управлением. Чтобы исправить положение вещей, в 1623 г. в Финляндии была учреждена особая должность генерал-губернатора. Занимавшие ее получали обширные полномочия и порой действовали так же самостоятельно, как герцоги и наместники в Финляндии XVI в., но, поскольку должность давалась лишь верным поборникам государственного единства, серьезных столкновений интересов между Стокгольмом и Або, где находилась администрация генерал-губернатора, не возникало.

Два первых генерал-губернатора Финляндии весьма эффективно осуществляли новое самоуправление. Когда третий генерал-губернатор, граф Пер Браге, в конце осени 1637 г. прибыл в Або, многие реформы уже настолько продвинулись, что его инициативы оказались не очень оригинальными. Тем не менее потомки запомнили оба периода пребывания Браге на посту генерал-губернатора (1637—1641, 1648—1654), благодаря тому что он осуществил некоторые важные инициативы. К тому же Браге чрезвычайно преуспел в подчеркивании значения своего вклада в развитие страны. Пер Браге представлял один из знатнейших дворянских родов королевства, но из-за соперничества с канцлером Оксеншерной он скорее согласился на должность финского генерал-губернатора, чем на незначительную роль в Государственном совете.

Уже к моменту прибытия в Финляндию у Пера Браге были обширные земли в различных частях королевства, дарованные ему в ленное владение. Во второй период своего правления Браге получил также баронство в Каяне. Его владения простирались далеко на восток и на север Финляндии. Все это, разумеется, придава-

* Редукция — изъятие в пользу короны значительной части пожалованных высшему дворянству земель. — *Примеч. ред.*

ло генерал-губернатору вес. Его обширные путешествия по стране с инспекцией были похожи на королевские выезды, которые средневековые монархи совершали вскоре после своего избрания на престол. «Королевское» впечатление подкреплялось тем, что Браге сопровождала большая свита, в составе которой часто следовала его супруга Кристина Стенбок, дочь одного из знатных коллег Браге по Государственному совету.

Путешествия Браге имели также практические функции. Ему было поручено развивать в Финляндии судопроизводство, оборону, города и налогообложение. По возвращении в Швецию в 1640 г. Браге написал длинный и напыщенный доклад о том, как хорошо было поставлено дело в Финляндии в период его пребывания на посту генерал-губернатора. Такие же отчеты он отправлял в столицу и в течение второго периода пребывания на этой должности. Хотя многое в них было пустой похвалой, Браге удалось осуществить три важные реформы, из-за которых выражение «эпоха графа» впоследствии обрело положительный смысл. В 1636 г. в Стокгольме было учреждено Королевское Почтовое управление. Уже два года спустя по приказу Браге во всех крупных городах Финляндии и Ингерманландии открылись местные почтовые отделения. Это решительным образом улучшило связь между Стокгольмом и восточными частями королевства. В марте 1640 г. усилиями Пера Браге в Або был учрежден университет Або Академи (Абоская академия), в дальнейшем сыгравший центральную роль в системе образования Финляндии.

И все же, важнейшей заслугой Браге было его энергичное содействие развитию городов. Идея принадлежала вовсе не ему, она коренилась в тогдашней политике меркантилизма, которая предполагала стремление государства к контролю над всеми значимыми отраслями торговли. Эта система, введенная в первое десятилетие XVII в., основывалась на принципе разделения городов на имеющие внешнеторговые права и не имеющие таковых. Лишь немногие города имели право вести внешнюю торговлю. Остальные вынуждены были продавать и покупать товары при посредничестве городов, обладавших внешнеторговыми правами и пользовавшихся обширными привилегиями системы, в частности с помощью таможен. Вся внешняя торговля Ботнического побережья была сосредоточена в Стокгольме. Из финляндских городов правом вести внешнюю торговлю были наделены лишь Або, Гель-

сингфорс и Выборг. Другим рычагом в усилении контроля стало назначение бургомистров государством. Это существенно повысило готовность местной администрации осуществлять королевские указы и предписания.

Одновременно для усовершенствования контроля над внутренней торговлей были основаны новые города. Усилия предшественников Пера Браге были сосредоточены на Або и Выборге, обладавших правом внешней торговли. Из десяти городов, основанных Браге во внутренних областях Финляндии, а также вдоль берегов Эстерботнии, почти все со временем превратились в важные населенные пункты страны. Летом 1639 г. Браге предпринял длительное путешествие по Эстерботнии с целью инспекции. Состояние поселений этого края и его потенциал произвели на него самое положительное впечатление. Это впечатление возникло не только из-за того, что путешествие проходило в благоприятное время года, и не только потому, что Браге уже был знаком с условиями внутренней Финляндии. На экономическом развитии Эстерботнии уже начало сказываться морское сообщение со Стокгольмом. Чтобы стимулировать это развитие, Браге во второй период службы на посту генерала-губернатора основал в Эстерботнии три новых портовых города: Брагестада (Раахе) и Кристинстада (Кристиинанкаупунки) в 1649 г., а также Якобстада (Пиетарсаари) в 1652 г.

Но что же могли жители Эстерботнии и другие подданные продавать из Финляндии за границу? До конца XVI в. экспорт играл в экономике Финляндии второстепенную роль. В основном он сводился к меновой торговле мехами и лососиной. Лишь 5% населения страны зарабатывало себе на жизнь иными промыслами, чем земледелие, охота и рыболовство. Население в большой степени обеспечило себя всем необходимым, а излишки шли главным образом на уплату налогов. В шведском королевстве зерно вывозилось лишь из житниц Прибалтики, Померании и Сконе (с 1660 г.). В XVII столетии в результате усиленного развития мировой торговли разделение труда между Западной Европой, Балтийским регионом и другими частями Северной Европы подвергалось значительным изменениям. В Голландии и на юге Англии зарождение капиталистической коммерции сопровождалось интенсивной урбанизацией и приростом населения. Ценой этого стала массовая вырубка лесов, а также нехватка дров и строительных материалов.

Данное обстоятельство оказалось весьма на руку лесистым регионам Европы, а также шведскому государству, которое сохраняло контроль над перевозками на Балтике и обладало широкими возможностями регулирования предложения и цен на определенные виды продукции. Какие именно продукты лесной промышленности стоило экспортировать, решалось, исходя из расстояния до коммерческих метрополий. Близость Норвегии к Голландии и Великобритании обеспечивала стране вплоть до XIX в. решающий перевес на рынке экспорта лесо- и пиломатериалов. Географическое положение шведского королевства требовало иного разделения труда. Если экспорт из западных областей Швеции был сходен с норвежским: в нем преобладали лесо- и пиломатериалы, то в Балтийском регионе, напротив, было выгоднее использовать лес как сырье при производстве трех важнейших продуктов — железа, меди и смолы.

Зеленое золото

Рентабельность шведской металлургической промышленности на международном рынке определялась доступом к первоклассной железной руде и к огромным лесным массивам. Железной руды в Западной Европе хватало, но было недостаточно леса, необходимого для производства древесного угля для домен и плавильных заводов. Поэтому в XVII столетии в Средней Швеции, а также на юго-западе Финляндии было основано много новых железоделательных заводов. Там железная руда, доставляемая по морю из области Бергслеген и из Стокгольмских шхер, обогащалась. Финские железоделательные заводы (их было около 20) часто по причине низкой рентабельности существовали недолго. В целом они не играли сколько-нибудь значительной роли по сравнению со шведскими, количество которых превышало 300. В общей сложности железорудная и медная отрасли составляли примерно 80% показателей всего экспорта из Швеции на протяжении XVII в. Относительная доля меди постепенно сокращалась, так как иссякали ее запасы, но в 1685 г. медь все же составляла четверть экспорта страны.

В тот же период доля смолы в экспорте возросла с 2 до 8%. Для всего королевства это было не так много, но для его восточной половины вполне достаточно. В Финляндии смола и деготь,

бесспорно, были важнейшими предметами экспорта. Они давали две трети денежных показателей всей продукции, продаваемой страной за рубеж. Поскольку шведские металлургические заводы нуждались в лесе, государство сознательно сосредоточило производство смолы в Финляндии. Этот приоритет также обуславливался инфраструктурой. Очевидно, что удаленность Финляндии от западноевропейских рынков была больше, чем от центра королевства, находившегося в Средней Швеции. Поэтому в Финляндии было выгоднее использовать лес для производства смолы (для хранения которой требовалось меньше места), чем вывозить древесину в другие страны в виде лесо- и пиломатериалов. В период шведского великодержавия три четверти всей смолы, производившейся в королевстве, приходилось на восточную его половину. Это являлось определяющим фактором для экономики Эстерботнии, Саволакса и Карелии — областей, где производилась смола.

Высокий спрос на смолу был вызван быстрым развитием судоходства в атлантической Европе и в мире. Корабли купцов и работорговцев, фрегаты и линейные суда, баржи и гребные шлюпки — все они имели остов и палубы, которые нужно было защищать и укреплять при помощи этой вязкой черной массы. Благодаря тому что шведское государство посредством своего контроля над Балтикой практически обладало монополией на производство смолы, этот продукт высокой степени обработки из дремучих финских лесов эффективно распространялся по всему земному шару.

Технология производства была заимствована в начале XVII в. у Пруссии. Там, как и в Финляндии, было вдоволь песчаных почв, где обильно произрастала сосна, из которой получали смолу. Молодой сосняк валили и сушили, после чего деревья складывали рядами в круглые смолокурные ямы. В процессе длительного тления древесина выделяла смолу и деготь. Деготь был более твердым побочным продуктом, который тоже можно было использовать для защиты и просмаливания поверхностей, но его экономическая выгода была невелика. Смолу затаривали в бочки, а затем транспортировали по внутренним озерам, рекам и прибрежным дорогам в Стокгольм и Выборг, откуда 70 — 80% ее шло на экспорт.

Смолокурение было трудоемким процессом, но не требовало больших денежных затрат. Оно обеспечивало желанную при-

быль, особенно с учетом того факта, что торговцы предлагали смолокурам размещение и предоставляли кредит, а также снабжали их солью. Крестьяне, со своей стороны, обязывались поставлять заготовителям определенное количество бочек смолы. Торговцам было выгодно связать обязательствами как можно больше смолокуров. Поэтому они часто предлагали крестьянам уплатить вместо них налоги государству. Государство от этого выигрывало, но в 1647 г., когда показатели производства достигли максимума, было решено монополизировать торговлю путем создания в Стокгольме смолокуренной компании, которая смогла бы ограничивать предложение, следить за качеством и увеличивать прибыль посредников.

Эта мера возымела желаемое действие. Производство смолы сократилось, цены на нее повысились, а во второй половине XVII в. шведский экспорт смолы стабилизировался на уровне примерно 110 тыс. бочек в год. Имея монополию, смолокуренная компания в Стокгольме отныне утверждала точные производственные квоты. Неудивительно, что это часто вызывало недовольствие производителей, а также купцов из городов, имевших внешнеторговые права. В 80-х годах XVII в. голландцам и англичанам удалось разрушить эту систему, так что на несколько лет воцарился свободный рынок, и прибыли стали уходить за границу. Тогда шведское государство поторопилось возобновить концессию смолокуренной компании. Смола из Эстерботнии вывозилась главным образом через столицу, под торговой маркой *Stockholm tar*, в то время как смола из Саволакса и Карелии шла на экспорт через Выборг, с клеймом *W*. При этом смолу марки *Stockholm tar* продавали преимущественно британцам. Благодаря хорошему качеству она шла по более высокой цене, чем выборгская, которую в равных количествах закупали Амстердам и Лондон.

В результате Великой Северной войны (1700—1721) Швеция потеряла позиции великой державы, что привело к утрате лидерства Шведской смолокуренной компании на международном рынке. Североамериканским и российским производителям удалось понизить цены. Несмотря на быстрое увеличение общего производства смолы в территориально уменьшившейся Швеции XVIII в. (более 200 тыс. бочек в год), прибыли постоянно снижались. Из всех областей застой лучше всего выдержала Эстерботния, где смолокурение достигло нового расцвета в конце XVIII в.,

когда в стране были отменены таможенные ограничения и американцы потеряли свои торговые привилегии на британском рынке. Одновременно возникли и бурно развивались судостроение и лесопильная промышленность, но при этом смола в Эстерботнии оставалась важнейшим предметом экспорта до второй половины XIX в., когда спрос на нее резко упал в связи с появлением судов с металлическим корпусом и синтетических пропиточных материалов.

К тому моменту лесопильная промышленность уже вытеснила смолокурение в качестве важнейшей экспортной отрасли Финляндии. Однако эти перемены происходили медленными темпами. Подобно тому как подсечное земледелие продолжало оставаться важной формой сельского хозяйства в золотой век смолокурения, то есть в XVII столетии, производство смолы все еще было широко распространено в XIX в., когда заготовка древесины стала важнейшей формой использования лесов. Таким образом, эти три вида использования лесов существовали в Финляндии уже в XVII в. На юго-западе Финляндии и вдоль побережья Эстерботнии земледелие и скотоводство сосуществовали со смолокурением и заготовкой древесины. Во внутренних частях страны было больше распространено сочетание подсечного земледелия с производством смолы, в то время как условия на севере Финляндии лучше всего подходили для животноводства.

Единая лютеранская культура

Условия материального быта в королевстве диктовались экономическими и политическими реалиями. Одновременно шел процесс укрепления духовной дисциплины населения, который в XVII в. получил выражение в форме единой общегосударственной лютеранской культуры. Этим процессом управляли церковь и государственно-бюрократический аппарат — эффективные орудия королевской власти. Роль церкви в этом плане была неоценима. Идеологической кульминацией лютеранского богослужения являлась проповедь священника. В эпоху шведского великодержавия она все чаще наполнялась политическим содержанием, напоминая верующим о том, что уважение к королевской власти тождественно благоговению перед Господом.

Другой центральной темой проповеди было разрушительное влияние грехов на личность и общество. Согласно все более ортодоксально толкуемому лютеранскому учению, неискупленные грехи навлекали на людей гнев Божий, который в худшем случае мог поразить целое королевство, вызвав войны, эпидемии и неурожай.

Борьба с тяжкими грехами велась в полном согласии с государственной властью. Началась она в 1608 г., когда Карл IX издал приказ о применении сурового кодекса наказаний из Книги Моисея. До XVII в. непредумышленное убийство, оскорбления и различные сексуальные преступления могли быть искуплены путем уплаты штрафов или путем экономических соглашений между семьями сторон. Теперь же корона укрепила свою власть над судопроизводством и стала активно применять смертную казнь, которая вершилась публично и сопровождалась грозными сентенциями, обращенными к собравшимся. Кроме верховного суда Свеа в Стокгольме, в королевстве были основаны новые апелляционные суды: в Або (1623), в Дерпте (Тарту) (1630) и в Йёнчёпинге (1634) — с целью придания судопроизводству единообразия и эффективности.

Одновременно церковь усилила так называемую церковную дисциплину. Конкретно это выражалось в появлении церковных скамей, упростивших иерархическую рассадку прихожан по социальным условиям и контроль за посещаемостью. Небольшие прегрешения приводили к выговору или штрафу. Нарушение супружеской верности и иные преступления против общественной нравственности карались публичными отповедями в унижительной форме. При этом церковь, разумеется, стремилась запугать прихожан и поведать о неизбежных наказаниях за грехи, но, поскольку человек — существо биологическое, наблюдалось резкое увеличение количества выявленных нарушений общественной морали. Иным выражением усиления слежки за населением стали многочисленные процессы по обвинению в колдовстве — обычная участь местных отверженных.

В то же время на священнике лежала большая ответственность по претворению в жизнь единой лютеранской морали и по контролю за ее соблюдением. Для этого ему нужно было располагать доверием прихожан, а также представлять их интересы в случае увеличения налогов или при наборе в армию. Священник был непременным председателем на приходских собраниях, где реша-

лись такие вопросы, как хозяйственное строительство в приходе или помощь бедным. Все это предполагало основательное знание священником народного языка, лексика и просодика которого сильно различались в зависимости от области.

В XVII в. материальная база обеспечения духовных нужд населения во многом улучшилась. С проведением Реформации в стране отказались от строительства дорогостоящих каменных церквей. Этот принцип сохранялся в Финляндии в эпоху шведского великодержавия. В описываемый период было возведено лишь шесть каменных храмов. Архитектурной новинкой того времени стали так называемые крестовидные церкви из дерева. Подобно ренессансным храмам Европы, они имели в плане вид креста. Дерево было подходящим материалом для местных строителей, но оно, разумеется, было огнеопасным, из-за чего в Финляндии до наших дней сохранилось лишь три из 25 крестовидных церквей XVII в. Убранство храмов финансировалось в большой степени за счет пожертвований местных представителей сословий.

Полный шведский перевод Библии вышел в 1541 г., на финский же язык она была переведена целиком лишь в 1642 г. Финская Библия представляла собой перевод Нового Завета Микаэля Агриколы (1548). В остальном она основывалась на результатах досконального изучения других переводов. Первое издание (1200 экз.) было отпечатано в Стокгольме. На титульном листе красовался портрет королевы Кристины, а также гербы всех провинций королевства. Библия тотчас была разослана в финляндские и ингерманландские приходы. Со временем она заложила основы финского письменного языка — в частности, в отношении лютеранской церковной терминологии.

На шведском языке подобным изданием стала Библия Карла XII, изданная в 1703 г. Она сильно обновила и унифицировала государственный язык. Необходимо также упомянуть шведский сборник псалмов 1695 г. Лучшие псалмы из него являлись общим культурным достоянием королевства вплоть до XIX в. Популярные псалмы были шлягерами той эпохи. Люди пели их вместе, в радости и в горе. Наиболее известен потомкам, бесспорно, псалом «Грядет пора цветенья», в котором воспевается летняя природа Севера, его простая, но звучная мелодия. Этот псалом поют и в наши дни на церемонии празднования окончания школьного учебного года как в Швеции, так и в Финляндии.

Основным юридическим орудием воплощения единой лютеранской культуры явился церковный закон 1682 г., оставшийся в силе в Финляндии до 1869 г. В нем были детально изложены положения, касавшиеся всех сторон жизни — от церковной дисциплины и отправления духовенством треб до строительства церквей и экзамена на знание катехизиса*. Формирование единой лютеранской культуры и разрастание шведской державы существенно увеличили потребность общества в компетентных чиновниках и священнослужителях. Поэтому в 20-х годах XVII в. были изданы королевские указы об образовании ряда новых начальных школ и гимназий в различных областях государства. Параллельно с этим преподавание в единственном университете страны в Упсале претерпело реформы. В связи с постоянно возрастающей потребностью в чиновниках было образовано два новых университета по другую сторону Балтийского моря — в эстонском городе Дерпте в 1632 г. и в Або в 1640 г. После подписания Вестфальского мира (1648) Швеция получила еще один университет — в померанском городе Грейфсвальде, а после завоевания Сконе в 1668 г. новый университет был основан также в Лунде.

Деятельность учебных заведений Дерпта и Лунда нередко нарушали войны, в то время как университет Або Академи имел возможность развиваться в значительно более стабильных условиях. Вследствие этого Упсальский университет и Або Академи оставались важнейшими высшими учебными заведениями королевства вплоть до начала XVIII столетия. В Або с XIV в. действовала также кафедральная школа (впоследствии лицей). Кроме того, город являлся резиденцией епископа и административным центром восточной половины королевства, что само по себе было достаточным основанием для учреждения в Або университета. За это руководители города активно боролись еще с середины 30-х годов XVII в. После вступления Пера Браге на пост генерал-губернатора учредительная грамота была наконец получена.

Устав Або Академи был в общих чертах идентичен уставу Упсальского университета. Ректор возглавлял консисторию профессоров, а также факультеты: теологический, медицинский, юридический и философский. Высшей должностной фигурой

* К венчанию допускались лишь грамотные молодожены. — *Примеч. пер.*

являлся канцлер. Поскольку университет был учрежден по инициативе Пера Браге, естественным образом Браге занимал должность канцлера до своей кончины в 1680 г. Або Академи виделся Перу Браге прежде всего средством решения проблемы нехватки чиновников в восточной половине королевства. Однако он также следил за тем, чтобы студенты из его собственных поместий в области Смоланд получали стипендии для обучения в Або. Университет Або Академи, где насчитывалось около десяти профессоров и более 200 студентов, был в XVII в. сильным фактором шведского влияния. Многие профессора приезжали в Або из Упсалы, а почти треть студентов происходила из западной половины королевства. Студенты-земляки объединялись по европейскому образцу в землячества, которые под наблюдением профессора устраивали праздники и другие академические мероприятия.

В тогдашних шведских университетах еще не было экспериментального естествознания, но в области теологии Або Академи занимал в конце XVII в. ведущее положение. В большом почете в Або были также классические языки и связанные с ними исследования: все диссертации печатались в типографии и защищались публично по-латыни или по-гречески. Интерес ученых к национальным языкам был значительно меньше, несмотря на то что эти языки были необходимы священникам и чиновникам в повседневной деятельности. Преподавание в начальных школах и лицеях велось по-шведски. Наряду с тем что центральная власть также была шведской, это способствовало шведизации образованной верхушки в Финляндии, хотя ранее она набиралась в основном из финноязычных представителей крестьянства. Однако здесь, в отличие от области Сконе, центральная власть не проводила систематической политики насильственного внедрения шведского языка, поскольку финны были верными подданными короны.

Аналогичный переход населения на шведский язык, обусловленный социальными и экономическими причинами, происходил в финских приморских городах, связь которых со Стокгольмом становилась все более прочной благодаря таможенным условиям и развитию в державе коммерции. Впрочем, девятнадцать из двадцати финских подданных Швеции проживали в сельской местности, и в процентном соотношении между языковыми группами эти лингвистические сдвиги не были столь драматичны. Свыше

85% общего населения восточной половины королевства продолжало говорить исключительно на финском языке, в то время как чуть более 10% владело только шведским. При этом надо помнить, что в основе чувства общности между сословиями лежал не языковой фактор, а религия и преданность государю. Благодаря суровому контролю королевской власти и церкви подданные государства — шведы, финны, датчане, немцы, ливы и эстонцы — становились частью единой лютеранской культуры.

Единовластие и катастрофа

Союз короны и церкви был закреплен введением единовластия на заседании риксдага в 1680 г. Концентрация власти сделала влияние аристократии незначительным и дала монарху Карлу XI возможность провести две крупные реформы — существенно сократить большие ленные поместья знати и утвердить новую систему набора в армию. Редукция имений улучшила состояние казны и освободила землю под военные поселения. Командному составу предоставлялось отдельное жилье как компенсация за преданную службу. К тому же командиры получали жалованье за счет сбора основных налогов, то есть налогов на землю. Армейские подразделения комплектовались, в свою очередь, за счет того, что несколько крестьянских хозяйств совместно содержали солдата, который периодически призывался на военные сборы.

Система военных поселений являлась в большой степени экономическим решением. Она была эффективна в мирное время, а также если война велась за пределами королевства. Но когда удача отвернулась от Швеции в Великой Северной войне и шведско-финская армия ретировалась на собственную территорию, королевская власть была вынуждена вернуться к старой системе принудительной воинской повинности. Несмотря на это, в Финляндии система военных поселений сохранялась в своем первоначальном виде вплоть до Финской войны 1808 — 1809 гг., когдаладычеству Швеции здесь пришел конец. В Швеции же эта система продолжала существовать до введения всеобщей воинской повинности в 1901 г.

В противоположность своим предшественникам, Карл XI придерживался мирной политики. Это означало, что шведское

государство отделилось от Франции и принялось искать поддержки у экономически процветающей Голландии. В итоге на границах королевства в течение двадцати одного года царил мир. По тем понятиям, это был необыкновенно долгий период. Стратегически такое стало возможным прежде всего благодаря внешнеполитическому нейтралитету, который тогда признавался большой европейской политикой. Однако после смерти Карла XI в 1697 г. стало ясно, насколько опасной может быть оборонительная позиция. Спустя три года шведское государство вынуждено было вступить в войну со всеми своими соседями — Данией, Саксонией, Польшей и Россией, которые надеялись на легкую победу над шведами: ведь недавно вступивший на трон монарх Карл XII был еще юношей. Их расчеты не оправдались. Шведская армия отличалась большей боеготовностью, чем когда-либо, а Карл XII с самого начала проявил себя как бесстрашный полководец, использовавший новаторские приемы ведения боевых действий. И все же, в перспективе выиграть войну сразу на трех фронтах было невозможно: человеческие ресурсы шведского государства были слишком ограничены, а географические расстояния велики.

В конце эпохи великодержавия Швеция недостатком самоуверенности не страдала. Этому способствовал тот факт, что экономика королевства и его военная машина содержались в образцовом порядке. Шведские ученые-гуманисты активно создавали настоящую мифологию о великом прошлом страны. Согласно разносторонне одаренному упсальскому профессору Олаусу Рюдбеку, Скандинавия и находящееся в ее центре шведское государство были ни много ни мало Атлантидой, Платоновым идеальным обществом, что делало Швецию колыбелью всей европейской цивилизации. Эту честь Рюдбек щедро распределил между западной и восточными половинами королевства. Подобных взглядов придерживался и Даниэль Юслениус, ученый муж из Або. В своей диссертации *Aboa vetus et nova* («Древний и новый Або», 1700) он изложил сфабрикованную еще в XVI в. легенду о том, что его родной город был основан вскоре после библейского потопа Магогом, внуком Ноя.

Многие ли располагали достаточным временем, чтобы ознакомиться с этими учеными мифами? Климат Северной Европы конца XVII в. был необыкновенно холодным. Больше всего это отразилось на финских и норландских крестьянах. В 80—90-х годах

XVII в. они неоднократно теряли урожай из-за заморозков или дождливой погоды. В 1696 — 1697 гг. случился голод, а распространение эпидемий привело к мору среди населения. По некоторым данным, погибло почти 30% жителей тогдашней Финляндии — приблизительно 150 тыс. человек. В этом страна была вовсе не одинока. Подобные продовольственные кризисы поражали многие части Европы, но из-за скарденности шведской королевской власти помощь нуждающимся не оказывалась, а зимой, по причине плохого состояния дорог, неурожаи и болезни приводили к катастрофическим последствиям именно в Финляндии и в шведском крае Норланд.

К сожалению, следующая катастрофа — Великая Северная война была уже не за горами. Впрочем, вначале богиня войны была милостива к шведам и финнам. В феврале 1700 г. саксонские войска атаковали приграничную крепость в Риге. Одновременно с этим в Голштинское герцогство, которое было союзником Швеции, вторглись датчане. К изумлению многоголового противника, его атаки были отражены без труда, а после того как в ноябре 1700 г. шведско-финская армия в количестве 10 тыс. человек под личным командованием Карла XII разбила при Нарве второе превосходящие русские войска, все, казалось, клонилось к грядущей победе Швеции.

Однако самодержец Карл XII отказывался вступать в переговоры с противниками, считая их, согласно своей бескомпромиссной лютеранской вере, людьми более низкой морали — короче говоря, еретиками. Строгое теократическое воспитание, которое получил король, предписывало ему верить в то, что он сам является орудием Господа, из-за чего Карл не слушал своих советников и не делился с ними своими планами. Король повел войска в наступление и, принудив к миру как Польшу, так и Саксонию, направил в 1707 г. усилия на Россию, в частности на Москву. Однако продвижение шведской армии наталкивалось на все возраставшие трудности — большие расстояния и тактику русских, оставлявших после отступления выжженные территории. В июне 1709 г. шведское войско было разгромлено численно превосходящим противником в крупном сражении недалеко от украинского города Полтава.

Король бежал в союзническую Турцию, а остатки шведского войска были взяты в плен русскими, которые, совместно с другими соседями Швеции, теперь начали обширное контрнаступление

на всех фронтах. Еще в 1703 г. российский император Петр Великий занял Ингерманландию и основал там в устье Невы Санкт-Петербург как новую столицу своей разрастающейся державы. Весной 1710 г. русские начали операцию по завоеванию Финляндии, которая, по причине отсутствия Карла XII и его полного равнодушия к укреплению северо-восточных флангов королевства, была в 1714 г. окончательно завоевана. Государственный совет в Стокгольме обладал ресурсами для более решительного отстаивания Финляндии, но в то же время он не имел власти и заботился лишь о спасении центра государства и своих собственных богатств.

Оккупация Финляндии продолжалась вплоть до Ништадтского мира 1721 г. Положение обязывало русских создать масштабную систему по поддержанию своих войск в стране. Однако скоро обнаружилось, что Финляндия была слишком истощена, чтобы обеспечивать оккупационные силы численностью 25—35 тыс. человек. Поэтому свыше 70% общего снабжения армии осуществлялось за счет морских перевозок из России. Задачей оккупации было заставить Карла XII поскорее заключить мир и провести новую границу. Этим объяснялось и то, что российская армия в Эстерботнии занялась мародерством.

Подобные грабежи происходили во многих частях Европы и, как и в Финляндии, имели стратегическую подоплеку. Их цель заключалась в том, чтобы предотвратить шведское контрнаступление с севера Финляндии, и вместе с тем они обеспечивали солдатам вознаграждение. В глазах местных жителей набеги конных казаков представлялись непонятной жестокостью, особенно когда они сопровождались насильственным угоном гражданского населения. В общей сложности в Россию было угнано около 8 тыс. мирных жителей. Неслучайно период оккупации вошел в историю под названием «великого лихолетья».

1718 год стал поворотным. Карл XII погиб во время военного похода у норвежской границы. В 1715 г., вернувшись из Турции, он отказывался вести мирные переговоры, которые были совершенно необходимы хотя бы для удержания жизненно важных областей королевства. После смерти короля мир был заключен со всеми странами по очереди. Пруссия и Дания получили небольшие территории, в то время как главному победителю в войне — России отошли по Ништадтскому договору 1721 г. Лифляндия, Эстляндия, Ингерманландия и Карелия. Новая восточная граница

Финляндии проходила непосредственно к западу от Выборга и, будучи обозначена царем, получила название границы Петра Великого. На шведский престол вступила младшая сестра короля Ульрика Элеонора, которая вскоре отреклась от короны в пользу своего супруга Фредерика Гессенского. О восстановлении единовластия не могло быть и речи. В 1719—1724 гг. был утвержден ряд основных законов, по которым вся реальная власть перешла в руки сословий.

4. Стокгольм— Санкт-Петербург

В XVIII в. шведское королевство, подобно Польше и Голландии, было вынуждено приспосабливаться к новой расстановке сил на европейской международной арене. Экспансия России и консолидация Пруссии происходили за счет Швеции и Польши. Голландцев, в свою очередь, обошли британцы, которые к концу XVIII в. стали также угрожать традиционной позиции Франции как ведущей державе Европы. Геополитическое положение Финляндии в этом новом созвездии делалось все более уязвимым, а во время Наполеоновских войн восточная половина шведского королевства окончательно отошла к России.

Слияние Финляндии с западной цивилизацией, начавшееся в XII—XIII вв., стало первым переломным моментом в истории страны. Вторым таким моментом явилось превращение России в XVIII столетии в главенствующую державу Балтийского региона: в последующие два столетия Россия диктовала ход событий в Финляндии или, по крайней мере, влияла на их развитие. Основной причиной этого была близость к Финляндии новой столицы расширяющейся империи, Санкт-Петербурга, находившегося в устье Невы у Финского залива, всего лишь в 500 километрах напрямую от современного Хельсинки. Близость к Санкт-Петербургу придавала южному финскому побережью совершенно новое значение в плане политики государственной безопасности, учитывая политическую ситуацию в европейских супердержавках. Если указывать отдельную историческую дату, решившую судьбы Финляндии, это будет, без сомнения, 1703 год — именно тогда Петр Великий основал свою новую столицу.

Город на Неве и Свеаборг

Мечты Петра Великого о приморской российской столице сформировались под влиянием его впечатлений от Голландии и ее системы каналов. Санкт-Петербург был построен на островах в устье Невы, в нескольких километрах к западу от старого города Ньюена (Ниена, *финск.* Неванлинна) и находившейся в нем крепости Ниеншанц. Возведение первого здания нового города, Петропавловской крепости, началось на острове Яниссаари (Заячьем) в мае 1703 г. Поскольку Петр решил превратить ингерманландские болота в метрополию, сюда для участия в гигантском строительстве ежегодно сгоняли 30 — 40 тыс. крестьян. В работах участвовали также военнопленные из Финляндии, которым было поручено, в частности, проложить бульвар, который впоследствии стал главной магистралью столицы — Невским проспектом.

Конкретным выражением значительной роли Санкт-Петербурга в балансе власти в Северной Европе стал бурный прирост его населения. Около 1710 г. в городе проживало примерно 8 тыс. жителей. Спустя пятнадцать лет их число, по оценке исследователей, возросло до 40 тыс. — внушительная цифра, если учесть, что основанный в Средние века Стокгольм в то время насчитывал приблизительно 60 тыс. жителей. Спустя четверть века (1750) город на Неве со своими 95 тыс. жителей уже оставил Стокгольм далеко позади. Наибольшая часть переселенцев была из России, но, благодаря тому что окрестности были населены финноязычными ингерманландцами и Санкт-Петербург все в большей степени привлекал рабочую силу из Юго-Восточной Финляндии, в метрополии поселились также финны (1 — 3%), которые оставались здесь до XX в. Самым крупным языковым меньшинством города были, безусловно, немцы. Однако финны, занимавшие второе место, отстояли от них недалеко. Численность финского населения достигла пика в 1881 г., когда в городе на Неве проживало 24 тыс. финнов.

При заключении Ништадтского мира в 1721 г. была проведена новая государственная граница, которая практически расколола Финляндию надвое. В то время как Западная Финляндия осталась интегрированной частью шведского королевства, Карелия со своим центральным городом Выборгом была присоединена к России и административно теперь считалась Выборгской губернией. Рас-

ширение России происходило не путем централизации земель вокруг единого государства, а по принципу лоскутного одеяла, представлявшего различные управленческие модели. Жителям Выборгской губернии позволили сохранить лютеранскую веру и шведские законы. Кроме того, население избежало крепостничества. Экономические успехи губернии объяснялись географической близостью к Санкт-Петербургу. В наиболее благоприятном положении оказался Выборг. Через связи с Прибалтикой его бюргерство вновь приобрело ярко выраженный немецкий компонент. Языковое многообразие Выборга (финский, шведский, немецкий, русский языки) достигло расцвета именно в XVIII в.

Также и в «шведской» Финляндии управление и культура оставались без изменений, но в государственной политике началась совершенно новая фаза, именуемая эпохой правления сословий. В 1719 – 1724 гг. на смену абсолютизму в Швеции пришла парламентская конституция, которая по тем временам была весьма радикальной и имела аналог лишь в Великобритании. Законодательная власть перешла к четырем сословиям одновременно. Сословия собирались на заседания риксдага, как правило, каждые три года, а их политические решения осуществлялись Государственным советом. Король заседал в риксдаге и имел два голоса в Государственном совете, но голоса других членов совета, состоявшего из лиц, пользовавшихся доверием сословий, легко получали перевес. Наиболее влиятельным сословием оставалось дворянство, но и оно было вынуждено искать поддержки у других сословий, что давало, в частности, крестьянству новые возможности для политического влияния.

Изменения в политической системе способствовали появлению двух конкурирующих партий, «шляп» и «колпаков», которые по очереди пребывали у власти и управляли государством, если набирали большинство голосов в риксдаге. Партия «колпаков» под предводительством графа Арвида Горна правила до 1738 г., после чего власть перешла к «шляпам», которые удерживали ее вплоть до 1772 г., когда Густав III вновь ввел абсолютную монархию. Горн проводил оборонительную восточную политику, что дало его реваншистски настроенным противникам повод прозвать его самого и его приспешников «трусливыми ночными колпаками».

Вначале основной идеей «шляп» было отвоевать утраченные земли на востоке. «Шляпы» получили значительную экономиче-

скую поддержку от Франции, так как в ее интересах было остановить российскую экспансию. Через три года после прихода «шляп» к власти началось плохо подготовленное наступление на Россию, вошедшее в историю под названием «войны шляп» (1741 — 1743). Это наступление вскоре превратилось в отступление и привело к повторной оккупации Россией Финляндии. Оккупация была снята по Абоскому мирному договору 1743 г. В итоге шведско-русская граница еще больше отодвинулась к западу. Одновременно Швеция обязалась не вступать ни в какие альянсы без согласия России.

Новое и еще более унижительное поражение положило начало невиданным интригам в шведско-финской внешней политике. Еще во время «войны шляп» российская императрица Елизавета в пропагандистских целях пообещала Финляндии государственную независимость — нелепая идея, впрочем сделавшая Финляндию интересным козырем в дипломатической развязке событий. «Колпаки», не колеблясь начали закулисные переговоры с Россией и неоднократно призывали русских вновь завоевать Финляндию с целью свержения власти «шляп». Оккупация 1742 — 1743 гг. была вовсе не катастрофой, а, напротив, даже доказала, что владычество России может принести некоторые преимущества — например, свободу торговли.

«Шляпы» тоже не были склонны считать Финляндию своим приоритетом, но подобное отношение их партии изменилось после позорного поражения. В 1747 г. они начали планомерно укреплять вооруженные силы и экономику страны в оборонительных целях. Эта переоценка ценностей выражалась в общегосударственном проекте возведения новых приграничных фортификационных сооружений, финансируемых в большой степени за счет французских субсидий. Современниками проект однозначно воспринимался как оборонительная мера, но, как справедливо указывала оппозиция «колпаков», его осуществление требовало столь крупных затрат, что у государства не было шансов модернизировать армию в остальном.

Весной 1748 г. началось строительство приморских крепостей Свеаборг (Суоменлинна) у берегов Гельсингфорса и Свартхольма недалеко от нового приграничного города Ловиса. Работы по возведению Свеаборга продолжались в течение последующих двадцати пяти лет — в основном под руководством энергичного офицера Августина Эренсверда, сделавшего этот форт своим собст-

венным детищем. Именно Эренсверд предложил назвать крепость Свеаборгом — как аналог в восточной половине королевства «крепости в Гётеборге на западных морях». Согласно первоначальным замыслам, Гельсингфорс собирались окружить фортификационными сооружениями и бастионами. Однако несколько лет спустя все строительство было сосредоточено на участке площадью 75 гектаров, охватывавшем пять островов непосредственно к югу от города. Тем не менее крепость стала крупнейшим сооружением, построенным шведской короной в XVII столетии. В этом отношении ее масштаб превзошел лишь канал Гёта (Йёта) в XVIII в.

Целью постройки Свеаборга и Свартхольма было создание в Южной Финляндии настолько сильных сооружений, чтобы армия могла удерживать там позиции до прибытия подкрепления из Швеции. Свартхольм должен был стать первым препятствием продвижению противника у границы, в то время как Свеаборг мыслился как главная база с арсеналами и цейхгаузами — для флота и сухопутных войск в Финляндии. Уже в 20-х годах XVIII в. Гельсингфорс считался подходящим местом для создания «замка», запирающего Финляндию и все королевство с востока. Здесь в 1713 г. российский флот и армия под командованием графа Апраксина предприняли решающий береговой маневр. Здесь же находились и внешние шхеры, до которых легко можно было добраться морем из Швеции и с финского побережья. На южном главном острове был возведен мощный бастион Густавсверд, частью которого являлись Королевские ворота. На северном Волчьем острове находилось место дислокации командования крепости, а также два дока, где строилась значительная доля нового шхерного флота.

Идея шхерного флота была заимствована у Петра Великого. Его галеры весьма успешно поддерживали русскую армию в наступлении на Финляндию в 1712—1714 гг. Эренсверду было поручено достичь аналогичного соответствия между шведской армией и флотом, поэтому галеры подчинялись армии и получили название «флота Армии». Стараниями Эренсверда также были построены шхерные фрегаты — новый тип судов, которые обладали большей маневренностью и были лучше вооружены, чем галеры с их низкими бортами. К тому же сконструировали ряд малых судов, которые, совместно с фрегатами и галерами, обеспечили победу шведского флота в сражении при Свенсксунде (Руотсинсальми) (1790).

Несмотря на то что и Свеаборг, и шхерный флот создавались в оборонительных целях, в дальнейшем они способствовали нарастанию напряженности между Швецией и Россией. Функции Финляндии как военной «серой зоны», не имеющей серьезного экономического или политического значения, сменились ролью динамичного форпоста на восточной границе. Юго-западное побережье Финляндии, в центре которого находился Свеаборг, неизбежно воспринималось Санкт-Петербургом, который бурными темпами превращался в одну из ведущих европейских метрополий, как военно-стратегическая проблема. В 1750—1800 гг. население Санкт-Петербурга выросло более чем вдвое — с 95 тыс. до 220 тыс. жителей.

Экономические и социальные преобразования

Рост Санкт-Петербурга имел долгосрочные последствия для экономического развития Финляндии. Политический раздел страны на западную, то есть шведскую, часть, с одной стороны, и восточную, российскую — с другой, в сфере торговли не произошел. На Санкт-Петербург стала неуклонно ориентироваться не только экономика Выборгской губернии. С возрастанием спроса на петербургском рынке город становился все более притягательным для тех частей южного побережья Финляндии, которые все еще принадлежали шведской короне. Берега Эстерботнии, в свою очередь, так тесно были связаны со столицей королевства Стокгольмом, что в экономическом плане этот край не относился к Финляндии. Вместе со шведским краем Норланд Эстерботния скорее являлась частью Средней Швеции. Таким образом, экономическая жизнь внутренней Финляндии ориентировалась либо на Стокгольм, либо на Санкт-Петербург: направление стало определяться расстоянием и доступом к подходящим транспортным средствам.

Такое развитие торговой сферы противоречило политике «разумного меркантилизма» шведской короны и вызывало растущее недовольство в Финляндии, так как власти цеплялись за таможенные ограничения и вели борьбу с контрабандой. В начале 60-х годов XVIII в. критика усилилась. В 1765 г. на заседании риксдага было решено отменить торговые ограничения в Эстерботнии,

а также соответствующие рестрикции в морских перемещениях крестьян. За этой реформой стояли финские политики из партии «колпаков», представлявшие все четыре сословия. Их глашатаем был капеллан Андерс Чюдениус из Эстерботнии. Его остроумные статьи и памфлеты опровергали аргументы меркантилистов. На более известно его сочинение *Den nationnalle winsten* («Национальная выгода», 1765), в котором ясно излагались тезисы о преимуществах полной либерализации общественной экономики. Его взгляды предваряли классический труд Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776), проникнутый теми же идеями.

С потерей Прибалтийских провинций относительная доля продуктов железорудной и медной промышленности в экспорте шведского государства возросла. Также немного увеличилась доля смолы в экспорте (с 7 до 9%). Поскольку от 75 до 90% смолы производилось в восточной половине королевства, Финляндия, и прежде всего Эстерботния, осталась ее главным производителем в государстве. Отмена таможенных ограничений привела к заметному сдвигу в распределении доходов: эстерботнийские купцы выиграли по сравнению со Стокгольмом. Уже в конце XVIII в. их собственные парусные суда перевозили основную долю всего экспорта Эстерботнии. Торговые дома наладили прямые контакты с британскими и голландскими покупателями. Они посылали свои корабли также в Южную Европу и в Вест-Индию, что, естественно, влияло на структуру потребления и мировоззрение в городах эстерботнийского побережья. Соль оставалась важнейшим предметом импорта в Финляндии, но благодаря развитию мореплавания на собственных судах ее жители стали знакомиться также с новыми продуктами и диковинками: южными фруктами, какао и листовым чаем.

Тем временем в российской части Финляндии наблюдались изменения в производстве и переход от смолокурения к развитию лесопильной промышленности. Одной из причин этого было распространение нового типа пилы с тонким лезвием. Такая пила легко приводилась в действие с помощью многочисленных водопадов Юго-Восточной Финляндии. Новинка, пришедшая из Голландии, стала в начале XVIII в. распространяться на Балтике, начиная с Ингерманландии. Со временем это изобретение могло иметь революционные последствия для всего хвойного региона в Северо-Восточной Европе, но ограничения шведской короны в сфере

лесопользования тормозили распространение его через русско-шведскую границу в Финляндию. Все это было весьма выгодно российской части Финляндии и Выборгским купцам, которые вскоре утвердились в качестве владельцев лесопилок, найдя себе выгодные рынки сбыта в Санкт-Петербурге и Западной Европе.

В 1739 г. шведская корона отменила запрет на использование голландских лезвий для пил. Несмотря на эту меру, значительная часть лесопилок, возникших вслед за этим в шведской части Восточной Финляндии, вывозила свои лесопродукты на мировой рынок через Выборг. Различные ограничения во внешней торговле оставались. К тому же шведский торговый флот просто не справлялся с перевозками, когда в конце XVIII в. спрос на древесину и пиломатериалы на мировом рынке сильно возрос.

Коренные изменения наблюдались не только в торговле и лесопользовании. Аналогичная перестройка шла во второй половине XVIII столетия в земледелии, продуктивность которого на протяжении предыдущих двух столетий почти совсем не возрастала. Усиленные налоговые сборы в шведскую казну, частые мобилизации в армию, неурожайные годы, а также российский оккупационный террор 1714—1721 гг. — так называемое великое лихолетье — все это отрицательно сказалось на работоспособности и мотивации крестьян. Затем наступила передышка, которая, благодаря стабильным условиям и активному содействию властей, особенно после 1743 г., принесла значительный прирост прибылей и расширение пахотных земель.

Негибкий меркантилизм шведской короны шаг за шагом уступил место физиократическим идеалам новой эпохи, которые призывали делать ставку на первичные отрасли хозяйства. При помощи налоговых льгот поощрялось освоение новых земель. Одновременно государство разрешило крестьянским хозяйствам, независимо от их типа, сдавать участки в аренду. Эти реформы способствовали тому, что за пятьдесят лет количество сельскохозяйственных угодий в Финляндии возросло более чем вдвое (в 1750 г. их было 35 тыс., а в 1800-м — 80 тыс.). Поскольку эта тенденция сохранялась вплоть до 60-х годов XIX в., здесь мы можем говорить о крупнейшем после Средневековья освоении земель в истории Финляндии. Однако, важнейшей из всех сельскохозяйственных реформ стал так называемый большой передел — межвые постановления (*storskifte*), которые были утверждены риксдагом в 1757 г. В течение последующих пятидесяти лет были существ-

венно усовершенствованы условия для развития земледелия и лесопользования — как в Финляндии, так и в Швеции. В прежнем аграрном обществе каждый земельный надел дробился на несколько довольно узких полос, которыми владели отдельные крестьянские хозяйства. Чересполосица тормозила развитие самостоятельного землепользования, а в результате большого передела все поля, принадлежащие одному хозяйству, были слиты воедино.

Эта реформа незамедлительно была утверждена в Южной Эстерботнии и в конце эпохи шведского владычества проведена во многих районах Южной и Западной Финляндии. Принципом большого передела являлась первичная оценка доходности каждой пашни или луга компетентными землемерами. Когда земельные наделы стали собирать в единые участки, между крестьянами и короной были перераспределены также земли, находившиеся в совместном владении деревень и приходов (неделенные луга и леса). Это привело к образованию крупных участков государственной земли, которую можно было сдать в аренду или использовать под новые посевы. Таким способом шведская корона, а впоследствии и финское государство стали собственниками обширных лесных массивов. Большой передел ускорил осушение почвы и внедрение новых способов производства в земледелии, одновременно поощряя освоение новых земель и более ответственный подход к лесопользованию. На смену деревенским общинам пришли частные производители. Этот процесс нашел отражение в изменениях деревенского пейзажа: пашни были объединены, а застройка расщеплена, по мере того как крестьяне переносили хутора на свои объединенные земли.

Вместе с тем большой передел вызвал новые проблемы. Неминуемые крестьяне лишились права на использование земель, которыми деревня прежде владела совместно. Эта дилемма обострилась еще и в связи с тем, что население восточной половины королевства во второй половине XVIII в. почти удвоилось — возросло с 427 тыс. до 833 тыс. человек. Прирост был значительно более динамичным, чем в Швеции, где соответствующие показатели равнялись 1780 тыс. и 2350 тыс. человек. Причины столь примечательного увеличения численности населения следует искать в сочетании долговременного мира, царившего в стране, с радикальными сельскохозяйственными реформами. Вместо того чтобы безвременно погибать на войне, крестьяне теперь могли раньше женить-

ся, заводить больше детей и, благодаря возросшей продуктивности сельского хозяйства, давать им возможность выжить. Эта тенденция оказалась стойкой. В итоге население Финляндии в 1750—1850 гг. росло быстрее, чем в других странах Европы. В Финляндии средний прирост населения составлял 1,5% в год, на втором месте стояла Англия с ее 1,1%.

В 1750 г. в шведском государстве прошла официальная перепись населения. Ее сопутствующим результатам стали детальные данные о социальном составе населения. Согласно сведениям, опубликованным десять лет спустя, различия между Швецией и Финляндией были невелики. Почти 80% населения обеих половин королевства жило за счет сельского хозяйства. Доля мелкого бюргерства в Швеции (6,5%) была несколько выше, чем в Финляндии (4%), зато в восточной половине королевства было больше мелких чиновников, чем в западной (соответственно 14,5 и 10%). Оставшееся население (в Швеции 5%, в Финляндии 3,5%) состояло из так называемых сословных лиц, к которым относились дворянство, духовенство, высшее бюргерство, а также из их слуг.

Относительная доля неимущего населения в сельской местности быстро увеличивалась. Росло также социальное неравенство в деревне. Однако трениям, возникавшим между тремя высшими сословиями, уделялось больше внимания. Знать упорно цеплялась за свое единоличное право на офицерские и другие высшие должности, а также на не облагаемое налогом землевладение. В эпоху великодержавия привилегии в виде полномочий и богатств сыпались на тех, кому недавно пожаловали дворянство, — в частности, потому, что аристократия как воинское сословие была сильно обескровлена и нуждалась в постоянном пополнении. Когда государство начало уменьшаться в размерах, а войны стали менее кровавыми, знать попыталась воспрепятствовать посвящению в дворянство предприимчивых представителей податных сословий. Прежде это являлось естественным способом продвижения по социальной лестнице.

Проблема была постепенно решена Густавом III, который, сразу же после совершенного им дворцового переворота в 1772 г., принялся жаловать дворянство многим своим верным помощникам, одновременно открыв доступ к ряду должностей лицам из податных сословий. Новый шаг был сделан с принятием в 1789 г. Акта единения и безопасности, в котором король Густав, при поддержке податных сословий, лишил дворянство привиле-

гий при получении высших должностей. Это решение, безусловно, утихомирило социально нетерпеливых бюргеров и способствовало тому, что освободительные идеи Французской революции не представлялись особенно актуальными в Швеции и Финляндии конца XVIII в. Густав III был убит в 1792 г. — не бюргерами, а озлобленными аристократами.

Эпоха практицизма

Растущее благосостояние и новое стратегическое положение Финляндии явственно отразились также на материальной культуре, делая жителей страны все более восприимчивыми к новым идеям и влияниям. Або уже не был единственным центром для новых обычаев, хотя в городе действовал динамично развивающийся университет, а во второй половине XVIII в. население Або благодаря экономически благоприятной конъюнктуре почти удвоилось (возросло с 5700 до 10 200 человек). Недавно построенная крепость Свеаборг, а с ней и город Гельсингфорс привлекали разносторонне образованных офицеров и энергичных торговцев, которые привозили из Европы кулинарные новинки, предметы обихода, новые формы общения и способы строительства. В итоге население Гельсингфорса резко увеличилось — в 1805 г. оно составляло уже 3600 человек, а вместе с населением крепости Свеаборг — более 8800.

Многие высшие офицеры покупали недалеко от Гельсингфорса усадьбы, где приказывали разводить новые полезные растения, а также разбивать парки и сады по тогдашним французским и английским образцам. Эти парки и сады, в свою очередь, принимались за образец в других частях страны. Усадьбы одновременно являлись местом проведения светских раутов. В 1763 г. в Свеаборге было основано первое тайное общество — Ложа плотников имени св. Каролюса. Она была филиалом Ордена плотников, основанного в 1761 г. в Стокгольме. Шоколад — модный французский напиток — стали впервые в Финляндии подавать в Свеаборге, на праздниках офицерских семей. Полезнейшими новинками для широких слоев населения оказались технология взрывания горных пород, а также производство красной охры. На местах эти новшества распространялись солдатами и строительными рабочими, возводившими Свеаборг.

Тот факт, что деревенские дома теперь строились на каменном фундаменте, а их фасады были красного цвета, явствует из приходских рапортов, которые начиная с середины XVIII в. по требованию властей писали пасторы, чиновники и другие ученые люди с последующей отправкой в Стокгольм. Сбор информации о топографии, природных ресурсах, застройке и культуре различных частей королевства преследовал те же цели, что и систематическая перепись населения. Вера в рационалистические общественные реформы шла рука об руку с растущим осознанием того, что эти реформы должны основываться на проверенных сведениях. Это, в свою очередь, усиливало значение научных дисциплин и убеждение в наступлении эпохи практицизма.

Данное убеждение разделяли в частности, несколько выдающихся ученых из Або Академии. Под руководством профессоров Пера Кальма, П.А. Гадда и Хенрика Габриэля Портана был составлен ряд детальных, систематических приходских рапортов. В 1747 — 1751 гг. Пер Кальм — профессор экономики, ученик Карла Линнея — предпринял естественно-научную экспедицию в Северную Америку. Экспедиция вызвала интерес во всем ученом мире. По возвращении в Або Кальм основал ботанический сад, сыгравший роль важной лаборатории для выведения новых полезных культур в Финляндии. В свою очередь Гадд, возглавлявший кафедру химии, вошел в историю как пионер научных исследований в области сельского хозяйства. Портан, будучи профессором ораторского мастерства, стал основоположником новых гуманитарных исследований в области истории и языкознания, а также народных обычаев.

Интерес Портана к народностям и природе Финляндии вылился в организацию долгосрочных научных экспедиций, в частности в Эстерботнию и Карелию. Результаты путешествий ученого были использованы в важнейших географических сочинениях о шведском королевстве того времени. Экспедиции открыли Портану глаза на большие культурные и экономические различия между побережьем Финляндии и ее внутренней, озерной частью, в результате чего он пришел к убеждению, что существует две Финляндии: с одной стороны — культурные провинции побережья, еще со Средних веков тесно связанные со Швецией и с Европой в целом, а с другой — обширные лесистые и озерные края, где малочисленное население смогло сохранить поразительно многое из своих древних обычаев и диалектов.

В 30-х годах XIX в. внутренние области Финляндии стали идеалом национального романтизма, но в эпоху Портана таковым было скорее процветающее земледельческое общество. Это явствует из описаний Финляндии, оставленных иностранными путешественниками. Одним из них был британец Эдвард Даниэль Кларк, который в январе 1800 г. встречался в Або с Портаном и был поражен его знанием латыни, а также глубокими сведениями о его родной Финляндии. Когда Кларк несколькими днями позже продолжил на санях свое путешествие на восток, в направлении Санкт-Петербурга, он, несмотря на снежное время года, увидел на своем пути именно ту картину, которую ему, вероятно, заранее нарисовал в своих рассказах Портан. Вслед за лесами и замерзшими озерами взору путешественника открывались благоустроенные церкви и ухоженные пашни. Добравшись до Гельсингфорса, Кларк, против ожиданий, получил возможность посетить Свеаборг. Ритм гарнизонной и светской жизни в крепости напомнила Кларку сборища в лондонском Гайд-парке.

Немногочисленных иностранных посетителей Финляндии привлекала нетронутая природа ее внутренних областей, на формирование облика которых наложил отпечаток ледниковый период, а также причудливый климат страны. Портан же нашел для себя здесь еще и фольклорную традицию, уникальную в языковом и культурном отношении. Он принялся собирать фольклор и издавать его с комментариями на латинском языке. Этот материал стал важной отправной точкой для дальнейших исследований финского фольклора и, таким образом, способствовал зарождению идеи о том, что народ Финляндии представляет собой отдельную нацию. Однако Портан жил в донационалистическую эпоху и не видел никакого противоречия в том, чтобы быть финном в шведском королевстве. Его патриотизм проявлялся в народном просвещении и в стремлении к реформам. В 1771 г. ученый вместе с несколькими единомышленниками основал первую финскую газету, публиковавшую как исторические статьи, так и заметки, посвященные актуальным общественным вопросам. Подобные идеи лежали в основе создания Финского экономического общества, основанного тем же крутом людей в 1797 г. и впоследствии игравшего важнейшую роль.

Две русские оккупации продемонстрировали, насколько уязвима была восточная часть шведского королевства в случае войны. Сподвижники Портана питали надежду на проведение более

сильной оборонительной политики на востоке. Однако Стокгольм объявил этих деятелей изменниками родины. Таким образом, вопрос о будущем Финляндии в рамках шведско-российского соперничества мог обсуждаться лишь за закрытыми дверями, на заседаниях тайных орденов — таких, как общество «Аврора», основанное Портаном в 1771 г. Конкретным выражением ограниченности законных политических возможностей стало закрытие властями нового журнала Портана, *Allmän Litteraturtidning* («Всеобщая литературная газета»), выходявшего менее года (1803).

Указом о свободе печати 1766 г. предварительная цензура была отменена, но в 1774 г. вновь введена Густавом III. Поэтому политические дебаты велись лишь в стокгольмских газетах — и то зачастую в форме иносказаний и метафор. Требования свободы публичного выражения политических взглядов играли еще второстепенную роль. Это объяснялось тем, что подавляющее большинство подданных не владело грамотой. Правда, прихожане осваивали катехизис для экзамена на грамотность, а также обучались в воскресных школах перед конфирмацией, но такие знания были очень далеки от понимания актуальных текстов и участия в общественных делах.

Все это приводило к тому, что священники вплоть до XIX в. удерживали на местах свое положение светочей идеологии. В проповедях основное внимание, как и прежде, уделялось лютеранскому вероучению и верности королю. В то же время назрела необходимость в отражении проводившихся общественных реформ и культурных перемен как символа воли Божьей. Как люди с высшим образованием, пасторы обладали довольно основательными познаниями в естественных науках, а также в разумном землепользовании. Многие из них, подобно Андерсу Чюдениусу, стали пламенными провозвестниками идеологии общественного практицизма, подавая другим благодетельный пример в своих пасторских усадьбах.

С середины XVI столетия в Финляндии существовало два епископства. После потери Выборга восточное епископство было перенесено в Борго. Однако Абоское епископство с его 270 приходами оставалось более значительным, чем Боргоское, 130 приходов которого находились в Восточной и Юго-Восточной Финляндии. Шведский абсолютизм питал доверие к церкви, но с введением правления сословий духовенство потеряло политический престиж. Впрочем, благодаря экономическому росту священники не

бедствовали, поскольку размер церковной десятины определялся производительностью хозяйств. К этому прибавлялись доходы с пасторских усадеб, которые зачастую намного превышали профессорское жалованье, выплачиваемое священникам, обладавшим научными интересами.

Одним из первых свидетельств распада культуры лютеранского единства стало возникновение во второй половине XVIII в. независимых христианских движений, которые подвергали сомнению безгласное единообразие церкви и подчеркивали значение личной веры и чувств в отношениях индивидуума с Богом. За их идеями стояло критическое восприятие рационалистического подхода эпохи практицизма и всеобщей секуляризации. Эти христианские движения так и не порвали с лютеранской церковью. Их часто возглавляли лютеранские пасторы. Коренные разногласия неизбежно создавали трения между различными слоями верующих. В середине XIX столетия в Финляндии насчитывалось уже восемь различных новых христианских движений. При том что они отличались друг от друга, их объединяло убеждение в том, что именно их вера является правильным толкованием слов Божьих и ведет к спасению души.

В конце XVII в. независимые христианские движения возникли во многих частях протестантской Европы, так что в Финляндии это явление во многом было «импортным». В Скандинавии религиозные протесты получили особо широкое распространение, потому что они совпали с аграрными реформами, сильно изменившими в XVIII в. быт сразу двух королевств — шведско-финляндского и датско-норвежского.

Густавианская эпоха

Еще одной идеологией, которую во второй половине XVIII в. воспринимали как угрозу отечественной культуре единства, был космополитизм аристократии. Он имел в основном франкофильскую окраску. Начиная с XVI в. Франция являлась ведущей державой Европы. Это обеспечивало французскому языку положение международного языка при европейских дворах и в среде знати — по крайней мере, до начала XX столетия. В Швеции подобные влияния усиливались тем, что ее политические интересы в течение XVII – XVIII вв. были совместимы с великодержавными интереса-

ми Франции. Наиболее очевидным проявлением этого стало строительство Свеаборга — которое во многом осуществлялось на французские деньги. Кроме того, в стране сложилась целая система как военных, так и дипломатических связей и средств воздействия, из-за чего в XVIII в. аристократическая французская культура стала для шведской знати непреложной нормой.

В 60-х годах XVIII столетия, в эпоху усиления критики франкофильства, политики из партии «колпаков» указывали на то, что любовь ко всему французскому губительно воздействует как на мораль аристократии, так и на состояние государственной казны. В то же время часть этих критиков признавала, что космополитизм мог также способствовать благосостоянию страны, — мысль, которую Густав III, придя в 1772 г. к власти, практически сделал своим девизом. Швеция получила новую форму правления, согласно которой власть вновь перешла к королю, что положило конец ставшим к тому времени притчей во языцех раздорам между сословиями.

Перераспределение власти происходило относительно легко, так как экономика Швеции не была отягощена ни дорогостоящими войнами, ни непомерным бременем налогов. Теперь король мог править вполне независимо от сословий, которые он в период 1772—1789 гг. созывал лишь трижды. Подобно своим монархам-современникам Екатерине II российской и Фридриху II прусскому, Густав III в своих взглядах на королевскую власть придерживался просвещенного абсолютизма. Он стал инициатором реформ, которые пропаганда постоянно приводила в доказательство прогрессивных воззрений короля и его забот о стране. За Указом о свободе печати 1774 г. в реальности последовало ужесточение цензуры, зато Указ о свободе вероисповедания 1781 г. действительно улучшил права населения: теперь закон разрешал проводить богослужения не только во всех христианских, но и в нехристианских общинах.

В экономике ряд важных реформ был проведен еще до вступления Густава III на престол. Активно поддерживая развитие местного управления, градостроительство и сельское хозяйство, король закрепил благотворные тенденции своих предшественников. Он сознательно создавал образ гуманного преобразователя общества. С этой целью Густав предпринял летом 1775 г. длительное путешествие по Финляндии. Успех этой популистской акции превзошел все ожидания, укрепив репутацию государя как ис-

тинного друга Финляндии. Именно там находились три из четырех основанных за время его правления городов. В 1776 г. был заложен Таммерфорс (Тампере), в 1782 г. — Куопио, а в 1786 г. — Каскё (Каскинен). Другими долгожданными реформами в восточной половине королевства стали учреждение в 1776 г. верховного суда в городе Васа (Вааса) и создание двух новых ленов путем разделения надвое ленов Эстерботния и Кюммленгорд (Кюммене).

Впоследствии Густав III посещал Финляндию чаще, чем кто-либо из его предшественников, и, по утверждениям современников, даже выучил несколько любезных фраз на финском языке. Однако истинное его отношение к восточной половине королевства было весьма прагматичным. В начале 80-х годов XVIII в. король разработал тайный план отвоения Норвегии у Дании, по которому он предлагал России Финляндию в обмен на поддержку шведской экспансии в западном направлении. Это предложение стояло на повестке дня в 1783 г., во время пышной встречи короля со своей кузиной Екатериной Великой, состоявшейся во Фридрихсгаме (Хамина). Однако императрица отвергла его предложение, так как ее не интересовали ни Финляндия, ни укрепление естественных границ шведского королевства.

Вплоть до середины 80-х годов XVIII в. политика Густава III на востоке имела ярко выраженный оборонительный характер, но, когда его мечты о завоевании Норвегии развеялись, а Россия в конце 80-х годов XVIII в. оказалась втянутой в войну с Османской империей, король воспользовался моментом и в апреле 1788 г. объявил войну своему восточному соседу в надежде отвоевать территории, утраченные по мирным договорам 1721 и 1743 гг.

В своем решении государь руководствовался, кроме всего прочего, стремлением при помощи победоносной войны заткнуть рот внутригосударственным критикам его самовластия. Подобная стратегия была не нова: и Карл XII, и партия «шляп» воевали с Россией именно тогда, когда ей с юга угрожали турки. Но, как и во время предыдущих войн, эта стратегия имела свои недостатки. Боеспособность России равнялась боеспособности шведских и османских сил вместе взятых. На юге война закончилась расширением Российской империи до Черного моря. В 1794 г. был основан портовый город Одесса, ставший опорным пунктом всех дальнейших российских попыток экспансии в направлении к Босфорскому проливу и Средиземному морю.

Война Густава III (1788 — 1790) могла окончиться катастрофой. Первые атаки шведов на позиции русских в Нейшлоте (Савонлинна) и во Фридрихсгаме провалились — в основном из-за того, что операциями руководил лично король. Когда шведское войско в беспорядке отступило к деревне Лииккала, находившейся к северу от Фридрихсгама, группа финских офицеров потеряла терпение. В своем воззвании к российской императрице они просили ее согласиться на условия мира, исходящие из государственных границ 1721 г., и обвиняли своего короля в противозаконном* развязывании войны. Екатерина на воззвание не отреагировала, зато на него с возмущением отреагировал король, потребовав заверений в верности от всех своих офицеров. Военная оппозиция подтвердила лояльность Густаву, но в заявлении, подписанном 112 офицерами в пограничной деревушке Аньяла, она продолжала утверждать, что война короля противозаконна. Положение Густава III стало бы совсем невыносимым, если бы в этот момент Дания не объявила Швеции войну. Путем ловкой дипломатической игры королю удалось отвести от страны датскую угрозу. Вдохновленный успехом, он разгромил Аньяльскую конфедерацию, а ее руководителей предал суду. Всего было вынесено 78 смертных приговоров, но в итоге был казнен лишь один офицер — открыто выступавший против короля финский полковник Хэстеску.

Второй этап войны был для армии Швеции менее позорным. Одержав несколько небольших побед на суше, в июле 1790 г. шведский флот с блеском выиграл сражение при Свенксунде, в восточных шхерах Финского залива. Командование взял на себя сам решительный король. В итоге русские потеряли 50 кораблей, а шведы всего лишь 6. Эти успехи во многом облегчили попытки Густава III с честью завершить войну. Месяц спустя в деревне Вереле (Вяряля) был подписан мирный договор, по которому границы государств остались прежними.

Король воспринимал Верельский мир как великую победу, так как его результатом стало уменьшение возможностей для России влиять на шведскую внешнюю политику. В то же время в ходе войны выявился серьезный недостаток лояльности офицерского состава. Кроме того, война унесла более 20 тыс. солдат, причем 90% из них погибло из-за различных болезней и эпидемий. Недо-

* То есть не санкционированном риксдагом. — *Примеч. пер.*

вольная аристократия теперь молчала, уstraшенная как разгромом Аньяльской конфедерации, так и принятым в 1789 г. Актом единения и безопасности, с помощью которого Густав, поддерживая три непривилегированных сословия, еще больше ограничил полномочия Государственного совета и привилегии дворянства. Такое перераспределение власти было действенным средством в борьбе с распространением в стране идей Французской революции. Однако, как уже указывалось, передел власти обошелся дорого: в марте 1792 г. король был убит дворянской кликой во время маскарада в Стокгольмской опере.

Новый правитель Густав IV Адольф, достигнув в 1796 г. совершеннолетия, сосредоточил в своих руках все оставленные ему отцом полномочия. Казна была в хорошем состоянии, а внутренняя политика отличалась стабильностью, но в Европе все сильнее разгорался пожар социальных потрясений, имевших решающие последствия для политического развития Северной Европы. Альянс Швеции с Францией, насчитывавший почти два столетия, был в 1789 г. резко прерван событиями Французской революции. Густав Адольф успел заключить новый союз со становившимся все более могущественным Наполеоном Бонапартом, но вскоре антифранцузская коалиция выступила единым фронтом, и в 1805 г. Швеция, переметнувшись на другую сторону, присоединилась к альянсу, состоявшему из враждебных Наполеону России, Великобритании и Австрии.

Когда наполеоновские войска нанесли поражение русской армии в решающем сражении под Фридландом летом 1807 г., карты держав большой политики вновь были перетасованы. В июле состоялась встреча Наполеона с Александром I в Тильзите. Результатом стал альянс Франции и России с Пруссией против Великобритании. По этому соглашению Россия обязывалась, в случае отказа англичан от приемлемого для Франции мира, вынудить Данию и Швецию присоединиться к торговой блокаде Британских островов. Датчане присоединились к блокаде добровольно, после того как англичане неожиданно подвергли бомбардировке Копенгаген. В отличие от датчан шведский король ни на йоту не отступал от своих позиций. Причиной была не только его сильная антипатия к Наполеону, из-за которой он отвергал все французские и российские предложения, убежденный в том, что «маленький корсиканец» не кто иной, как пресловутый зверь из Книги Откровений Иоанна Богослова. Дело в том, что англичане выплачивали

Швеции крупные субсидии за неприсоединение к блокаде. Таким образом, Швеция оставалась страной транзита для британского экспорта в Европу.

Финская война

Российскому императору претила мысль о нападении на своего бывшего союзника. Наконец, исчерпав все прочие средства воздействия, в феврале 1808 г. Александр начал медленное наступление на реке Кюммене в Юго-Восточной Финляндии. Численно превосходящие русские войска заставили шведов отступить на север, что сопровождалось непродолжительными локальными стычками. Пока шведы ждали подкрепления с запада, обширные области Южной Финляндии уже через месяц были захвачены русскими. Исключение составляли морские крепости Свартхольм и Свеаборг. Их задачей было удерживать позиции вплоть до наступления ледохода и прибытия своего флота на выручку. Эта стратегия основывалась на предположении, что угроза шведскому королевству исходит прежде всего от Германии и Дании, а также на уверенности в том, что Свеаборг выдержит любую осаду. Однако отступление основных финских сил на север настолько ослабило боевой дух солдат, что командование крепости, не веря в успех обороны, после непродолжительных колебаний капитулировало.

Одна лишь утрата Свеаборга не решила исхода войны, но сильно осложнила контрнаступление, начатое шведской армией летом 1808 г. при поддержке народного ополчения. Шведским и английским линейным кораблям удалось запереть российский военный флот в эстонской гавани Балтийский Порт (ныне Паддиски), в то время как шведский шхерный флот укрепился в шхерах города Або. Но на суше русские удерживали свои позиции без труда, тем самым вынудив шведские войска в конце осени 1808 г. отступить вновь — теперь уже окончательно — на другую сторону Ботнического залива. Когда же Густав IV Адольф отказался признать поражение, попытавшись организовать еще одно контрнаступление, тлеющее недовольство внутри страны переросло в государственный переворот (март 1809 г.). Королю пришлось отречься от престола в пользу своего дяди Карла XIII, которого вскоре сменил один из ближайших сподвижников Наполеона, маршал Жан

Батист Бернадот, по восшествии на шведский престол принявший имя Карла XIV Юхана.

Бернадота избрали королем в надежде на поддержку Франции в предполагаемом отвоевании Финляндии. Этим ожиданиям было суждено мало-помалу развеяться. Предприняв летом 1809 г. последнюю отчаянную попытку потеснить русские войска, продвинувшиеся уже до области Норланд, Швеция поспешила 17 сентября 1809 г. заключить во Фридрихсгаме с Россией мир. Летом 1808 г. российский император Александр I объявил об окончательном завоевании Финляндии. По условиям мирного договора новая граница Швеции с Россией прошла от реки Торнио на севере до Аландского моря на юге. Швеция вынуждена была отдать России шесть финских ленов, Аландские острова, а также часть лена Вестерботтен. Это были перемены огромного масштаба: шведское королевство лишилось трети своей территории и четверти населения.

Для России завоевание финских провинций не имело столь большого значения, хотя после установления постоянного контроля над Финляндией и крепостью Свеаборг безопасность Санкт-Петербурга укрепилась. Решение оставить Финляндию в своем составе созрело в России лишь в первые месяцы Финской войны, когда успехи Наполеона в Испании, а также поражения, которые России наносили турки, увеличили ее потребность в территориальном расширении на северо-западе. Однако ей было важнее всего заставить Швецию присоединиться к торговой блокаде Великобритании. В конце концов это удалось — и стало отправной точкой для последующих альянсных отношений между Россией и Швецией.

Конкретным проявлением стремления русских завоевателей сохранить за собой Финляндию стал их отказ от систематического террора и бесчинств против гражданского населения. Во время Финской войны погибло свыше 20 тыс. шведских и финских солдат, но, как и в случае предыдущих войн, большинство из них умерло от болезней и плохих условий при расквартировании. Отношение финского населения к оккупации теперь определялось его растущим разочарованием в способности шведов защитить Финляндию. Правда, во многих частях страны крестьяне продолжали партизанскую войну — из-за своей верности королю, а также из страха стать крепостными. Среди представителей сословий пророссийские настроения распространялись значительно быст-

рее, особенно после обнародования подписанного императором в июне 1808 г. манифеста, в котором он обещал населению не только сохранить унаследованные от шведов законы, включая представительство сословий, но также оказать стране экономическую поддержку.

В конце осени 1808 г. к императору в Санкт-Петербург отправилась финская депутация. Депутаты просили созвать в стране сейм, в ходе работы которого сословия объявили бы императора новым правителем Финляндии, а он, в свою очередь, заверил бы их в своих добрых намерениях. Это предложение вполне сочеталось с планами Александра завершить Финскую войну, чтобы обеспечить интересы России в стратегической игре великих держав с Наполеоном. Александр приказал созвать сейм, одновременно назначив бывшего шведского офицера, а впоследствии российского генерала Г.М. Спренгтпортена первым генерал-губернатором Финляндии. Изменив политические убеждения еще в 80-х годах XVIII в., Спренгтпортен активно проповедовал присоединение Финляндии к России в качестве автономного великого княжества, по образцам североамериканских и голландских федераций. Сказано — сделано. Двадцать девятого марта 1809 г. император открыл Боргоский сейм и дал в своей речи определение Финляндии, вошедшее в историю как момент рождения новой нации.

5. Pax Russica

Переход от шведской власти к российской, безусловно, сопровождался массой коренных изменений в стране. Важнейшими из них стали новое положение Финляндии как российского военного форпоста на Северо-Западе и создание в стране собственного центрального управления, которое было перенесено в новую столицу — Гельсингфорс. Однако все это следует рассматривать в контексте продолжавшихся Наполеоновских войн, вызывавших смену режимов и политические реформы повсеместно в Европе и даже в Южной Америке. В этом смысле новые порядки в Финляндии отражали общую тенденцию. Скандинавия играла второстепенную роль в политике великих держав, изменилась и политическая география всего региона. Швеция окончательно потеряла Финляндию, однако взамен смогла, после ряда дипломатических трюков и небольших военных стычек, заключить в 1814 г. унию с Норвегией.

В Финляндии преобразования на местах шли значительно медленнее. Общественные реформы и национальное движение во многом основывались на культурных традициях, сложившихся в эпоху шведского владычества. Тем временем российская администрация зорко следила за общественностью Финляндии, немедленно вмешиваясь, если проявление национальных чувств принимало политическую окраску. Основанием считалось подозрение, что эти чувства коренились в сепаратизме и в ностальгическом стремлении вновь присоединиться к Швеции. По этим причинам после Боргоского сейма 1809 г. финляндский сословный сейм был вновь созван лишь в 1863 г.

Присоединение к России

Боргоский сейм 1809 г. осуществил надежды как новых властителей Финляндии, так и ее четырех сословий. На сейме Александр I впервые выступил под высшим титулом завоеванной им страны — титулом великого князя, — торжественно приняв почести и присягу от всех четырех сословий и ответив им заверением в своей благонамеренности как правителя. Такое распределение ролей следовало средневековому ритуалу смены правления, применявшемуся во всей Европе вплоть до 30-х годов XIX в. Стороны подтверждали свою готовность соблюдать существующие законы и государственный порядок, что для Финляндии означало прежде всего сохранение лютеранской веры, шведской модели судопроизводства и особых сословных привилегий. Еще в первый год Финской войны население Финляндии дважды присягало России по требованию оккупационных властей. В своем выступлении на сейме Александр по-французски поблагодарил жителей страны за их повторную присягу и в заключение пообещал сохранить прежнюю конституцию.

Упоминание императором действующей конституции впоследствии приводилось финскими правоведами в качестве доказательства официального признания Финляндии как государства — тем более что в речи императора на закрытии сейма фигурировала благосклонная фраза о том, что страна отныне «занимает место среди наций». Текст был опубликован и получил широкое распространение, что усилило долгосрочный эффект речи и подготовило почву для дальнейших ее интерпретаций. В действительности выступление Александра сводилось к нескольким коротким любезным фразам, которые в современном смысле не могут быть истолкованы как заявление о собственной государственности. При этом членов сейма попросили лишь о «несложных советах» в вопросах обороны Великого княжества, его налогообложения, денежной системы и управления.

Независимо от точного смысла речи государя на сейме присоединение Финляндии к России означало, что и старая, и новая центральная власть впервые признала внешние границы Финляндии, а также ее административный статус как особого Великого княжества. В течение тех 600 лет, когда Финляндия принадлежала шведской короне, страна постепенно становилась интегрирован-

ной частью государственного целого, развиваясь и меняясь в органическом взаимодействии с западной половиной королевства. Иногда, в период войн или других переходных периодов, восточная половина королевства управлялась как отдельная область, но в XVIII в., когда внутренняя консолидация Швеции усилилась, все государство управлялось при помощи единого и централизованного аппарата.

В России соответствующей управленческой традиции не было, поэтому император, вместе со своим главным советником графом М.М. Сперанским, не видел причины разрушать шведские общественные структуры в завоеванной Финляндии. В целом экспансия России на Запад в XVII и в XVIII вв. характеризовалась тем, что присоединяемые области получали возможность сохранить свои формы управления и культуру. В Финляндии начала первого десятилетия XIX в. российские власти проявляли активный интерес к тому, чтобы обновить российскую администрацию по шведскому образцу, то есть скорее надеялись, что Россия сможет развиваться по финской модели. Этого не произошло. В то же время для Финляндии возникла уникальная возможность сделаться государством в государстве — с тем чтобы более ста лет спустя, в водовороте Первой мировой войны, наконец разорвать связь с Россией и объявить себя независимой республикой. Развитию Финляндии как государства в государстве в большой степени благоприятствовало то, что союз с Россией стал началом длительного мирного периода, который в истории получил название *Pax Russica* — «русский мир».

Однако Александр I не намеревался дать Великому княжеству Финляндскому какую-либо особую автономию в разрастающейся империи. Об этом свидетельствует длинная титулатура императора, приведенная во вступлении к Фридрихсгамскому мирному договору 1809 г. Кроме титулов Императора и Самодержца Всероссийского, а также, в частности, Царя Астраханского государь именовался «Великим Князем Смоленским, Литовским, Волынским, Подольским и Финляндским». Важно было не то, какими именно территориями правил Александр, а многообразие его титулов. Целью императора было создание финского управления, которое было бы неразрывно связано с Россией, но из-за некоторых, частично случайных факторов дело остановилось на административном решении, которое имело скорее противоположный эффект.

Спрентгпортен, после своего назначения на пост генерал-губернатора Финляндии в декабре 1808 г., разработал предложе-

ние о создании финского Правительственного совета, который бы полностью подчинялся лицу, занимавшему его собственную должность. Однако Спренгтпортен вызывал всеобщую неприязнь как бывший перебежчик и неуживчивый человек. Летом 1809 г. его сменил на этом посту генерал М.Б. Барклай де Толли, в недавнем прошлом руководивший завоеванием Финляндии, а впоследствии отличившийся в войне против Франции. Ранее Барклай де Толли однозначно выступал против особого финского Правительственного совета, но как генерал-губернатор он осознал, что в управлении страной такой совет мог бы играть благоприятную роль. Для финского Правительственного совета был создан особый устав, имевший большой приоритет. Он был утвержден императором в августе 1809 г.

Устав был разработан накануне созыва Боргоского сейма финским комитетом во главе с Якобом Тенгстрёмом, епископом Абоским. В тексте чувствовалось перо Михаила Сперанского, влиятельнейшего министра. В уставе упоминались два административных решения, передававшие власть от генерал-губернатора Правительственному совету, который в 1816 г. был переименован в Императорский сенат Финляндии. Еще в 1808 г. Сперанскому было поручено докладывать императору о состоянии дел в Финляндии в обход генерал-губернатора, и министр позаботился о том, чтобы такой порядок был закреплен в уставе. Чтобы облегчить бремя Сперанского по разработке устава, в 1811 г. была учреждена особая должность финского государственного секретаря, обязанностью которого было составление докладов при поддержке Комитета по делам Финляндии, находившегося в Санкт-Петербурге. Такое решение настоятельно рекомендовал финский советник Александра I Густав Мориц Армфельт, в прошлом фаворит Густава III. После того как Сперанский впал в немилость, Армфельт в 1812 г. стал первым, кто получил вышеупомянутую должность, благодаря чему он смог провести в жизнь много выгодных для Финляндии идей.

Свобода генерала-губернатора была ограничена также другими средствами. По уставу он являлся председателем Сената, состоявшего из двух отделений — департамента юстиции и департамента экономики. Однако Сперанский проследил, чтобы генерал-губернатор не имел права голоса в гражданских делах, которых у администрации страны было более чем достаточно. Поэтому на практике в компетенции генерал-губернатора оказался лишь контроль над вооруженными силами Великого княжества. Впро-

чем, генерал-губернатор обладал правом снабжать предложения Сената своим письменным заключением, из-за чего в дальнейшем государь, принимая решение, зачастую предпочитал руководствоваться предложениями генерал-губернатора.

В 1812 г. такое разделение труда еще более закрепилось особым предписанием о должности генерала-губернатора. При этом возникла двойственность: в генерал-губернаторской канцелярии преобладали русскоязычные чиновники из «российской» Финляндии, в то время как члены Сената набирались из среды не владевших русским языком чиновников, происходивших из «шведской» Финляндии. Конечной целью было создание в Финляндии новой русскоязычной элиты, но эти попытки не удались, будучи слишком неуклюжими. В результате лишь двум первым генерал-губернаторам довелось председательствовать в Сенате — Барклаю де Толли и Штейнгелю, причем в своих выступлениях оба обращались к Сенату по-французски.

В том, что завоеванные империей территории управлялись прямым подчинением государю, не было ничего необычного. Однако Финляндия была единственной, кроме Польши, частью державы, о делах которой монарху докладывал особый государственный секретарь. Таким образом, учреждение должности государственного секретаря в 1811 г. во многом способствовало тому, что управление Великого княжества уже на ранней стадии получило особую форму и страна мало-помалу стала развиваться от провинции к государству. В 1811 — 1812 гг. были также проведены другие важные реформы в области управления, имевшие сходные задачи.

Был учрежден ряд новых ведомств, а в марте 1812 г. император решил перенести столицу Великого княжества из Або в Гельсингфорс, положение которого вблизи крепости Свеаборг имело очевидные стратегические преимущества. Не менее важным было решение Александра в 1812 г. о присоединении Выборгской губернии к Великому княжеству Финляндскому. Это слияние означало, что отныне законы и принципы управления «шведской» Финляндии действовали также в «российской» ее части, которая после 1809 г. часто именовалась Старой Финляндией. Решение было частично продиктовано внутриполитическим стремлением упростить управление, но за этим стояли весомые внешнеполитические причины. Российско-французский альянс уже трещал по всем швам, и Россия была намерена продемонстрировать, что аннексия Финляндии окончательна.

Весной 1812 г. император Александр заключил со шведским престолонаследником Карлом XIV Юханом тайный союз, направленный против Наполеона. Заявление об этом альянсе было обнародовано в августе того же года, на встрече обоих участников в Або, во время которой они наметили совместную стратегию по отношению к Наполеону, за несколько недель до того начавшему вторжение в Россию. Еще до своего избрания на престол Карл Юхан дал русским понять, что не стремится получить обратно Финляндию, а скорее намерен завоевать Норвегию. Российский император согласился на такое решение в обмен на поддержку шведов в войне с Наполеоном, а также при условии решительного отказа Швеции от реваншистской политики в восточном направлении. Соглашение было достигнуто в спешке и легко могло быть опровергнуто, если бы Наполеону сопутствовала военная удача. Однако его поход на Россию окончился неудачей, и это положило начало превращению шведской политики на Востоке в оборонительную. После ряда небольших перестрелок, сопровождавших создание в 1814 г. шведско-норвежской унии, Швеция вступила в долгую мирную эпоху, продолжающуюся уже скоро 200 лет. Иными словами, потеря Финляндии стала для Швеции ключом от счастья.

Нововведения императора

Отделение от Швеции имело для Финляндии ряд преимуществ. Вначале финское население выказывало решительное неприятие разрыва со Швецией, причем вооруженное сопротивление крестьянства продолжалось и после того, как война была окончательно проиграна. Однако настроения стали меняться, по мере того как новые властители демонстрировали признаки доброй воли в вопросе сохранения общественного статус-кво. Быстрее всего изменилось отношение в среде земских чинов на руководящих должностях. В пример можно привести уже упоминавшегося епископа Якоба Тенгстрёма, а также нескольких знатных дворян, чья гибкость вознаграждалась назначением их на высокие посты в новом управлении. Тенгстрём был назначен архиепископом, а по его следам двинулось верное ему духовенство страны. Роль священников в качестве глашатаев власти оставалась чрезвычайно важной и в XX в.

Наиболее заметным и долговечным проявлением намерения императора стать популярным в Финляндии стало строительство

центра Гельсингфорса. В течение двух десятилетий центр города превратился при помощи русских в миниатюрное подобие Санкт-Петербурга с его совершенной архитектурой. В конце осени 1808 г. в Гельсингфорсе произошел сильнейший пожар, из-за чего город нуждался в коренной реконструкции. Сразу после того, как центральное управление Великим княжеством было по приказу государя перенесено в Гельсингфорс, учредили комитет по восстановлению и строительству города. Под руководством государственного советника Юхана Альбректа Эренстрёма был разработан новый план столицы, а в 1816 г. к проекту подключился немецкий архитектор Карл Людвиг Энгель.

Сотрудничество Эренстрёма с Энгелем оказалось удачным. Разносторонне образованный чиновник, Эренстрём когда-то служил при дворе Густава III и хорошо понимал, какое большое значение для Великого княжества имела политическая символика новой архитектуры. В лице Энгеля город обрел новаторски мыслящего зодчего и дисциплинированного профессионала. Энгель получил образование в Берлине, в том же учебном заведении, что и великий К.Ф. Шинкель. Неудивительно, что монументальные творения Шинкеля в прусской столице напоминают здания, которые Энгель проектировал в Гельсингфорсе. В архитектуре того времени преобладал введенный Наполеоном в моду стиль ампир, неслучайно напоминавший о Римской империи. Еще до своего переезда в Гельсингфорс Энгель уже создавал здания в стиле ампир в России.

Новый центр Гельсингфорса был возведен вокруг Сенатской площади. По периметру площади и в близлежащих кварталах стали строить крупные административные здания, оформленные в стиле нового классицизма. Одновременно шла расчистка холмов и долин, то есть территории для новой, прямолинейной системы улиц столицы. Улица Большая была в 30-х годах XIX в. переименована в Александровскую, а магистраль, идущая к центру с севера, получила название улицы Унии — в память о присоединении Великого княжества к Российской империи. Государь принял решение по этому вопросу еще в 1819 г., когда, возвращаясь из длительного путешествия по Финляндии, он прибыл в город со стороны этой магистрали и отметил, что здание Сената высилось среди «зарослей и лачуг». После пожара в Або в 1827 г. был осуществлен план перенесения университета в Гельсингфорс. Новое здание университета возвели у Сенатской площади. Торжествен-

ная церемония открытия состоялась в 1832 г. Восемь лет спустя открылась Университетская библиотека. Самым высоким зданием ансамбля стала со временем лютеранская церковь св. Николая, строительство которой по разным причинам затянулось и было завершено лишь в начале 50-х годов XIX в.

К этому времени ампиный город Энгеля был в целом готов. По мере того как Гельсингфорс принимал на себя функции столицы, сюда из Або переезжали чиновники и университетские преподаватели с семьями. В 1840 г. население новой столицы сравнялось с населением старой, составив около 13 тыс. жителей. Вслед за служащими в новую столицу переезжали студенты. Склонность последних к политической оппозиции, а также их интерес к прежнему отечеству сыграли определенную роль в том, что российские власти решили перенести университет в восточную часть Финляндии. С целью усиления контроля над управленческой элитой чиновникам было существенно повышено жалование, а для студентов и других представителей общественного сектора введена особая форменная одежда. Впрочем, в одном важном деле унификация не сработала. В 1812 г. новые правители приняли предписание о публичном экзамене на знание русского языка для всех будущих чиновников начиная с 1818 г. Однако, когда подошло время, студенты выступили со столь бурными протестами против экзамена, что власти решили отложить эту реформу в долгий ящик. Вместо русского языка в должностной переписке с петербургской администрацией стали использоваться французский или немецкий, а также переводы, обеспечивавшие работу все возрастающей армии переводчиков.

В дальнейшем языковой барьер стал основным препятствием для попыток интеграции, но в остальном служащие Финляндии отличались необыкновенной по европейским понятиям лояльностью. Это было обусловлено не только повышением жалования чиновникам, возрастанием их престижа и введением красивой форменной одежды. Финляндия, в отличие от Польши, не имела своих традиций государственности, а получила их через присоединение к России. Финская управленческая верхушка понимала и принимала свою зависимость от императорской власти, уже на раннем этапе выработав кодекс поведения, в соответствии с которым финские служащие, стараясь избегать конфликтов с российскими властями, заранее предвидели реакцию государя, чтобы сохранить определенную свободу во внутренних делах страны.

Верноподданность финнов объяснялась также тем, что большинство представителей сословий одновременно являлись высшими чиновниками и офицерами. В отличие от элиты других областей Восточной Европы они не владели обширными землями. Кроме чиновников, в Финляндии не было социальных слоев, которые могли бы бороться за власть, и потому финская общественная верхушка во многом отождествляла себя с государством и с национальной идеологией. Своеобразие Финляндии становится очевидным, если сравнить ее развитие с развитием Прибалтийского края. Власть балтийского немецкого дворянства основывалась на крупном землевладении, поэтому оно не было заинтересовано ни в укреплении государственной власти, ни в сближении с крестьянством, что существенно затрудняло формирование сильного национального единства.

Имелись также и более конкретные причины, для того чтобы повиноваться императорской власти. После войны с Наполеоном российская администрация усилила контроль за населением империи, прежде всего за учащейся молодежью, опасаясь, что та окажется особенно восприимчивой к революционным идеям. Был запрещен ввоз политической литературы, ужесточилась предварительная цензура иностранных газет, в 1817 г. в Або было учреждено первое в Финляндии полицейское управление. Порядок в стране поддерживали в первую очередь русские военные силы, которые по окончании войны с Наполеоном получили здесь свой собственный штаб под командованием генерал-губернатора. Несмотря на то что вплоть до середины XIX в. на всей Балтике продолжал царить мир, в Финляндии была размещена дивизия численностью 15 тыс. человек, так как южное побережье Финляндии находилось в непосредственной близости от имперской столицы, то есть Санкт-Петербурга.

Для расквартирования дивизии началось обширное строительство казарм в различных областях Южной Финляндии. Самые крупные казармы были возведены в Гельсингфорсе: Абоские, Военно-морские, а также Гвардейские, спроектированные Энгелем. До 70-х годов XIX в. они оставались значимыми символами столичных окраин. Роль Свеаборга как военно-морской базы оставалась неизменной, и крепость, вместе с другими местами расквартирования войск, была закрыта для посторонних. Контакты военных с гражданским населением сводились к парадам, перемещениям войск и смене караула. В определенной степени русские

офицеры участвовали в местной светской жизни, но и в этой сфере существовали определенные границы.

После присоединения к России была ликвидирована поселенная система шведской эпохи, а обязанность крестьян содержать солдат сменилась налогами. Это препятствовало возникновению в Финляндии сепаратистских сил и одновременно население убеждалось, что ему не придется воевать против своего прежнего отечества. Когда в 1812 г. Наполеон напал на Россию, из жителей Финляндии было сформировано три полка общей численностью 3600 человек. Полки размещались в Санкт-Петербурге и потому в боевых действиях не участвовали. Однако жест был оценен по достоинству: впоследствии из этих подразделений было создано три финских снайперских батальона, ставших частью российских войск в Финляндии.

Военные традиции дворянских родов Финляндии получили широкое продолжение в российскую эпоху благодаря созданию во Фридрихсгаме в 1819 г. Финского Кадетского корпуса. В Кадетском корпусе воспитывалась большая часть молодых финских дворян, общей численностью около 3 тыс., которые становились офицерами императорской армии и вплоть до 1917 г. служили в различных частях огромного государства. В общей сложности около 4 тыс. финнов сделали офицерскую карьеру в российских войсках, причем почти 300 из них дослужились до генеральского или адмиральского чина. Многие офицеры после выхода в отставку занимали в Финляндии высокие гражданские должности. Некоторые дисциплины: современные языки, топография и математика — преподавались в Кадетском корпусе почти на университетском уровне. Поскольку русский язык являлся для кадетов обязательным предметом, в этой сфере была создана необычайно важная профессиональная связь между Финляндией и Россией.

Долгое прощание

Как писал впоследствии в своих мемуарах известный журналист Аугуст Шауман, все его молодые сверстники в Финляндии 30-х годов XIX в. полагали, что интеграция с Россией будет углубляться. Ни на что иное никто надеяться не решался: это было вполне естественно, учитывая доминирующее положение, которая Россия занимала в Европе до середины XIX в. Прежнее отечество, Швеция,

жило в памяти лишь как ностальгия по ушедшим временам, но не как мечта о будущем. Таким образом, Финляндия виделась российской провинцией с чертами национального своеобразия, но при этом отдельное, собственное центральное управление давало автономии в перспективе конкретное содержание. Формированию подобной картины способствовало также то, что экономика и культура Финляндии в течение XIX в. продолжали тесно взаимодействовать с соответствующими сферами в Швеции. 1809 год стал переломным в истории Финляндии — как в военном, так и в политическом плане. Однако в других секторах общества развитие шло параллельно с развитием в Швеции, что дало историкам повод назвать финско-шведские отношения после 1809 г. «долгим прощанием».

На Боргоском сейме 1809 г. император Александр объявил, что Великое княжество освобождается от обязанности переводить налоговые сборы в общую государственную казну. Излишки финской экономики были, по российским меркам, совершенно незначительными, но в Финляндии это решение было принято с большой признательностью: благодаря ему все общественные средства отныне могли использоваться для внутренних нужд. Финляндия, впрочем, участвовала в некоторых российских государственных займах, а в начале XX в. она подверглась определенному налогообложению, но ее взносы в российскую казну были совсем не так значительны, как была когда-то относительная доля выплат Финляндии в шведскую казну. Российская администрация определяла таможенную, денежную и экспортную политику Великого княжества. При этом в финско-российской торговле, в принципе, возникал явный дисбаланс, так как таможенные пошлины взимались лишь с финских товаров, но на практике это не было серьезной проблемой. С сельскохозяйственной продукции и прочего финского сырья таможенные пошлины не взимались. К тому же товары финского происхождения имели в России значительные беспошлинные квоты.

В то же время внутренними финансами Финляндии управлял весьма независимый экономический департамент Сената. Его председатель был в реальности неофициальным премьер-министром страны, поскольку одновременно являлся вице-председателем Сената. До конца 90-х годов XIX в. он также председательствовал там, так как все дискуссии велись по-шведски. Другим важным учреждением был Банк Финляндии, основанный по вы-

сочайшему повелению в 1812 г. с целью ввода в обращение рубля, а также для ликвидации финско-шведских кредитов. До конца 50-х годов XIX столетия в экономической политике Сената господствовала идеология меркантилизма — наследие шведских времен. В первые десятилетия государственные финансы расходовались в основном на развитие земледелия, но в 30-х годах XIX в. начались более крупные реформы под руководством Ларса Габриэля фон Хаартмана. Их целью было ослабить экономическую зависимость Финляндии от Швеции, увеличить доходы государства для обеспечения возможности для более систематических инвестиций в развитие общества, отдавая предпочтение промышленным отраслям.

Торговля Финляндии со Швецией продолжалась в крупном масштабе и после отделения Финляндии в 1809 г. Одобрив восьмилетний беспошлинный переходный период в финско-шведской торговле, Россия и в дальнейшем позволяла сторонам пользоваться внутренними таможенными льготами. Поэтому Стокгольм долго оставался выгодным рынком для крестьянства Юго-Западной Финляндии, а импорт шведской руды и некоторых потребительских товаров продолжался, как прежде. Однако низкие пошлины ухудшали конкурентоспособность финской промышленности, одновременно приводя к значительным потерям таможенных доходов для Финляндии. Поэтому в 1834—1844 гг. при поддержке России была проведена стандартизация уровня финско-шведских таможенных пошлин, что дало финскому государству весомую прибавку в казне.

Тогда же была окончательно ликвидирована система двух валют, сохранявшаяся из-за чрезвычайно интенсивного характера торговли на Балтийском море. Еще в конце 30-х годов XIX в. риксдалер был в Финляндии более распространенной валютой, чем рубль. Это объяснялось тем, что рубли текли обратно в Россию из-за растущего импорта русского зерна. Реформа сильно упростилась благодаря вновь введенному в 30-х годах XIX в. обоими государствами серебряного денежного стандарта. В Южной Финляндии обмен риксдалеров на серебряные рубли закончился к осени 1843 г., а в северных областях страны реформа продолжалась до 1850 г.

Эта так называемая денежная реализация заметно улучшила возможности Сената проводить национальную финансовую и валютную политику. Возросшие таможенные доходы обеспечили

Банку Финляндии ресурсы для существенного расширения кредитования. Одновременно государство интенсифицировало капиталовложения в строительство дорог и каналов. За период 1835—1860 гг. в Финляндии было построено 12 каналов, из которых важнейшим, бесспорно, являлся Сайменский канал, соединивший большое внутреннее озеро Саймен с портовым городом Выборгом. Из-за консервативности и осторожности финского руководства железные дороги стали строиться в стране лишь в конце 50-х годов XIX столетия. Во всем остальном инфраструктурные инвестиции государства были, по международным понятиям, необычайно масштабными.

Энергичная государственная инициатива уравнивала разительную нехватку частного капитала, который мог бы стимулировать промышленные отрасли страны и ее экономический прирост. В 20-х годах XIX в. активные меры предпринимались для развития в Восточной Финляндии производства железа из болотной руды, не зависимо от шведского железорудного импорта. Несмотря на то что государство вскоре перестало оказывать поддержку этой отрасли, она гарантировала хорошую прибыль с металлургических предприятий для постоянно развивающегося оружейного производства в петербургском регионе. Большинство этих предприятий перешло в русское владение. Собственно российские производители железа находились далеко на востоке, в районе Урала. Кроме того, российские таможи являлись верным средством защиты от западноевропейских конкурентов.

Другой промышленной отраслью, привившейся в Финляндии из-за близости к Санкт-Петербургу, было текстильное производство. Оно стало очень рентабельным в 1835 г., когда русские предприниматели приобрели в Таммерфорсе текстильную фабрику «Финлейсон и компаньоны», превратив ее в крупнейший в Скандинавии промышленный комплекс. Успех оказался заразительным: в Финляндии было основано еще несколько текстильных предприятий. Ни одно из них, впрочем, не достигло размеров и рентабельности фабрики «Финлейсон», успехи которой обуславливались, в частности, местной дешевой гидроэнергией, а также тем, что император пожаловал Таммерфорсу право беспошлинной торговли с Россией. Свою привилегию город сохранил до 1905 г. Обстоятельством, выгодным для всей финской текстильной отрасли, были низкие по сравнению с Россией пошлины, ко-

торые Финляндия платила за сырье (хлопок и полотно), ввозившееся из Северной Америки. Это давало финским фабрикам безусловное преимущество перед конкурентами.

Три из пяти крупнейших финских промышленных предприятий находились в середине 40-х годов XIX столетия в собственности русских капиталистов, что являлось типичным для того времени. Однако значение этих предприятий для экономики Финляндии было невелико, поскольку вплоть до 60-х годов XIX в. почти 90% населения страны было занято в сельском хозяйстве и лесной промышленности. В начале эпохи российского владычества около 95% доходов финского экспорта приходилось на сельскохозяйственные товары, а также на продукцию смолокурной и лесопильной отраслей. Бурный прирост населения (с 863 тыс. человек в 1810 г. до 1 млн 770 тыс. в 1870 г.) обусловил сокращение излишков сельского хозяйства, а следовательно, и уменьшение его доли в экспорте в пользу лесной промышленности. Возросла, в частности, торговля древесиной, сделавшись в 30-х годах XIX в. важнейшей экспортной отраслью. Однако деревянные океанские суда стали заменяться стальными, и около 1860 г. смола как статья экспорта окончательно потеряла свое значение. В начале 70-х годов XIX в. сельское хозяйство вновь превратилось в экспортную отрасль Финляндии. Ускоренная урбанизация в России и Центральной Европе привела к повышению спроса на молочные продукты и другие товары животного происхождения. По тем же причинам доля текстильной и железорудной промышленности в экспорте возросла почти до 30%.

Таким образом, быт деревни характеризовался как преемственностью традиций, так и переменами. Преемственность обеспечивалась лютеранской церковью, местными обычаями и шведской управленческой культурой. Последняя претерпевала в основном такие же реформы, как в Швеции. Например, приходские собрания стали важными органами местного самоуправления. Эти перемены вызывались рядом структурных сдвигов, которые зависели прежде всего от увеличения народонаселения и от роста петербургских рынков сбыта. Благодаря ввозу дешевого русского зерна крестьяне Восточной Финляндии оставляли подсечное земледелие и смолокурение, с тем чтобы заняться экспортом сливочного масла и дров в Санкт-Петербург. В других областях аграрной Финляндии возделываемые территории расширялись по мере роста населения.

Укрепление национального самосознания

В какой же степени жители Финляндии первой половины XIX в. видели свою родину отдельной нацией? Присоединение к России вызвало много явных изменений в жизни общества. Вопрос в том, считали ли тогдашние жители страны эти перемены выражением финского национального духа. Подавляющее большинство населения отождествляло себя прежде всего с церковной общиной и правителем. В свою очередь управленческая элита исходила из того, что интеграция с Россией продолжится, и была убеждена, что империя открыла «более широкие перспективы» народу и экономике Финляндии. В силу этих обстоятельств от академической верхушки страны требовалась сознательная и долговременная работа по формированию и распространению чувства национального самосознания среди широких слоев населения — тем более что национализм был идеологическим результатом Наполеоновских войн. В случае Финляндии требовалось активное создание национального прошлого.

Лозунг «Мы больше не шведы — русскими стать не хотим — давайте же будем финнами» впоследствии приписывался абоскому историку А.И. Арвидссону, который после своих слишком радикальных высказываний по национальному вопросу в начале 20-х годов XIX столетия вынужден был переехать в Швецию. В действительности эту мысль выразил уже в 1811 г. первый секретарь Великого княжества Г.М. Армфельт, после того как услышал предложение императора Александра завоеванному населению отныне стать финнами. Государь подразумевал, что не следует жить в прошлом, и, по мнению Армфельта, долгом финнов было осуществлять пожелание императора.

Позиция императора была политической и никакого отношения к языковой ситуации в Финляндии не имела. Тем не менее после присоединения страны к России финскому языку стало уделяться совершенно особое внимание. Отделение от Швеции и превращение Великого княжества в административную единицу Российской империи привели к тому, что финский язык впервые стал языком большинства. Отныне администрация для исполнения своих обязанностей должна была владеть им в большей степени, чем раньше. Началось усердное изучение строя финского языка и его словарного состава, а в 1826 г. священник Густав Рен-

валль издал большой финско-латинско-немецкий словарь, который до конца XIX в. оставался нормативным для медленно зарождавшегося письменного финского языка.

Подобно Агриколе, выполнившему в XVI в. перевод Библии, Ренвалль отдавал предпочтение западнофинскому диалекту, который был наиболее распространен и содержал обилие заимствований из шведского языка. В противоположность Ренваллю фольклорист Карл Аксель Готтлунд являлся приверженцем восточнофинского наречия области Саволакс, на котором говорили в обширных внутренних регионах. Его Готтлунд считал более чистым и подлинным. Будучи представителем романтического национализма, Готтлунд, руководствуясь немецкими образцами, начал масштабную деятельность по сбору финского фольклора, стремясь отыскать в нем душу народа. Фольклористом, издавшим в 1835 г. финский национальный эпос «Калевала», стал Элиас Лённрот, но именно Готтлунд в 1817 г. впервые высказал мысль о возможности превращения древнего устного творчества финского народа в единое литературное целое.

Вполне в духе своего времени Готтлунд выразил эту мечту по-шведски. В Финляндии начала XIX в. более 85% населения говорило на различных финских наречиях, но, несмотря на рост интереса к финскому языку, шведский оставался домашним и рабочим языком административной и академической элиты до 80-х годов XIX в. Это объяснялось наследием просветителей шведского времени. Как ни парадоксально, в XIX в. шведское просветительское наследие в Финляндии укрепилось благодаря выделению государственных средств на развитие университетов и высших школ. Языком преподавания в них, за отсутствием реальной альтернативы, являлся до 70-х годов XIX в. в основном шведский. Лишь незначительная часть шведоязычного населения Финляндии принадлежала к высшим классам. Крестьяне и рыбаки южного и западного побережья продолжали, как и прежде, говорить на своих восточношведских диалектах, а в городах шведский оставался первейшим языком бюргеров, пока преподавание в школах шло по-шведски и торговые связи со Швецией играли ведущую роль.

Таким образом, попытки сформировать национальное самосознание предпринимались кругом деятелей культуры, которые, не обязательно сами активно владея финским языком, преклонялись перед ним, будучи убеждены, что в нем кроется душа народа. Подобная ситуация наблюдалась в других европейских странах —

например, в России и ее прибалтийских губерниях, где элита, общаясь между собой по-немецки или по-французски, заинтересовалась народными языками лишь в эпоху романтического национализма. В Финляндии, впрочем, образованные слои общества в большей степени владели языком народа, потому что зачастую они являлись выходцами из финноязычных областей или сами были финского происхождения. Подобный языковой обмен шел постоянно начиная с XIII в., причем во многих двуязычных регионах Финляндии он нередко шел в противоположном направлении.

Уже в конце XVII в. интерес немецких гуманитариев к народной культуре вдохновлял таких финских ученых, как Портан, но лишь в начале 20-х годов XIX в. в Финляндии стали всерьез осознавать, что язык народа может стать политическим яблоком раздора. Переломным моментом стало вышеупомянутое высказывание Арвидссона в газетах в 1821 г. Подобно студентам, Арвидссон противился превращению русского языка в официальный язык Финляндии. Он полагал, что в соответствии с общественным развитием Европы эту роль на себя должен взять скорее финский язык. За этой мыслью явственно прослеживались гражданские и республиканские идеи, с которыми современники связывали национально-политические движения Центральной Европы. Высказывания Арвидссона были восприняты как критика российских властей и привели не только к увольнению его из университета, но и к эмиграции в Швецию. Отныне за финскими дебатами по национальному вопросу тщательно следили в Санкт-Петербурге. Как уже отмечалось, одним из проявлений усиленного контроля стало перенесение университета в Гельсингфорс.

По этим причинам ведущие представители финского национализма вынуждены были, чтобы иметь возможности самовыражения, избегать любых негативных высказываний о России, одновременно демонстрируя свою верность императору. При этом считалось, что органическую сплоченность нации не только можно, но и нужно подчеркивать, однако первой коллективной добродетелью нации оставались непоколебимая вера в Господа и упование на государя. Границы дозволенного смолodu прививались новому поколению интеллигенции, которая в последующие десятилетия возглавила процесс пробуждения нации. Осенью 1822 г., через несколько месяцев после отстранения Арвидссона от должности, в университет города Або поступили три впоследствии знаменитых деятеля культуры: Элиас Лённрот, Ю.А. Рунеберг и Ю.В. Снельман.

Юхан Людвиг Рунеберг (1804—1877) начал свой путь национально-романтического поэта в 1830 г. Вскоре его стихи оправдали ожидания образованной общественности, которая ратовала за создание поэзии, отражавшей суть финской народной души. В бытность юным студентом в Або Рунеберг не мог не относиться критически к слишком угодливой лояльности по отношению к русским, но как доцент и поэт в Гельсингфорсе 30-х годов XIX в. — к тому же будучи женатым на Фредрике, дочери архиепископа Тенгстрёма, — Рунеберг освоил правила игры. В своей поэме «Стрелки лосей» (*shveg. Elgskyttarne*, 1832) он изобразил суровые, но гармоничные будни крестьянства внутренних областей озерной Финляндии. Классически простой стиль Рунеберга стал непревзойденным отличительным признаком его творчества. Вершиной литературных трудов поэта явилась монументальная поэма «Рассказы прапорщика Столя» (*shveg. Fänrik Ståls sägner*, 1848, 1860), в которой автору удалась трудная задача: воспеть патриотизм и самопожертвование финнов в войне 1808—1809 гг., не задев при этом российских властителей.

В свою очередь Элиас Лённрот (1802—1884) стал великим деятелем финской народной поэзии, издав «Калевалу» (1835, 1849). Вклад Лённрота не ограничивался тем, что он терпеливо записывал древние народные сказания в ходе своих странствий по внутренней Финляндии, а впоследствии их опубликовал. Подобно многим другим национальным эпосам, выходившим в Европе в XIX в., «Калевала» был создан как целостное произведение в большой степени его составителем. В 1831 г. Лённрот принял участие в учреждении Финского литературного общества, со временем ставшего ведущим центром национального пробуждения. В кругах, близких к этому обществу, ожидалось, что финская древность обретет собственное повествование. Таковым явился эпос «Калевала» Лённрота. Надо отметить, что финский язык «Калевалы» отличался такой сложностью, что вплоть до конца XIX в. образованная общественность знакомилась с этим произведением в основном с помощью шведских и немецких переводов.

В конце 40-х годов XIX в. идея о том, что в Финляндии сложилась особая нация, получила определенную поддержку образованного класса страны. В 1832 г. Рунеберг вместе со своими братьями по перу основал газету «Хельсингфорс Моргонблад» (*Helsingfors Morgonblad*, «Гельсингфорсская утренняя газета»), до 40-х годов остававшуюся единственным в стране рупором на-

ционально настроенной интеллигенции. В 30-х годах XIX в. на финском языке стали издаваться две провинциальные газеты, «Оулун Виикко Саномиа» (*Oulun Viikko-Sanomia*, «Еженедельные вести г. Оулу») и «Санансааттая Виипуриста» (*Sanansaattaja Wiipurista*, «Выборгский вестник»). Обе они были закрыты в 1841 г. по причине недостаточного количества подписчиков. Однако в том же году ученый кружок во главе с Лённрутом основал языковедческий журнал «Суоми» (*Suomi*). Шведоязычный журнал «Сайма», основанный Ю.В. Снелльманом в 1844 г., имел совершенно иное общественное значение, популяризуя радикальную языковую программу, которая еще в XX в. оставалась путеводной звездой общественного движения фенноманов*.

Юхан Вильгельм Снелльман (1806—1881) несколько лет прожил в Швеции и в Германии, где он воспринял идею либеральной прессы о связи между национальным вопросом и требованиями гражданского общества всеобщего равенства. Следуя этой идее, Снелльман толковал общественную философию Гегеля как основу для национализма с народными корнями. Естественной почвой для развития государственности могла стать нация, обладавшая языковым единством, то есть народ, говоривший на одном языке. Таким образом, благосостояние государства предполагало сознательные усилия по созданию национальной культуры, которая открыла бы каналы влияния народа. Снелльман видел проблему в том, что в Финляндии не существовало литературы на финском языке, способной стать оплотом высокой национальной культуры и общественного сознания. Когда Снелльман принялся издавать журнал «Сайма», он занимал всего лишь должность директора школы в маленьком городке Куопио в озерной части Финляндии, но выдвинутый им радикальный лозунг «Один народ — один язык» казался настолько революционным, что публикации в «Сайме» тут же вызвали живейшие дебаты в столичной прессе, побуждая единомышленников формулировать свои позиции.

Большинство участников дебатов признавали правоту Снелльмана, считая, что переход общественной жизни страны на финский язык желателен и необходим в будущем. Однако многие критиковали нетерпеливого Снелльмана за стремление перевести

* Фенноманы — финское национальное движение, представители которого выступали за уравнивание финского языка со шведским и развитие национальной культуры. С 60-х годов XIX в. движение приняло политический характер, выдвигав программу борьбы за реальную автономию страны. — *Примеч. ред.*

систему высшего образования на финский язык. Они недоумевали, почему Снелльман сгоряча пытается объявить шведоязычную литературу и образование страны «ненациональными». Разве можно заявлять, что поэзия Рунеберга не принадлежит к национальной литературе Финляндии? Все эти дебаты велись на шведском языке, что было вполне в духе того времени. Несмотря на свои радикальные требования в области языковой политики, сам Снелльман так до конца жизни и не научился писать свои статьи по-фински. В реальности финский язык начал активно использоваться в общественных дискуссиях лишь в конце 70-х годов XIX в.

Тем не менее современники Снелльмана прекрасно осознавали революционную сущность его идей. В конце зимы 1844/45 г. в газетах были опубликованы сообщения о студенческой вечеринке в столице, где некоторые из почетных гостей во главе с Оттелином, епископом Боргоским, произносили длинные праздничные речи на финском языке. Это событие вызвало большой энтузиазм. О нем с удовлетворением писал в «Сайме» Снелльман — впрочем, не преминув подчеркнуть комизм ситуации. Непосвященный иностранец вряд ли смог бы понять, почему так примечательно то, что финский епископ публично говорит по-фински.

Накануне Крымской войны

В глазах властей инициативы Снелльмана были весьма примечательными. В конце осени 1846 г. журнал «Сайма» был закрыт по причине пагубного влияния, которое он оказывал на юношество. Постоянно действовала газетная цензура. Чем сильнее становилось политическое брожение в Центральной Европе второй половины 40-х годов XIX в., тем больше ужесточали Сенат и генерал-губернатор слежку за студентами, которые были знакомы с иностранными идеологическими течениями и политическими дебатами. Важную роль здесь играла Швеция: финские политические диссиденты обычно переезжали в свое прежнее отечество, продолжая публиковать там дискуссионные статьи, которые затем нелегально распространялись в Финляндии.

Самая известная из этих диссидентских дискуссий имела место в 1838—1843 гг., в ходе которой обсуждалось государственно-правовое положение Финляндии в составе Российской империи. Иные (например, Исраэль Вассер) считали Боргоский сейм 1809 г.

ни много ни мало пактом о российско-финской государственной унии. Другие (в частности, А.И. Арвидссон) резко им возражали. Хотя в те годы подобные аргументы не могли быть широко обнародованы в Финляндии, они не были забыты. Двадцать лет спустя они явились отправной точкой в новой государственно-правовой полемике в стране. Не менее важным для развития финского самосознания стало то, что война 1808 — 1809 гг. превратилась в конце 30-х годов XIX столетия в тему многочисленных шведских мемуаров и исторических трудов. Эта литература широко распространилась в Финляндии, подготовив почву для военного эпоса Рунеберга «Рассказы прапорщика Столя». Первая часть этой поэмы вышла накануне Рождества 1848 г., тут же завоевав огромную популярность.

В дальнейшем эпос Рунеберга стали считать литературной основой финского патриотизма, причем не только благодаря тому, что в нем эффектно описывалась героическая стойкость финского народа. Своим успехом поэма была обязана также тому, что она воспринималась как удачный ответ на требования Снелльмана создать более национальную и народную литературу, при этом не будучи слишком радикальной в глазах осторожной чиновничьей верхушки страны. Искусство Рунеберга балансировать на грани дозволенного наиболее явственно прослеживается в открывающем поэму стихотворении «Наш край». Уже весной 1848 г. это стихотворение было представлено как новый гимн страны на студенческом празднике.

Эти стихи положил на музыку немецкий композитор Фредрик Пасиус, который жил и работал в Финляндии. Музыка гимна отличалась модным в те годы романтическим настроением. Надо отметить, что Рунеберг написал «Наш край» в 1846 г., когда требования Снелльмана о гражданском патриотизме еще могли быть высказаны в печати. Этим объясняется то, что поэт постоянно упоминает народное единство, а также рисует в финальной строфе картину отечества, достигшего процветания, «страхнув позор оков»*. Некоторые исследователи, указывая на отсутствие в стихотворении революционных формулировок, делают вывод о том, что Рунебергом руководили реакционные мотивы. Но зачем было поэту задумывать песню, которую по политическим причинам было бы невозможно исполнять?

Когда власти весной 1848 г. сознательно побуждали студентов петь «Наш край», они не вдумывались в нюансы текста Рунебер-

* Перев. А. Блока. — *Примеч. пер.*

га. Их целью было помешать студентам исполнять «Марсельезу», а также другие песни открыто революционного и политического содержания. На исходе зимы 1847/48 г. общественные волнения в Центральной Европе переросли в волну настоящих революций, поколебав до основания политический порядок, созданный на Венском конгрессе 1815 г., — порядок, в конечном счете защищавшийся самодержавной Россией. Эхо баррикадных боев вскоре достигло Северной Европы: в начале апреля 1848 г. в Швеции состоялся крупный гражданский праздник, на котором Россия открыто была названа последним оплотом консерватизма.

Острые критики попало в точку. Европейские революции в следующем году были подавлены под предводительством Николая I, с 1825 г. державшего Российскую империю в ежовых рукавицах. Отношение Николая к Финляндии не отличалось ни особой симпатией, ни антипатией: верная императору чиновничья элита страны, приняв меры предосторожности, предотвратила возникновение враждебных режиму политических демонстраций. Таково было положение вещей во время польского восстания 1830 г. — и таким же оно оставалось в «безумный год» (1848 — 1849). В 1846 — 1847 гг. были введены новые цензурные предписания, а в 1848 — 1849 гг. опубликованы еще более детальные ограничения деятельности различных общественных организаций. В марте 1850 г. цензура вновь ужесточилась: согласно специальному постановлению, на финском языке дозволялось теперь издавать лишь литературу религиозного и экономического содержания.

Цель последнего ограничения заключалась в том, чтобы не допустить проникновения революционных идей и религиозных ересей в умы крестьянства, быстрый численный прирост которого, наряду с углублением социального неравенства, подготовил почву для распространения религиозных движений с политическим подтекстом. Одновременно взор властей все чаще направлялся на студенчество. В 1849 г. студенты продемонстрировали недовольство назначенным из политических соображений университетским чиновником, а также планами России использовать Финский гвардейский батальон для подавления восстания в Венгрии.

Угроза монарха о реорганизации всех университетов империи в высшие ремесленные училища вскоре рассеялась, но в 1852 г. университет Гельсингфорса, наряду со многими другими высшими учебными заведениями, получил новый устав, в определенной степени отражавший такую реорганизацию: в обучение ввели две

специализации — гуманитарную и естественно-научную. Благодаря реформе научный уровень преподавания повысился, но при этом интерес студентов к политике не уменьшился — а ведь это и было первейшей задачей реформы.

Как и прежде, на Финляндии отражались, хоть и с некоторым запозданием, политические и идеологические катаклизмы держав Центральной Европы, а также меры, которые вследствие этого принимал император в Санкт-Петербурге, предугадывая ответные ходы своих европейских противников. По той же схеме развивались события во время Крымской войны 1853 — 1856 гг. Война разразилась из-за борьбы России с Османской империей за господство на Босфоре — а значит, и на всем Восточном Средиземноморье. В масштабную войну конфликт европейских держав перерос в 1853 г., после того как русские войска заняли османские территории на юге Балкан, а турецкая эскадра была потоплена в сражении на Черном море. Турецким силам оказывали поддержку Великобритания и Франция, объявив в марте 1854 г. войну России, чтобы ослабить ее главенствующее положение в большой европейской политике. К тому же англичане опасались, что успехи российского флота в Восточном Средиземноморье могут в перспективе угрожать *Pax Britannica**, доминирующему статусу англичан на мировых морях и в мировой торговле.

Решение западных держав нанести удар по России, в частности, с Балтийского моря было продиктовано теми же соображениями, которыми когда-то руководствовались шведы в своих наступательных войнах на Востоке. Война на два фронта принудила Россию разделить свои силы, тем самым увеличив шанс ее противников на победу. Предвидя это, российское военное командование начало весной 1854 г. крупную реорганизацию морской обороны Санкт-Петербурга. Укреплены были, в частности, приморские крепости на южном и западном побережье Финляндии. Численность русских войск на суше возросла в Финляндии почти до 70 тыс. человек. Как и предполагалось, летом 1854 г. флот западных держав атаковал ряд финских портовых городов и полностью разрушил крепость Бомарсунд на Аландских островах.

В этой ситуации опасения русских касательно финского сепаратизма оказались совершенно беспочвенными. Российский император был до некоторой степени прав, истолковав пассивное пособи-

* Британскому миру (лат.). — Примеч. пер.

чество Швеции западным державам как стремление вновь отвоевать Финляндию у России. Однако планы шведов в конце концов развеялись за недостатком гарантий долгосрочной поддержки западных держав. Лояльность в Финляндии укрепилась не только потому, что финны были раздосадованы ударом, нанесенным по их побережью западными союзниками. Союзная эскадра почти полностью парализовала финское мореходство, вызвав большие экономические потери во внешней торговле прибрежных городов. Описывая ход военных действий, финские газеты последовательно поддерживали Россию, что, однако, не мешало финским либеральным кругам все более критически высказываться о ней в кулуарах.

В то время исход войны уже был предрешен. Летом 1855 г. западные державы перешли в наступление как в Финском заливе, так и на Черном море. С 9 по 11 августа соединенная эскадра союзников 46 часов подряд бомбила крепость Свеаборг. Их пушки имели вдвое большую дальность, чем российские, и потому союзники могли хладнокровно обстреливать крепость снарядами и зажигательными ракетами. Телеграф, великое изобретение эпохи, обеспечивал союзникам возможность оперативно сообщать в газетах о ходе бомбардировок. В связи с этим Финляндия впервые в истории стала центром внимания международной прессы. Дело в том, что эти события можно было использовать в пропагандистских целях: союзная эскадра нарочно избегала бомбить Гельсингфорс.

Жители города имели возможность наблюдать зловещий фейерверк с побережья парка Бруннsparken (Кайвопуйсто). По завершении операции западный флот снялся с якоря, не предприняв ни одной значительной вылазки на суше. Основная цель была достигнута: Россия потеряла престиж.

Несколькими неделями позже соединенные силы западных держав заняли главное место действия войны — русскую крепость Севастополь на Крымском полуострове. Таким образом война завершилась. В марте 1856 г. был заключен мир, по которому Россия отказывалась от своих морских баз на Черном море и на Аландских островах. Этот договор ознаменовал собой окончание периода русского доминирования в европейской политике. Переломный характер момента усиливался тем фактом, что «жандарм Европы» император Николай I в разгар войны скончался. Николая сменил его сын Александр II, в правление которого (1855—1881) в России были проведены масштабные общественные реформы.

6. Крепнущая автономия

Поражение России в Крымской войне стало переломным моментом в истории Финляндии. Начиная с 1863 г. по разрешению императора вновь стал регулярно созываться сейм. В последующие четыре десятилетия в стране сформировалась политическая арена, со своими партиями и дебатами. Последние касались в основном языкового вопроса, модернизации общества, а также правового положения Финляндии в составе империи. Общественные реформы способствовали экономическому приросту и ускоренной индустриализации, которая, в свою очередь, увеличила степень географической и социальной мобильности населения. Одновременно в Финляндии происходило формирование гражданского общества. Это укрепляло представление о стране как об автономном государстве внутри Российской империи. В 1899—1917 гг. между центральной администрацией и Финляндией шла длительная государственно-правовая борьба, предметом которой были права и обязанности страны по отношению к Российскому государству. В конце осени 1917 г. эта борьба резко оборвалась: сразу же после Октябрьской революции в России финский Сенат принял решение об объявлении независимости страны.

Возрождение сейма

Несмотря на то что многие реформы Александра II диктовались необходимостью как-то уравновесить поражение России в Крымской войне, общие последствия этих реформ были весьма сущест-

венными. Важнейшей реформой явилась, без сомнения, модернизация армии, которая одновременно сделала центральную администрацию более эффективной. Однако большее внимание общественности вызвали отмена в 1861 г. крепостного права и введение земских учреждений — формы местного самоуправления, которая, при всех своих недостатках, стала важной платформой для выражения воли граждан. Когда-то наставником нового императора был Сперанский, известный расположением к Великому княжеству Финляндскому. Сперанский убеждал своего подопечного, что империей невозможно управлять, не создав упорядоченной администрации. Несмотря на это, Александр II не собирался ограничивать собственную власть. Он решительно противился всем предложениям о российском народном представительстве, осуществляя реформы с помощью послушных ему чиновников, которые во второй половине XIX в. превратили Россию из деспотической автократии в автократию бюрократическую.

Во многих аспектах Финляндия составляла исключение. Во время Крымской войны как бюрократическая верхушка страны, так и ее народ продемонстрировали верность императору. Благодаря этому Александр в 1856 г. согласился утвердить особую программу реформ для Великого княжества. Программа включала пять задач: развитие торговли и судоходства, развитие промышленных отраслей, расширение сети школ в деревне, совершенствование коммуникаций, а также повышение жалования чиновникам. Однако претворение в жизнь столь обширной программы предполагало обновление законодательства и ассигнований. По действующим еще со шведской эпохи законам XVIII столетия все это было почти невозможно осуществить без созыва сейма.

Александр II предпочел бы бюрократическое решение, но, после того как аналогичная программа реформ в Польше привела весной 1863 г. к настоящему восстанию, император счел необходимым пойти навстречу финнам во избежание подобных беспорядков в Финляндии. Более свободная общественная атмосфера расчистила дорогу либеральной финской прессе, которая подчеркивала государственно-правовую автономию Финляндии, предлагая Великому княжеству занять нейтральную позицию в польском вопросе. Эта инициатива была верно истолкована западноевропейскими газетами как проявление зарождающегося скандинавизма и прозападных настроений в Финляндии. В противовес жестоким

мерам в Польше император решил на примере Финляндии продемонстрировать миру русский либерализм, разрешив осенью 1863 г. созыв сейма — впервые за 54 года.

Положение сильно напоминало ситуацию 1809 — 1812 гг., когда Россия вследствие международной политической напряженности была готова согласиться на сепаратные решения в только что завоеванной ею Финляндии. На торжественном открытии сейма в сентябре 1863 г. император пообещал, что отныне сословия будут регулярно созываться для решения вопросов внутреннего налогообложения, а также получают большую маневренность во всех конституционных делах. Одновременно государь обещал пересмотреть основные законы Великого княжества, сохранившиеся со шведского времени. Однако вскоре планы реформ рассеялись: в реальности император противился коренному перераспределению власти. Единственным исключением в этой сфере стало принятие в 1869 г. Сеймового устава — документа, сменившего шведский закон 1617 г. Теперь сейм должен был собираться не реже чем раз в пять лет. С 1882 г. сейм созывался практически каждый третий год.

Попытка отменить средневековое разделение на сословия не удалась. Система отдельных собраний дворянства, духовенства, бюргерства и крестьянства оставалась в силе до реформы сейма 1906 г., когда Финляндия в течение всего лишь одной ночи обрела самое прогрессивное народное представительство в Европе. Согласно положениям Сеймового устава различные сословия действительно должны были представлять весь народ, но контраст между ними был велик — например, по сравнению со Швецией, где в 1866 г. ввели двухпалатный риксдаг, представлявший значительно более широкие слои населения. Вплоть до начала XX в. правом голоса на выборах в сейм обладали лишь самые состоятельные представители сельского населения Финляндии (4,5%). Впрочем, в последующие десятилетия право голоса расширилось, в частности, для бюргерского сословия, что вкупе с другими общественными реформами постепенно привело к разрушению финской сословной системы. Важнейшими из этих реформ были местные законы 1865 и 1873 гг., заметно увеличившие возможность для населения влиять на решения администрации как в городах, так и в сельской местности.

Целью российских реформ являлось укрепление связи Финляндии с Россией. При этом император всегда мог самовластно

решать, какие реформы проводить в жизнь с помощью указов, а какие законопроекты отдавать на рассмотрение сейма. Однако в Финляндии было сильно убеждение, что монарх подчиняется основным законам шведского времени, и финны, таким образом, исходили из того, что император всегда должен просить одобрения сейма в таких вопросах, как принятие конституции, налогообложение и денежная политика. Если хотя бы три из четырех сословий поддерживали некий законопроект, то он передавался на рассмотрение императора, который утверждал его — если на то была его добрая воля.

В других частях Российского государства подобной процедуры не существовало, и потому каждый новый закон, который принимался лишь для Великого княжества, являлся проявлением признания особого положения Финляндии. Это углубляло невидимую пропасть, всегда существовавшую между империей и Великим княжеством. Примером стала в конце 70-х годов общегосударственная реформа воинской повинности. В Финляндии ее приняли в 1878 г., причем сейм издал особый финский закон о воинской повинности. Форма одежды, калибр оружия и язык командования были едиными во всей империи. Однако как командный, так и личный состав финских военных формирований набирался исключительно из финских граждан. Кроме того, эти подразделения не могли перемещаться за пределы Финляндии — особый статус, который вскоре вызвал критику русских националистов. Надо отметить, что единственным звеном, связывавшим эти подразделения с Россией, был генерал-губернатор, исполнявший обязанности главнокомандующего как в финской армии, так и во всем военном округе страны.

Больше всего на развитие финского сепаратизма повлияли денежные реформы 1865 и 1877 гг. В результате реформ Великое княжество получило собственные денежные единицы — финскую марку и пенни, основанные на серебряном денежном стандарте и защищенные новым таможенным законодательством. Эти перемены, как и многие другие сепаратные решения, осуществились благодаря компетентной подготовительной работе, сделанной статс-секретарем Великого княжества Александром Армфельтом. При поддержке министра финансов фон Рейтерна Армфельту удалось убедить как императора, так и генерал-губернатора в том, что данная реформа благоприятна для российской

экономики, страдавшей от инфляции. Неизвестно, возымела ли реформа желаемый эффект в этой сфере, но ясно то, что она постепенно упростила финский экспорт в западные страны — особенно после того, как финская марка в 1877 г. была привязана к золотому денежному стандарту и французскому золотому франку.

Национальная и глобальная политика

В 1863 — 1906 гг. финский сословный сейм принял в общей сложности около 400 законов. Большинство из них подготовило почву для формирования гражданского общества и развития капитализма. В ходе разработки реформ сформировались две конкурирующие политические группировки — фенноманы и либералы. Их ведущие представители поочередно задавали тон в Сенате. Основу движения фенноманов составляли прежде всего крестьянское сословие и духовенство. Либералы, в свою очередь, опирались на дворянство и бюргерство. Сословия принимали решения независимо друг от друга, и поэтому внутри обеих группировок часто имели место разногласия. Взгляды отдельных сословий на многие основные вопросы определялись узкими групповыми интересами.

Взявший на себя роль лидера фенноманов Ю.В. Снельман, после Крымской войны назначенный профессором философии, в 1863 — 1868 гг. занимал пост вице-председателя Сената. Теперь Снельман выражал очевидную лояльность императору, а взамен получал от российских властей поддержку своей программы перехода общества на финский язык. Русские не верили в то, что финский язык когда-либо сможет развиваться до уровня государственного, но они опасались, что главенствующее положение шведского языка в общественной жизни страны делает ее восприимчивой к вредным политическим идеям из Швеции. Таким образом, поддержка русскими властями движения фенноманов, порой носившая активный характер, была следствием первичной цели — заменить шведский язык русским, сделав последний языком финского общества. Во время инспекции российских войск в Финляндии летом 1863 г. Александра II принимала делегация во главе со Снельманом. От императора последний получил одобрение своего Положения о языках, согласно которому финский

язык после 20-летнего переходного периода становился равноправным административным языком.

Эта реформа вновь сделала языковой вопрос политическим яблоком раздора, дав жизнь оформленному фенноманскому движению под лозунгом «Одна нация — один язык». Фенноманы стремились к полному переводу общественной жизни Финляндии на финский язык. Либералы считали подобные меры необоснованными и даже опасными — с учетом положения шведского языка как символа западноевропейского культурного наследия и залога контактов со Скандинавией. Важно отметить, что обеими группировками двигали патриотические и национальные мотивы. Обе группировки спорили о том, что именно было бы наиболее благоприятно для Финляндии, то есть о том, как избежать поглощения страны Российским государством и русской культурой.

Во многих странах Европы XIX в. националисты являлись убежденными либералами, считая, что политическая эмансипация ведет к эмансипации народной. В Финляндии дело обстояло сложнее, так как нерегламентированная политическая эмансипация могла сблизить страну со Швецией, чего не желали ни фенноманы, ни российская администрация. Поэтому финский национализм в той форме, которую представляли фенноманы, отличался ярко выраженной лояльностью по отношению к государству и к власти вообще. В той форме, которую олицетворяли либералы, финский национализм отличался верой в подлинную силу закона — ведь именно закон воспринимался как наилучшая гарантия предотвращения чрезмерной русификации.

В результате этих разногласий возникли противоположные друг другу концепции истории Финляндии и ее государственно-правовых отношений с Россией. Обе группировки считали, что Финляндия к началу 60-х годов XIX в. развилась до уровня государства, но, согласно взглядам фенноманов, этот факт коренился прежде всего в том, что национальное самосознание финского народа получило возможность расцвести в период российского владычества. По мнению профессора истории Ирjö Коскинена, ставшего в 70-х годах XIX в. новым лидером фенноманов, а впоследствии также сенатором, шведская эпоха принесла финскому народу продолжительное угнетение и дискриминацию. В таком духе историки-фенноманы принялись описывать всю историю Финляндии. Тогда же, в 70-х годах, националистически настроенная пресса во главе с газетой «Ууси

Суометар» заложила основы общегосударственной финноязычной общественности.

В противоположность фенноманам, либералы обратились к концепции деятеля 30-х годов Исроэля Вассера, согласно которой Боргоский сейм 1809 г. был декларацией государственной унии. Либералы подчеркивали значение шведских законов XVIII в. и вообще шведского наследия в Финляндии. Глашатаями либеральных идей стали журналист Аугуст Шауман и профессор государственного права Лео Мехелин, неоднократно занимавший пост сенатора. Шауман, возглавлявший либеральную фалангу еще во время Крымской войны, энергично распространял через газеты «Хельсингфорс Дагблад» (*Helsingfors Dagblad*, «Гельсингфорсская ежедневная газета») и «Хуфвудстадсбладет» (*Hufvudstadsbladet*, «Вестник столицы») идею о том, что Финляндия соединена с Россией лишь посредством личной унии с императором. Эту же мысль выдвигал Мехелин в своей французской обзорной статье 1886 г., посвященной форме правления и администрации Великого княжества. Статья вскоре вышла в русском переводе, с критическими комментариями. Так было положено начало финляндско-российскому расколу, который в 1899 г. перерос в открытый конфликт и в дальнейшем влиял на политическую жизнь Финляндии — вплоть до 1917 г.

Наступление движения фенноманов на общественной арене вызвало внутриполитические цепные реакции. В 70-х годах XIX в. ряд открыто прошведски настроенных ученых, так называемых шведоманов, потребовал более энергичных мер по поддержке и сохранению шведского языка в общественной жизни. Наиболее радикальные шведоманы утверждали, что шведоязычные слои населения страны составляют особую нацию, но большинство шведоманов склонны были воспринимать шведский язык как элемент сохранения культуры. В 80-х годах XIX в. либералам не удалось сплотиться в партию, нейтральную в языковом отношении, но теперь многие из них объединились со шведоманами в шведскую партию, основу которой составило дворянство и бюргерство. В свою очередь в среде фенноманов в 80-х годах выделилась группа молодежи под руководством лидера студенческого движения Лаури Кивеяса, требовавшего более решительных мер по претворению в жизнь программы перехода общества на финский язык. В 90-х годах XIX в. возникли две политические группировки, младофинны и социалис-

ты, в дальнейшем игравшие центральную роль на политической арене.

В конечном счете актуальную политическую ситуацию определяло отношение российских императоров к Великому княжеству. Александр II строил свою бюрократическую автократию с помощью все более профессиональных советников, отвечавших за функционирование империи в целом. Поэтому он склонялся к единообразным решениям. После убийства Александра II русскими экстремистами в 1881 г. политика интеграции постепенно усилилась. Сын покойного Александр III решил ужесточить внутривластный контроль. В то же время Россия сталкивалась с растущими проблемами во внешней политике. Объединение Германии в 1871 г. происходило при поддержке России, но после распада германско-российского альянса в 80-х годах возникла угроза войны между странами. В результате Санкт-Петербург из-за своего географического положения казался все более уязвимым, а роль Финляндии как военной буферной зоны возрастала.

К тому же Россия, подобно другим европейским великим державам, превратилась в период с 1870 по 1910 г. в империю, интересы которой простирались далеко за пределы Европы. Колонии западных держав росли, в первую очередь в Африке и в Юго-Восточной Азии. Россия же, завершив покорение Сибири, составила в 90-х годах конкуренцию западным странам в вопросе контроля над Китаем. Важной предпосылкой международной гонки колониальных завоеваний стал ряд технических изобретений: железная дорога, телеграф и электричество. В сочетании с возросшей боеспособностью европейских военно-морских и сухопутных сил эти новации давали колонизаторам такой перевес, что у коренного населения не было шансов им противостоять. Существовали также подспудные движущие силы неевропейского характера. Соединенные Штаты Америки и Япония всерьез соперничали со странами Европы. Поднимала голову ответная политическая оппозиция в колониях, что требовало от колонизаторов усиления военного присутствия и повышения боеготовности.

С учетом таких сдвигов в большой политике терпимость российской администрации в отношении сепаратных решений для Финляндии не могла не уменьшиться — тем более что славянофильские газеты в России все более громогласно обвиняли

Финляндию в осознанном сепаратизме. Отрицать последнее было трудно: это становилось очевидно всякому, кто знал политическую элиту страны и ее гражданское общество. Понимал это и Александр III. В своем заверении правителя он обещал сохранить прежние основные законы в Финляндии, но мысль о том, что ее жители стали воспринимать свою страну как отдельное государство, ему претила. В 1889 г. финский Сенат выступил с рядом сепаратных предложений для Финляндии в дополнение ко всероссийскому указу о таможенных. Император саркастически осведомился, не принадлежит ли Россия Финляндии — или все-таки наоборот. Годом позже была упразднена собственная почта Финляндии. В то же время началась подготовка к интеграции финской армии в вооруженные силы империи.

Зарождение индустриализации

Важным орудием российской политики интеграции стали железные дороги. В России они имели решающее значение — из-за огромных размеров государства. В Финляндии сеть железных дорог начала создаваться в конце 50-х годов XIX столетия. В 1870 г. была введена в эксплуатацию железная дорога, связавшая Санкт-Петербург с Гельсингфорсом. Это обеспечило быстрый подъем торговли и стимулировало экономическое развитие Финляндии. Из-за высоких инвестиционных затрат другие прибрежные финские города до 80-х годов XIX в. обходились без железнодорожных коммуникаций. В начале 90-х годов стало возможно доехать поездом из Улеоборга (Оулу), находящегося на севере Финляндии, до Одессы, расположенной на берегу Черного моря. Ширина колеи железных дорог была единой во всей Российской империи — для обеспечения возможности крупной переброски войск. Поэтому железнодорожные узлы становились одновременно важными гарнизонными пунктами.

Строительство железных дорог происходило в период, когда на Северную Европу обрушился ряд неурожаев, унесших лишь в одной Финляндии более 100 тыс. человеческих жизней. В Финляндии катастрофа произошла из-за того, что Сенат, несмотря на три неурожайных года (1862, 1865 и 1867), слишком поздно отказался от традиционной денежной политики, медля с принятием

решения о финансировании импорта зерна. Импорт дешевого зерна из России усыплял бдительность как финской администрации, так и населения, создавая ложное чувство уверенности в завтрашнем дне. Этот фасад рухнул, когда неурожайные годы следовали один за другим, а местным получателям кредитов стало все труднее выплачивать ссуды. Положение еще более усугубилось, когда по всей Европе резко поднялись цены на зерно, причем в 1867 г. зима вновь наступила рано. Голодающие толпами отправлялись нищенствовать, странствуя по стране, но продовольствия не хватало везде, и поэтому надежды на помощь почти не было. Массовые миграции жителей способствовали распространению эпидемий, из-за которых истощенное голодом население вымирало.

Неурожайные годы, 1867-й и 1868-й, обнажили проблемы инфраструктуры деревни. В 70-х годах, когда страна медленно приходила в себя, в сельском хозяйстве Финляндии произошел заметный сдвиг: от выращивания зерновых все чаще отказывались в пользу производства продуктов животного происхождения. В Восточной Финляндии эти изменения начались еще до неурожайных лет — прежде всего, благодаря постоянно улучшающейся сети железных дорог, которые гарантировали поставки зерна в Финляндию из житниц Южной России и Украины, одновременно делая выгодным экспорт мясных и молочных продуктов как в Санкт-Петербург, так и в отдаленные регионы Финляндии. Эти перемены заметно усилили рыночную ориентацию сельского хозяйства и сознательное отношение производителей к финансовой стороне дела. Пахотная земля все чаще использовалась для выращивания кормовых культур, а на рубеже веков, то есть около 1900 г., возникла постоянная сеть механизированных молокозаводов, владельцами которых являлись в основном крестьянские кооперативы.

В 1870—1914 гг. радикально возросло значение лесной промышленности. Объем продукции лесопильной индустрии и ее рентабельность увеличивались по мере развития в Центральной Европе строительной отрасли, экспансия которой была сильнее всего в 70-х и 90-х годах XIX в., а также в первое десятилетие XX в. Важнейшей новинкой лесной промышленности стали паровые лесопилки. При их использовании инвестиционные затраты были относительно низки. К тому же такие лесопилки можно было строить где угодно — на побережье или в любом

другом подходящем в плане инфраструктуры месте. Паровая машина как таковая не являлась новым изобретением, но власти, опасаясь лесоистребления, вплоть до 1857 г. запрещали ее применение в лесной промышленности. Изменению курса в этой сфере способствовала не только общая либерализация экономики Финляндии, но также и осознание того, что в противном случае конкуренты получают преимущество: в 1848 г. запрет на использование пара в лесной индустрии был отменен в Швеции, а в 1860 г. — в Норвегии.

Свыше половины доходов от растущего экспорта древесины приходилось на владельцев лесов — в большинстве своем крестьян. Приток капитала облегчил переход сельского хозяйства к производству продуктов животного происхождения, а также механизацию сельского хозяйства. Развитие денежных отношений в деревне стимулировало спрос на потребительские товары и обеспечивало крестьянам возможность давать своим детям более профессиональное образование. В этот период в лесной промышленности Финляндии появилось немало крупных магнатов, которые за бесценок скупали лес у крестьян, с тем чтобы потом обрабатывать его на собственных лесопилках и отправлять на экспорт. Однако в Финляндии это явление было менее распространено, чем, например, в Швеции или Норвегии.

Потребление древесного сырья возрастало также из-за того, что в 60-х и 70-х годах XIX в. появилась новая техника, позволяющая превращать древесину в бумагу в промышленных объемах. Теперь лес сплавлялся через систему внутренних озер, которыми так богата Финляндия. Поэтому фабрики строились вблизи водных и железнодорожных путей. При этом находила применение гидроэнергия, с помощью которой древесину превращали в сырье для бумажной массы. Сырье отваривали в сульфите, а начиная с 80-х годов — в сульфате. Для улучшения качества бумаги в эту массу добавляли также ряд химических. Затем массу закачивали в огромные бумагоделательные машины, которые ее спрессовывали, высушивали, а при необходимости также каландрировали (то есть делали глянцевой), превращая в бумагу. Эти изобретения оказали революционное воздействие на экономику Финляндии: ведь важнейшим в стране сырьем был и остается лес. После непродолжительного экспериментального периода в первой половине 70-х годов XIX столетия в различных областях страны было основано целых семь бумагоделательных фабрик. Благодаря

хорошему железнодорожному сообщению они тут же завоевали выгодные рынки сбыта в России.

В 1859 г. бумажная промышленность Финляндии была освобождена от российских таможенных пошлин. Но даже после отмены этой льготы в 1885 г. отрасль уверенно удерживала свои позиции на российском рынке. Причина очевидна: импорт бумаги из других стран облагался значительно более высокими таможенными пошлинами. Вплоть до Первой мировой войны 95% бумаги, импортировавшейся в Россию, производилось в Финляндии. Были и другие причины. Качеством финская бумага превосходила российскую, что гарантировало спрос на рынках России. Это также стимулировало финских производителей к созданию картелей, чтобы поддерживать высокие цены. Еще в начале первого десятилетия XX в. 25% всей бумаги, потреблявшейся в России, производилось в Финляндии.

Отмена российских таможенных льгот в 1885 г. не стала роковой для финской индустрии. В то же время она заставила производителей бумаги активно искать новые рынки сбыта на Западе. Их усилия увенчались успехом: к началу XX в. более 30% финской бумажной продукции вывозилось в Центральную и Западную Европу. В последующее десятилетие эта цифра возросла до 40%, но, когда разразилась Первая мировая война и экспорт на Запад прекратился, российский рынок сбыта вновь занял ведущее положение в экономике Финляндии. Львиную долю западного экспорта страны (80%) составляли продукты целлюлозно-бумажной промышленности, в то время как почти весь экспорт Финляндии в Россию (90%) состоял из высококачественной бумаги.

Бумажная промышленность требовала значительно больших капиталовложений, чем лесная. К концу XIX в. капитал все больше определялся отечественными промышленными банками. До 80-х годов лидирующее положение занимали основанный в 1862 г. Объединенный банк Финляндии и Скандинавский акционерный банк, созданный в 1873 г. В 1889 г. группа фенномански настроенных предпринимателей основала банк *Kansallis-Osake-Pankki*. Он составил конкуренцию старым банкам в соперничестве за выгодных клиентов. Другой значительной категорией кредиторов стали местные сберегательные банки, которые обслуживали преимущественно частные домашние хозяйства и мелкую промышленность.

Несмотря на то что наиболее быстро развивавшейся отраслью того времени была бумажная промышленность, к началу Первой мировой войны более половины стоимости внешней торговли Финляндии приходилось на лесопильную и деревообрабатывающую индустрию. Продукция бумажной промышленности обеспечивала чуть менее пятой части доходов от экспорта страны. При этом почти такой же доход в экспорте составляли продукты животноводства, главным из которых было сливочное масло (14%). Благодаря хорошему пароходному сообщению финское масло завоевало обширный рынок в Великобритании. В 1913 г. объем экспорта Финляндии на Британские острова фактически почти равнялся общему объему продажи финских товаров в Россию. В импорте Финляндии главенствующую роль играла Германия. Немецкие товары составляли более 40% финского импорта. Ввозились прежде всего зерно, продукция металлургии, машины, но по мере роста уровня жизни в Финляндии появился большой спрос также на различные потребительские товары немецкого производства.

Зарождение индустриализации и улучшение коммуникаций создали прекрасные условия также для внутренней коммерции, которая перемещалась с рыночных площадей в лавки колониальных товаров и специализированные магазины. Такому развитию событий существенно способствовало появление кооперативных лавок и сетей магазинов, принадлежавших товаропроизводителям. Немалую роль играла эффективно организованная оптовая торговля, которую контролировали состоятельные коммерсанты в крупных населенных пунктах. Теперь, когда насущные нужды населения были удовлетворены, широкие народные массы получили экономическую возможность регулярно баловать себя заграничными изысками — кофе, сахаром, белым хлебом и табаком. В период с 1860 по 1913 г. потребление кофе увеличилось втрое, а сахара — в 9 раз. Это свидетельствует о том, что уже в 90-х годах XIX в. утренний кофе считался необходимостью не только в городе, но и в деревне. Неудивительно, что кофе с булочкой (*финск. pullakahvi*) стал в финской традиции постоянным символом умеренного наслаждения жизнью.

Гражданское общество

Совокупным итогом зарождающейся индустриализации в 1860 – 1913 гг. стало возрастание валового национального продукта страны почти втрое. Этот прирост отнюдь не был равномерно распределен между жителями Финляндии, но он способствовал уменьшению детской смертности и увеличению средней продолжительности жизни. Население Финляндии продолжало расти быстрыми темпами. Наиболее бурный прирост населения, однако, пришелся на самые первые десятилетия XIX в., когда рождаемость достигла пика и число жителей Великого княжества выросло более чем вдвое (с 863 тыс. в 1810 г. до 1 млн 770 тыс. в 1870 г.). В период с 1870 по 1910 г. население увеличивалось примерно на 300 тыс. человек за десятилетие. К началу Первой мировой войны в Финляндии проживало около 3 млн человек. При этом увеличивалось прежде всего финноязычное население страны. Одновременно доля шведоязычного населения сократилась с 14 до 12%, что объяснялось отчасти переходом многих жителей на финский язык, отчасти снижением рождаемости среди шведоязычных. Численность русского гражданского населения оставалась в течение всего XIX в. на очень скромном уровне. В 1900 г. она достигала примерно 6 тыс. человек. В дополнение к этому в Финляндии размещались русские войска численностью от 10 до 20 тыс. человек.

С улучшением коммуникаций и возрастанием потребности индустрии в рабочей силе люди все чаще покидали родные места и переезжали как в финские города, так и в Санкт-Петербург с прилежащими к нему областями. Население города на Неве в 90-х годах XIX в. превысило 1 млн человек. В 1880 – 1910 гг. население Гельсингфорса возросло более чем втрое (с 39 до 127 тыс.), а в Выборге темпы прироста были еще выше — с 11 до 43 тыс. Динамика прироста населения в Выборге, имевшем хорошие связи с восточными районами, была такой же, как в городе на Неве. В Санкт-Петербурге уже с момента его основания существовало финское национальное меньшинство. В конце 70-х годов XIX в. потребность в финской рабочей силе в Санкт-Петербурге ощущалась особенно остро, а количество выходцев из Финляндии в городе (24 тыс.) даже чуть превысило население второго по величине города Або! В те годы во всей Российской империи проживало без

малого 37 тыс. финских граждан, но с началом Первой мировой войны эта цифра уменьшилась почти вдвое.

В период с 1880 по 1910 г. мобильная рабочая сила все чаще перемещалась в финские промышленные центры, и, согласно официальной статистике, доля городского населения в Финляндии возросла с 9 до 15%. Другой почти столь же значительной формой миграции стало переселение в Северную Америку. В течение вышеупомянутого периода из Финляндии в Америку выехало около 280 тыс. человек. Большинство из них было из Эстерботнии — области, славившейся своими мореходными традициями и нередко находившейся в оппозиции к российскому режиму. Там имелся избыток населения. Такие люди и были склонны эмигрировать за океан. Свыше 100 тыс. «американских» эмигрантов впоследствии вернулось в Финляндию. Благодаря этому страна получила значительный «капитал знаний», который положительно сказался как на экономике страны, так и на ее культурной жизни.

В реальности число жителей городов Финляндии в 1910 г. превышало 15% общей численности ее населения, поскольку многие новые промышленные центры и крупные поселки городского типа официально городами не считались. В тот период около 65% жителей занималось сельским хозяйством и лесопользованием. Чуть более 20% населения можно было отнести к городскому рабочему классу. Остальное население состояло преимущественно из городского среднего класса (около 7%) и высших классов (2%). Таким образом, почти треть тогдашнего населения Финляндии можно было классифицировать как горожан.

Возросшее переселение в города требовало серьезных капиталовложений в городские инфраструктуры. Несмотря на то что в Финляндии этот процесс начался позже, чем в Центральной Европе, крупные финские города уже в начале XX в. имели в целом тот же набор удобств, что и большие города Европы. В результате внедрения великих изобретений эпохи — электричества, телефона, двигателя внутреннего сгорания — географические расстояния играли незначительную роль и оказывали все меньшее влияние на развитие общества. Особенно благотворно это внедрение сказывалось на североευропейской периферии, где плотность населения была низкой. Теперь местные власти могли находиться в курсе технических новинок и способов их применения. Писа-

тель Анхель Ганивет, в 1897 — 1898 гг. занимавший должность консула Испании в Гельсингфорсе, оставил несколько метких наблюдений относительно этих быстрых перемен в финском обществе. Свои впечатления о Финляндии он опубликовал в испанской прессе. По свидетельству Ганивета, для Финляндии тех лет был характерен наивный, но деятельный энтузиазм в отношении всевозможных технических новшеств, обусловленный в конечном счете тем, что здешние умы не были отягощены традиционной культурой, противившейся прогрессу.

Важнейшим условием использования и совершенствования новых инфраструктур являлось повышение образовательного уровня. До 60-х годов XIX в. народным образованием ведала церковь. В 1869 г. государственные власти учредили в стране Высшее школьное управление, ставшее орудием создания национально регулируемой школьной системы. Переменам в школьной системе предшествовало принятие в 1866 г. Устава народных школ, который мало-помалу открыл путь к знаниям все большему количеству детей — также в сельской местности. Эти реформы проводились под руководством педагога Уно Сюгнеуса. Энергичные призывы Сюгнеуса к организации начального образования как для мальчиков, так и для девочек долго встречали сопротивление: ведь образование должно было финансироваться за счет сбора местных налогов. Около 1900 г. почти половина деревенских детей посещала так называемую народную (то есть начальную) школу, а в 1921 г. вступил в силу Закон о всеобщем начальном образовании.

Другим звеном в общенародном процессе систематизации образования явилась модернизация по французскому и немецкому образцам училищ, готовивших к поступлению в университет. Классические дисциплины уступили место современным языкам, естественным наукам и практическим предметам. Особое внимание уделялось также национальной истории и родному языку. Уже на ранних этапах финноманы осознали значение училищ и лицеев в деле создания финноязычной общественности. Начиная с 70-х годов финноманы начали основывать частные лицеи, где преподавание активно велось на финском языке. В 80-х годах эти меры принесли первые плоды: выпускники училищ и лицеев становились бакалаврами, приобретая влияние на общественной арене. С 1870 по 1917 г. число студентов университета Гельсингфорса возросло с 700 до 3000 человек.

В сущности, шел процесс профессионального профилирования растущего среднего класса страны, причем доля студентов — выходцев из высших слоев уменьшилась. В то же время столь быстрое увеличение числа лиц, получивших полное среднее образование, объяснялось тем, что высшее образование постепенно стало доступно женщинам. В 60-х годах власти начали учреждать особые школы для девочек, но, поскольку эти школы не давали права на поступление в университет, путь женщин к высшему образованию лежал прежде всего через частные совместные школы для мальчиков и девочек. В Финляндии первой женщиной, сдавшей экзамен, дающий право на поступление в университет, стала Мария Чечулина, дочь преуспевающего русского дельца из Гельсингфорса. В 1870 г. Чечулина по особому распоряжению была допущена к сдаче этого экзамена. Ненамного отстала от нее Эмма Ирене Острём — впоследствии известный педагог. Осенью 1873 г. Острём пополнила ряды студентов Гельсингфорсского университета. До 1901 г. для зачисления в университет женщинам было необходимо получить разрешение самого государства, но эти ограничения вскоре потеряли свое реальное значение, так как женщины уже составляли четверть всех студентов (из 1650 студентов 400 были женщины).

Именно из среды этих образованных людей выдвинулись провозвестники развивающегося гражданского общества. До 60-х годов XIX в. формированию добровольных организаций препятствовали юридические ограничения, вызванные опасениями возможной политической крамолы. Вскоре после отмены запретов возникли и пышным цветом расцвели различные общества — как местные, так и общешинляндские. Несмотря на разницу в целях и задачах, все они наполняли конкретным общественным содержанием идею о Финляндии как особой нации. В это время в Скандинавии и Великобритании уже существовали хорошо организованные, массовые движения, дававшие Финляндии готовые образцы для подражания.

Несомненно, именно фенномания породила общественные движения, пользовавшиеся наибольшей популярностью. Их деятельность была разносторонней и всеобъемлющей. Заметная часть этих инициатив вначале приходилась на общество «Кансанвалистуссеура» («Общество просвещения народа»). Это общество, основанное в 1874 г., положило начало целому ряду просветительских кампаний, публичных лекций и народных празднеств

в различных частях Финляндии. В 80-х годах XIX в. инициативу все чаще перехватывали местные активисты. Руководствуясь иностранными образцами, они принялись создавать добровольные общества, деятельность которых затрагивала все сферы жизни, — общества трезвости, молодежные союзы, организации для борьбы за женскую эмансипацию, спортивные и краеведческие объединения, не говоря уже об организациях, занимавшихся обсуждением наболевших вопросов рабочего класса. В Средней и Северной Финляндии во главе этих обществ вплоть до первой половины XX в. зачастую стояли местные фенноманы. В прибрежных районах, где преобладал шведский язык, а также в промышленных городках инициатива принадлежала скорее, представителям либеральных, шведоманских или социалистических кругов. Однако столь же часто этими обществами руководили просто люди, пользовавшиеся всеобщим уважением, — пламенные сторонники какой-либо идеи, обладавшие к тому же организаторским талантом.

Наиболее революционным следствием деятельности добровольных обществ было то, что они объединили отдельных граждан и группы населения, ранее не общавшиеся между собой на равных. Поскольку этот процесс шел параллельно с развитием школьной системы, деятельность обществ часто принимала форму глобального просветительского проекта, конечной целью которого являлось укрепление чувства социальной общности. Карьера преуспевающего предпринимателя, энергичного учителя начальных школ, самоучки-рабочего была в этот период типичным явлением для деятелей различных добровольных обществ. Всех их объединяла мечта о слиянии местного и общенародного дела. Таким образом, национализм превратился в гражданскую религию.

То же самое происходило в рабочих союзах. Вплоть до конца 90-х годов XIX в. их деятельность сводилась в основном к распространению идей трезвости на христианской и патриотической основе. В результате этого ранней формой рабочего движения было прежде всего движение за трезвый образ жизни. Направленность рабочего движения становилась более радикальной, по мере того как оно ориентировалось на процесс международной классовой борьбы. Несмотря на это, многие ранние патриотические идеалы продолжали упорно жить внутри Социал-демократической партии, основанной в 1903 г., и именно это стало решающим факто-

ром в 1899 — 1905 гг. в деле мобилизации гражданского общества Финляндии на защиту автономии страны внутри Российской империи.

Культурное самоопределение

Главной причиной популярности в различных слоях общества идеи о Финляндии как национальном государстве с собственной исторической орбитой был тот факт, что она выступала в нескольких ипостасях, которые обновлялись и приспосабливались к требованиям времени. Важнейшим популяризатором этой идеи был писатель Сакариас Топелиус. Его стихи, сказки, романы и школьные учебники издавались большими тиражами, и благодаря этому они эффективно распространяли мысль о том, что народ Финляндии представляет собой нацию со своим собственным прошлым и будущим. Самым влиятельным произведением Топелиуса стала, несомненно, книга *Boken om vårt land* («Книга о нашей стране»), написанная в 1875 г. для начальной школы. По этой книге преподавание в начальных школах велось до 30-х годов XX столетия. В целом мировоззрение Топелиуса основывалось на концепциях Рунеберга и Снелльмана, но, будучи разносторонним литератором, Топелиус обладал редкой способностью оживлять и насыщать эти идеи конкретным содержанием, создавая на их основе новые литературные произведения. Большинство его книг было переведено на финский язык, поэтому они получили общенациональное значение.

В то время как Топелиус популяризовал «финскую идею», писатель Алексис Киви выступил родоначальником художественной литературы на финском языке. В 1871 г. он опубликовал роман «Семеро братьев» — одновременно юмористическое и классическое изображение столкновения быта финской деревни с цивилизацией. Книга стала программным произведением и ориентиром для финской прозы XX столетия. Впрочем, современникам Алексиса Киви оказались не по зубам его стиль бурлескной пародии и сочный язык. Широкую известность роман получил лишь в 90-х годах XIX в., когда уже сформировалась финноязычная высокая культура и в сознании народа появилось место для самоиронии. Другим важным элементом культуры финноязычной общественности стали полные жизни драматургические про-

изведения. Успех к национальным пьесам пришел в 80-х годах XIX в. — прежде всего благодаря драмам Минны Кант, вдохновителем которой являлся Ибсен. Деятельность театров сыграла существенную роль в развитии раннего гражданского общества. В 1902 г. Финский национальный театр, сменив несколько временных пристанищ, получил возможность переехать в величественное здание в югендстиле*, расположенное на площади перед столичным вокзалом. Рассказы и романы Кант о социальной неуверенности эмансипированных женщин и среднего класса расчистили путь развивающейся художественной литературе социально-критического направления.

Влияние Скандинавии оставалось важным также в 90-х годах, когда в среде нового поколения патриотически настроенных финноязычных писателей во главе с Юхани Ахо рождалась свежая и прямолинейная проза для газет, литературная критика, а также романы в духе Августа Стриндберга и Георга Брандеса. Не менее важным, но впоследствии забытым фактором влияния были великие представители русской литературы — И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой и А.П. Чехов. Их творчество сказалось прежде всего на произведениях Арвида Ярнефельта и Йозля Лехтонена.

В целом развивающиеся контакты со Скандинавией, с Западной Европой и Россией оставили заметный след в искусстве и культуре Финляндии 90-х годов XIX в. Главными точками проявления этого взаимодействия культур и творческими центрами являлись сообщества скандинавских художников в Берлине и Париже. Именно там часто возникали замыслы и первые версии национальных финских шедевров. В начале 90-х годов XIX в. ведущими направлениями европейской «моды» в искусстве были символизм и национальный романтизм. Неслучайно, что именно в кафе и ресторанах европейских метрополий Ян Сибелиус создавал первые наброски к своим впоследствии всемирно известным композициям на темы эпоса «Калевала».

Вместе с группой талантливых художников Ахо и Сибелиус заложили основу культурного круга младофиннов, которому удалось решить сложную задачу — вдохнуть новую жизнь в национальный эпос «Калевала», сделав его доступным для широкой публики. В то же время их деятельность способствовала тому, что

* Югендстиль — одно из названий стиля модерн, принятое в Германии, странах Балтии, Северной Европе. — *Примеч. ред.*

культурная жизнь Финляндии приобретала современные черты. Эта переориентация не была лишь реакцией на превалировавшие в ту эпоху патриархально-христианские общественные структуры. В большой степени она была направлена против некритичной веры в технический прогресс, возникшей в результате изобретений 80-х годов XIX в. Многие из этих ранних модернистов, будучи также представителями национального романтизма и страстными любителями природы, совершали паломничества в дальние уголки Карелии.

По иронии судьбы эти «карельцы» во многом обязаны своими коммерческими успехами ряду технических новшеств в книгопечатании и сфере перевозок. Книги теперь можно было печатать все большими тиражами и с меньшими денежными затратами, а знаменитые произведения изобразительного искусства отныне стали доступны широким массам населения посредством первоклассных репродукций. Последнее дало совершенно новые возможности для использования исторической и национальной живописи как в народном просвещении, так и в политической агитации. Важным примером этого явления стало роскошное издание «Финляндия в XX веке» (1893), где описывалось превращение Финляндии из «золушки Европы» в одну из наиболее динамично развивающихся наций. Издание было подготовлено группой выдающихся литераторов и художников во главе с Лео Мехелином. Целью книги, безусловно, было подчеркнуть статус Финляндии как автономного государства внутри Российской империи.

Самым блестящим художником, принадлежавшим к вышеупомянутому кругу, являлся Альберт Эдельфельт. Рано завоевав международную известность, Эдельфельт впоследствии иллюстрировал «Рассказы прапорщика Столя» Рунеберга, тем самым закрепив положение этой поэмы как национальной иконы. Последнее обуславливалось не только редкостным талантом Эдельфельта, с огромной исторической и драматической достоверностью изобразившего Финскую войну 1808 — 1809 гг. В момент выхода иллюстрированной им книги Рунеберга вспыхнул давно тлевший конфликт между Финляндией и Россией по поводу конституции, который вскоре принял форму открытых политических раздоров. Таким образом, патриотические произведения Рунеберга, а вместе с ними и иллюстрации Эдельфельта получили совершенно новое, актуальное содержание. Важной параллелью этого явления

стали многочисленные иллюстрации художника Аксели Галлен-Каллела к «Калевале», в которых герои эпоса были изображены значительно более воинственными и дерзкими, чем в работах предыдущих иллюстраторов «Калевалы». На открытии собственного павильона Финляндии во время Всемирной выставки 1900 г. в Париже красочные фрески Галлен-Каллелы на темы «Калевалы» вызвали особый интерес.

После крупных общественных перемен 1899 — 1905 гг., обнаживших, в частности, серьезные внутриполитические конфликты интересов, национальные мотивы в культуре уступили новым темам и направлениям. По мере развития рабочего движения сформировалась пролетарская культура, со своей динамичной прессой и с многогранной просветительской деятельностью. Любительские театральные коллективы и спорт были наиболее привлекательными для юношества ее составляющими. Эти же факторы способствовали увеличению численности членов сельских молодежных союзов, политический характер которых обычно был выраженно буржуазным и патриотическим. Путь просвещения зачастую приводил юношество из молодежных союзов в один из многочисленных народных университетов Финляндии. Эти учебные заведения создавались по датскому образцу, являя собой гражданское продолжение «народных школ».

В начале XX в. путеводной звездой финноязычной литературы страны стал Эйно Лейно. Его энергичная поэзия отталкивалась, с одной стороны, от новой культурной волны, возникшей на почве «Калевалы». С другой стороны, на творчество Лейно повлияли общеевропейский символизм и ницшеанство. Образ сильного, но одинокого сверхчеловека прослеживается также в поэзии современников Лейно — Л. Онервы, Отто Маннинена. В их произведениях отношения поэта с народом и нацией характеризовались явно большей дистанцией, чем в литературе второй половины XIX в. Сходный процесс шел также в шведоязычной литературе Финляндии. По мере того как финский язык занимал доминирующие позиции в общественной жизни страны, а также в результате политических катаклизмов шведоязычная литература страны все глубже погружалась в состояние утонченной хандры. Поэтому возник термин «литература праздных людей». Наиболее выдающейся фигурой в шведской поэзии Финляндии первого десятилетия XX в. была Эдит Сёдергран, представительница

модернизма. В своих стихах, написанных верлибром, поэтесса вообще не касалась общепринятых национальных и исторических мотивов. Буржуазные современники Сёдергран, однако, зачастую предпочитали традиционную поэзию Бертеля Грипенберга, где эти мотивы преобладали.

Наиболее конкретной попыткой национального самоутверждения в культуре Финляндии явилась архитектура югендстиля. Благодаря быстрому экономическому росту 1895—1915 гг. этот стиль оставил заметный след в архитектурном облике. В крупных городах целые районы возводились в югендстиле — с асимметричными архитектурными решениями, строительными материалами и орнаментами, почерпнутыми из финской или скандинавской мифологии, а также из народного творчества. Примечательными административными зданиями, возведенными в то время, были Домский собор в Тампере (1907), а также Национальный музей (1910) и железнодорожный вокзал (1916) в Гельсингфорсе. Все три здания представляют собой примеры целостных произведений строительного искусства, созданных выдающимися архитекторами и художниками своего времени.

Впрочем, несмотря на то что эта архитектура воспринималась как выражение национального духа, она в большой степени была данью международной моде на так называемый модерн, или стиль «ар нуво»*. Руководящей идеей этого стиля повсеместно было возвращение к природным материалам и к «натуральному» строительству. Грубо отесанный гранит для фасадов финские зодчие стали использовать лишь после того, как ознакомились с его применением в архитектуре Шотландии. Как и было типично для той эпохи, лишь за границей они оценили финские средневековые церковные постройки из серого гранита. Надо отметить, что югендстиль сочетался со все более современными инженерно-строительными решениями. За гранитным декором и резьбой по дереву скрывались чугунные и бетонные конструкции. В этом стиле был построен железнодорожный вокзал в Гельсингфорсе. Архитектор Элиель Сааринен придал зданию вокзала строгие пропорции, сочетавшие в себе черты нового классицизма и функционализма.

* Ар нуво — распространенное в некоторых европейских странах и в США название стиля модерн. — *Примеч. ред.*

Противоречия и отделение

Эпоха с 1899 по 1917 г. часто характеризуется в национальной историографии как длительный период принудительной русификации и гонений. Такое представление верно, поскольку с 1898 г. российские власти усилили свои попытки крепче привязать Великое княжество к империи. Однако в целом эту эпоху отличал такой общественный и культурный подъем, что здесь скорее правомерно говорить о золотом веке. Как ни парадоксально, именно прогрессивные общественные процессы создали предпосылки для организованного сопротивления финнов российской администрации. Чем лучше обстояли дела в народном хозяйстве Финляндии и в развитии ее гражданского общества, тем больше экономических и идеологических ресурсов высвобождалось для защиты растущей суверенизации страны в составе Российского государства. Исторические процессы именно так всегда и происходят: они идут одновременно, но часто перекрывают друг друга, развиваясь в разных направлениях, и нередко характеризуются внутренними противоречиями. В конечном счете это может привести к неожиданным результатам и столкновениям.

С безвременной кончиной императора Александра III в 1894 г. попытки российской интеграции Финляндии, начавшиеся в 80-х годах XIX в., временно приостановились. Однако сын покойного Николай II вскоре возобновил этот проект, понимавший решение трех основных задач. Во-первых, российская администрация стремилась провести четкую границу между общегосударственным законодательством и теми законами, которые действовали лишь на территории Великого княжества. Во-вторых, власти хотели упразднить собственную армию Финляндии, которая не обязана была защищать прочие границы империи и которая, как опасались, в худшем случае могла обратить оружие против Санкт-Петербурга. В-третьих, существенно расширились полномочия и власть генерал-губернатора, а русский начинал активно использоваться как язык делопроизводства.

Летом 1898 г. новым генерал-губернатором Финляндии был назначен целеустремленный генерал Николай Бобриков, который должен был осуществить вышеупомянутые реформы. Пол-

года спустя стало очевидно, что финский сейм реформам сопротивляется, и в феврале 1899 г. император подписал манифест, по которому отныне общероссийские законы действовали на территории Великого княжества. В то же время законами, касавшимися лишь Финляндии, но при этом имевшими политическое значение, должна была заниматься российская администрация. Манифест вызвал возмущение финской общественности, вера которой в государственно-правовую автономию княжества во второй половине XIX в. усилилась — по мере развития гражданского общества в Финляндии, а также в связи с интенсификацией связей с Западом.

Острые манифеста было направлено против политического влияния, которое сейм приобрел после 1863 г. В Финляндии во главе быстро организованных массовых протестов против манифеста стояли авторитетные руководители нескольких политических фракций, по тем или иным причинам считавшим себя поборниками конституции. Согласно конституционному толкованию происходящего, император нарушил собственное заверение правителя, в котором по традиции фигурировало нечетко сформулированное обещание уважать существующее законодательство Финляндии. В течение нескольких недель было собрано около полумиллиона подписей под массовым обращением к государю. В этом «адресе» финские подданные выражали свои опасения относительно последствий манифеста. Одновременно финские журналисты, а также представители науки и искусства активно призывали своих иностранных коллег и знакомых к содействию, в результате чего последние стали посылать императору адреса и другие проявления солидарности с Финляндией.

Петербургское руководство эти протесты не удивили, но масштаб их был таков, что со стороны России требовалась определенная осторожность. Несмотря на это, генерал-губернатор Бобриников продолжал энергично претворять в жизнь программу реформ. Летом 1901 г., в полном соответствии с ранее намеченными политическими целями, вышел императорский Указ о воинской повинности. Собственная армия Финляндии упразднялась, и в силу вступала всероссийская воинская повинность со сроком службы пять лет для всех военнообязанных. Служба отныне проходила в подразделениях под российским командованием, которые должны были участвовать в обороне всей империи. Этот указ вызвал новую волну протестов, сопровождавшихся открытыми демонст-

рациями. Весной 1902 г. протесты достигли апогея: почти половина всех финских военнообязанных не явилась на призывные пункты.

В Великом княжестве, прежде отличавшемся чрезвычайной лояльностью по отношению к императору, это было нечто невиданное. В последующие два года Бобриков еще больше интенсифицировал темп реформ: упразднил Финский Кадетский корпус, упрочил статус русского языка в органах центрального управления Финляндии и, наконец, получил новые полномочия, чтобы подавить финскую оппозицию. Все это радикально усилило сопротивление в стране. В дополнение к пассивному сопротивлению возникло конспиративное активное движение, завязавшее контакты как с русскими революционерами, так и с японскими шпионами, которые после начала русско-японской войны в 1904 г. принялись финансировать нелегальную деятельность этих революционеров. В Финляндии произошло несколько политических покушений, самым громким из которых стало убийство Бобрикова в июне 1904 г.

Крупный перелом, однако, обуславливался массовыми демонстрациями и забастовками, которые весной 1905 г. охватили всю измотанную войной Россию и заставили императора пойти на уступки. Той же весной реформа воинской повинности в Финляндии была приостановлена и впоследствии заменена ежегодным денежным сбором в казну. После поражения России в русско-японской войне требования гражданских прав и расширения народного представительства в государстве стали еще настойчивее, и в октябре 1905 г. произошла всероссийская стачка. В ноябре император пошел на дальнейшие уступки. В России была учреждена выборная Государственная Дума, расширены границы свободы слова. В Финляндии кроме армейской реформы приостановили также другие преобразования 1899 г. Одновременно началась подготовка коренной реформы сейма. Летом 1906 г. в Финляндии был создан однопалатный сейм. В следующем году в него были избраны первые 200 членов. За одни сутки число лиц, имеющих право голосовать, увеличилось в 10 раз (с 126 тыс. до 1 млн 300 тыс.); финские женщины первыми в Европе получили избирательные права.

Выборы подвели интересный итог бурным политическим процессам предыдущих лет. Самой крупной партией однозначно оказалась Социал-демократическая (СДП), представленная в сейме

80 членами. Присоединение рабочего движения к конституционному фронту против российских попыток более тесной интеграции происходило постепенно и в 1905 г. стало определяющим для его успеха. Конституционный фронт гарантировал действенную мобилизацию масс, вместе с тем не давая общественному беспорядку перерасти во внутривластные столкновения — как это было во внутренней России и в Прибалтийском крае, где в год революции имели место крупные грабежи и убийства. Национальная окраска рабочего движения в Финляндии также способствовала тому, что буржуазным силам легче было принять реформы сейма. В то же время национальные настроения импонировали избирателям, которые в большинстве были воспитаны в фенноманском духе.

Второй по значению партией оказались старофинны (59 мест в сейме) — консервативная фаланга фенноманского движения. Несмотря на свою тактическую готовность идти навстречу российским требованиям, партия старофиннов ухитрилась сохранить широкую народную поддержку — в значительной степени благодаря своей однозначной позиции в языковом вопросе и некоторым новым требованиям в сфере социальной политики. Значительно меньше голосов получили младофинны (26), Шведская Народная партия (24) и Аграрный союз (9). Их руководящая роль в конституционном фронте не принесла им сколько-нибудь значительного веса, поскольку на политическую повестку дня были вынесены вопросы, подорвавшие национальное единство.

Важнейшим следствием реформы сейма стало создание общенародной, представительной арены общественных дебатов. В правовой сфере, напротив, возникли серьезные сложности: император отказывался утверждать ряд значимых социально-политических реформ, что вскоре потребовало проведения новых выборов. Николай II сохранил за собой право распускать сейм, отвергать финские законопроекты и проводить в жизнь собственные решения при помощи указов. Так было в 1908 г.: император издал указ, по которому полномочия по рассмотрению законопроектов в Великом княжестве перешли от премьер-министра Финляндии к российскому Совету министров. Это положило начало новому этапу политики интеграции, который продолжался до Февральской революции 1917 г. В 1910 г. император утвердил закон, по которому все законопроекты, касающиеся Финляндии, отныне передавались на рассмотрение в Государственную Думу. Два года спустя, в 1912 г.,

Николай II издал Закон об уравнивании в правах с финляндскими гражданами других российских подданных на территории Великого княжества. После этого должности в Сенате занимали лишь доверенные лица генерал-губернатора. На практике это означало, что Сенат отныне состоял из русских чиновников и военных.

Эти меры углубили политическую пропасть, возникшую в предыдущее десятилетие между империей и Великим княжеством. С точки зрения российских властей, интеграция являлась обоснованной, хоть и фатально запоздалой. Однако, с точки зрения сложившегося гражданского общества Финляндии, наступление на законодательство автономии было совершенно недопустимо — ведь оно происходило именно в тот момент, когда страна получила демократическое народное представительство. По мере проведения в жизнь политики русификации в Финляндии усиливалось неприятие всего русского. Расцвет русофобских настроений стал следствием относительно широкого распространения свободы слова. Здесь, правда, следует сделать оговорку: резкие высказывания касались и собственных внутренних противников. Внезапно стало возможно свободно выражать языковую неприязнь, классовую вражду и расизм. Поскольку российская администрация торпедировала политические компромиссы внутри Финляндии, в общественных дебатах теперь преобладал злоедейский, агрессивный тон.

Когда в августе 1914 г. разразилась Первая мировая война, в общественной сфере был введен ряд ограничений, которые эффективно подавили чрезмерное общественное красноречие. Одновременно боеготовность вооруженных сил Великого княжества поэтапно увеличилась почти до 100 тыс. человек: опасались, что немцы могут напасть на Санкт-Петербург, пройдя через территорию Финляндии. Были укреплены оборонные сооружения прибрежных районов. Вокруг Гельсингфорса стали возводить цепь военных объектов и оборонительных валов. Мужское население Финляндии избежало мобилизации, но в первые годы войны многие финны спонтанно выражали сочувствие воюющей России. Более 500 человек записались добровольцами в российскую армию. В то же время прогермански настроенные столичные деятели высшей школы начали тайный набор в германскую армию, завербовав около 2 тыс. человек. Эти события вошли в историю как движение финских егерей.

Первые три года войны для Финляндии были сравнительно легкими. Западные рынки сбыта исчезли, но взамен возник боль-

шой спрос на бумагу и продукты металлургической промышленности в России. Это гарантировало доступ Финляндии к российскому зерну, и вплоть до осени 1916 г. экономика страны находилась в состоянии подъема. Но в марте 1917 г. антивоенные элементы подорвали дисциплину в российской армии, причем в тылу образовалась огромная нехватка продовольствия и энергоресурсов. Следствием всего этого стала революция. Император Николай II был вынужден отречься от престола. Самодержавная монархия сменилась Временным правительством, которое пошло навстречу общественному мнению и провело ряд реформ. В Финляндии был обнародован манифест, отменивший все меры по интеграции, осуществлявшейся с 1899 г.

Это стало отправной точкой в сложном процессе, который в конце осени 1917 г. привел к тому, что Финляндия разорвала связи с Россией, объявив себя независимой республикой. Мысль о полном отделении от России зрела в среде радикальных активистов уже в период бобриковского режима, но в целом она воспринималась как мертворожденная — до тех пор, пока в стране находились русские военные силы. Когда же они потеряли контроль над ситуацией, идея независимости получила большее распространение, и в июне 1917 г. финские социал-демократы заявили, что их целью является полный государственный суверенитет. Большевики подстрекали национальные меньшинства империи к неповиновению властям, обещая им освобождение в случае своего прихода к власти. Ожидания суверенитета возросли также в буржуазных кругах Финляндии. Восемнадцатого июля 1917 г. сейм принял Закон о верховной власти, лишивший российское Временное правительство права на принятие каких-либо решений, кроме как по внешнеполитическим и военным вопросам. Российское правительство, которое пыталось помешать развалу государства, сочло это неприемлемым и потому распустило сейм Финляндии. Данная мера повлекла за собой еще более громогласные требования финнов о независимости. В итоге связи с Россией были решительно прерваны примерно через месяц после захвата власти большевиками в столице в октябре 1917 г.

Впоследствии финская историография описывала отделение Финляндии от России как исполнение предрешенного хода событий, явившееся результатом пробуждения национального самосознания. Однако современникам эти драматичные события

представлялись в ином свете. Несмотря на то что Финляндия в XIX в. развилась в государство внутри государства, экономика страны и ее внешняя безопасность так сильно были связаны с российским государством, что желанное в целом освобождение от России было во многих отношениях проблематичным. Как Финляндии обойтись без огромных российских рынков? И прежде всего — как пережить бушующий пожар мировой войны, сохранив при этом независимость?

7. Борющаяся независимость

Многие из этих вопросов приобрели актуальность уже на рубеже зимы и весны 1918 г., когда русская революция перекинулась в Финляндию. В стране разразилась непродолжительная, но кровавая гражданская война, закончившаяся победой буржуазных войск при поддержке германской армии. После поражения Германии в мировой войне в Финляндии установилась республиканская форма правления, которая оставалась неизменной вплоть до начала XXI в.

Как внутренняя, так и внешняя политика страны в 20-х и 30-х годах определялась в той или иной степени неустойчивым соседством с Советским Союзом. В середине 30-х годов в финляндском обществе был достигнут внутренний мир, ставший крайне важным для способности страны к сопротивлению в ходе Второй мировой войны, в которую Финляндия была быстро втянута и которая явилась для независимой нации настоящим испытанием на прочность. В сфере экономики разрыв с Россией отнюдь не стал катастрофой: финские товары вскоре нашли новые рынки сбыта в Европе и за океаном. На культурную жизнь немалое влияние оказал трагический опыт гражданской войны. В культуре ощущалось воздействие прогрессирующего во всех сферах модернизма.

Гражданская война

Поздно вечером в воскресенье 27 января 1918 г. финская Красная гвардия захватила власть на юге страны, учредив народный

комиссариат в качестве нового правительства, а также издав приказ об аресте буржуазного Сената, члены которого, однако, успели бежать. Захват власти произошел почти без кровопролития, но в последующие дни кризис расширился и принял форму вооруженного конфликта между Белой и Красной гвардией Финляндии, в котором участвовали также германские и российские войска. Уже с самого начала эта конфронтация получила несколько конкурирующих друг с другом названий. В действительности она была следствием продолжающейся мировой войны. Революция в России явилась цепной реакцией на потери в войне с Германией. Летом 1917 г., по мере возрастания хаоса внутри империи, образовался вакуум власти, который распространился повсеместно и вызвал вооруженный конфликт, в частности, в Финляндии.

Как буржуазный, так и социалистический лагерь страны приступили летом 1917 г. к созданию гвардейских формирований для защиты от внутренней и внешней угрозы. Когда же осенью 1917 г. забастовки и демонстрации в Финляндии стали сопровождаться грабежами и убийствами, между двумя лагерями возникла гонка вооружений. Представители враждующих сторон обвиняли друг друга во втягивании страны в гражданскую войну. Провозглашение в Финляндии независимости 6 декабря 1917 г. диктовалось прежде всего опасениями буржуазного Сената по поводу возможности экспорта русской революции в Финляндию. В новогодний вечер на рубеже 1917 и 1918 гг. Ленин подписал декрет, в котором большевистское правительство признавало государственный суверенитет Финляндии. Это, однако, было принято не с целью поддержать финских граждан, а для ускорения революционного процесса в стране. В середине января сейм буржуазным большинством принял предложение Сената об усилении мер по поддержанию порядка. Пару дней спустя, когда белые шюцкоровцы* были объявлены подразделениями, поддерживающими порядок, в лагере социалистов это восприняли не только как попытку остановить революцию. В решении сейма видели также признак того, что буржуазия все менее склонна проводить социальные реформы.

* Шюцкоровцы — члены военно-патриотической организации «Шюцкор» (швед. *Skyddskår*, финск. *Suojeluskunta* — Охранный корпус), военизированные силы самообороны Финляндии, задачей которых было повышение обороноспособности страны. — *Примеч. ред.*

Лидеры финской социал-демократии были почти сплошь реформистами, но когда ситуация приняла такой оборот, они вняли настойчивым требованиям русских большевиков и своих собственных радикалов осуществить в Финляндии революцию. Никаких альтернативных решений они не видели. Осенью 1917 г. буржуазные силы страны интенсифицировали контакты с Германией. Не было сомнений в том, что целью буржуазного Сената являлось укрепление достигнутой независимости при поддержке немцев. Финляндия стала пешкой в игре, возникшей во время мирных переговоров между большевистским правительством и Германией, проводившихся с 1917 г. Ленина вынуждали сдерживать обещания о мире, в то время как немцы стремились положить конец изнурительной войне на два фронта. В то же время обе стороны осознавали стратегическое значение контроля над Финляндией: ведь она находилась так близко от Петрограда. Обе стороны были заинтересованы в том, чтобы именно их ставленники в Финляндии поскорее захватили власть.

Таким образом, гражданская война в Финляндии началась еще в то время, когда шли российско-германские переговоры о мире. Красную гвардию щедро снабжали оружием все еще находившиеся в Финляндии русские войска, в которых большинство солдат сочувствовали большевикам. К моменту начала войны в финскую Красную гвардию было мобилизовано 30 тыс. человек, в основном из местных рабочих союзов. При материальной и идейной поддержке российских войск, дислоцированных в гарнизонах вблизи железнодорожных узлов, красные военные формирования быстро овладели Южной Финляндией. Их численность возросла, превысив к концу войны 70 тыс. человек.

В начале февраля в стране все еще находилось без малого 75 тыс. русских солдат. Однако они не испытывали особого желания братья за оружие. В военных действиях участвовало не более 10 тыс. из них — и то в первую очередь в качестве наставников, инструкторов по стрельбе, а также офицеров. Серьезным недочетом красных финнов уже с самого начала была нехватка компетентных командиров и слаженной военной организации. Ситуация еще более усугубилась после заключения российско-германского мира 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске: по условиям договора большевики обязались, в частности, незамедлительно вывести из Финляндии русских солдат численностью 35 тыс. человек.

Силы финских белых в начале войны доходили до 38 тыс. человек. В апреле эта цифра с помощью призыва повысилась почти до 60 тыс. Хотя белым удалось разоружить русские войска в Эстерботнии и постепенно наладить импорт оружия из Швеции и Германии, они на протяжении всей войны страдали от нехватки боеприпасов. Это в какой-то мере компенсировалось профессионализмом их командиров, благодаря чему белые имели явный перевес в военных действиях. Генеральный штаб преимущественно состоял из финских офицеров, служивших в ныне распущенной императорской армии. Главнокомандующим стал генерал Густав Маннергейм, уроженец Финляндии. В личности Маннергейма причудливым образом переплелись качества профессионального военного, дальновидного политика в области безопасности, а также светского человека — дворянина с опытом пребывания при императорском дворе. В конце февраля 1918 г. младший командный состав получил важное подкрепление: из Германии вернулись получившие там образование егеря, которые тут же встали во главе нескольких формирований. Благодаря своей отваге егеря вскоре стали народными героями — в частности, потому, что они, в противоположность так называемым русским офицерам*, крайне негативно относились ко всему русскому и к тому же были завербованы из широких слоев населения.

В первые недели войны линия фронта проходила от Северного Тавастланда (Хяме) до Карельского перешейка. До середины марта она оставалась почти без изменений. Крупные населенные пункты и промышленные городки Южной Финляндии находились под контролем красных, в то время как главным оплотом белых стала Эстерботния. Там, в прибрежном городе Васа, находился политический штаб белых. В большой степени эта война велась непрофессионально, причем стороны были плохо вооружены либо не имели военной дисциплины. Поэтому четкие линии фронта возникли лишь вблизи крупных населенных пунктов, обладавших стратегическим значением, а также рядом с железнодорожными узлами и большими дорогами. Из-за этого вооруженный конфликт в Финляндии мало напоминал всеобъемлющую войну в Центральной Европе.

Поскольку война являлась следствием революции в России, ее классовый характер всячески подчеркивался красными, что,

* То есть финским офицерам, служившим в российской армии. — *Примеч. пер.*

в свою очередь, оказывало воздействие на солдат, большинство из которых были пролетарского происхождения. Белые же старались представить войну как освободительную борьбу против русских, причем это стремление коренилось не только в их идеологических убеждениях. Силы белых набирались из самых различных слоев населения, и поэтому их надо было объединить под девизом освободительной войны. Основным костяк белой армии составляли крестьяне и молодежь из среднего класса. После введения всеобщей воинской повинности повысилась также доля торпарей* и рабочих. С возрастанием числа жертв войны увеличивалась озлобленность обеих воюющих сторон, следствием чего явился террор на местах. Более 11 800 человек было казнено за линией фронта — либо сразу после их капитуляции, либо по решению спешно созданных полевых судов. В начале войны преобладал красный террор, но, когда военная удача отвернулась от красных, белые отомстили с лихвой — жертвами белого террора стало более 10 тыс. красногвардейцев.

События получили новое направление после заключения Брест-Литовского мира. Германское военное командование решило положить конец финской гражданской войне, нанеся масштабный удар по красным войскам в Южной Финляндии. Третьего апреля на мысе Гангут (Хангё) в юго-западной части страны высадилась немецкая дивизия — и уже одиннадцать дней спустя она прошла парадом по центральным улицам Гельсингфорса. По иронии судьбы эта блиц-операция была осуществлена благодаря железным дорогам, построенным в «русский период» для отражения возможного нападения на финское побережье. Спротивление красных было сломлено также в других частях Финляндии. В тот же день, когда немцы высадились на юго-западе, белые финские войска начали захват промышленного города Таммерфорса (Тампере), куда красные стянули крупнейшие силы.

Таким образом, исход гражданской войны был предreshен, несмотря на то что жестокие бои продолжались в Юго-Восточной Финляндии до начала мая. На этой войне погибло без малого 11 тыс. солдат (5300 красных, 3400 белых, 600 русских, 300 немцев). С учетом всех казненных, а также жертв террора и болезней, об-

* Торпари (*швед. torpare, финск. torppari*) — в Швеции и Финляндии арендаторы участка, сдаваемого в долгосрочную или пожизненную аренду. — *Примеч. ред.*

щее количество человеческих потерь доходило до 38 500 человек. Более четверти из них (13 500) умерло от эпидемий и истощения в лагерях, где содержались красные военнопленные. Повальная эпидемия гриппа — «испанки» обрушилась на Финляндию как раз после завершения гражданской войны, когда победители согнали почти 80 тыс. красных в крупные лагеря в гарнизонах и крепостях на юге страны. После того как катастрофа произошла, было зачастую поздно действовать. Поскольку большинство выживших узников лагерей получили условные приговоры и более 60 тыс. из них даже не имели права голоса на выборах в сейм весной 1919 г., ненависть к белым «мясникам» всерьез пошла на убыль лишь в конце 30-х годов.

С исторической точки зрения вмешательство германских войск стало решающим для сокращения срока вооруженного конфликта в Финляндии — в пользу белых. В других частях распадающейся Российской империи белые контрреволюционеры продолжали сопротивляться еще несколько лет, но, поскольку заверения западных держав в существенной поддержке белым не были реализованы, победа в конце концов осталась за большевиками. Белый Сенат Финляндии охотно признавал решающий вклад Германии в завершение гражданской войны: ведь еще в конце осени 1917 г. Сенат выступал за германскую интервенцию. Альянс с Германией в лагере белых воспринимался как гарантия сохранения состоявшегося отделения от России. Вследствие этого как оборона Финляндии, так и ее экономика с готовностью подчинились германским интересам.

Сразу же после окончания войны был образован новый Сенат под началом старофинна Ю.К. Паасикиви. Совместно с временно назначенным регентом П.Э. Свинхувудом Сенат отказался от республиканских принципов, выработанных в декабре 1917 г. Едва набрав половину голосов, Сенат провел в сейме решение о монархической форме государственного устройства. Почти все социал-демократы — члены сейма потеряли места, поскольку участвовали в гражданской войне на стороне красных. В начале октября 1918 г. германский принц Фридрих Карл Гессенский был избран первым королем Финляндии, но из-за капитуляции Германии несколько месяцев спустя эта мера оказалась не более чем политическим тупиком.

Спас положение опять-таки Маннергейм. Как бывший офицер российской армии, Маннергейм всегда относился критически

к прогерманской ориентации. Теперь он стал новым регентом, чтобы восстановить ухудшившиеся отношения с западными державами-победительницами. В этом он весьма преуспел. После выборов в сейм следующей весной была принята республиканская форма правления, утвержденная Маннергеймом 17 июля 1919 г. Опыт гражданской войны был еще свеж в памяти, и в большой степени благодаря этому буржуазные партии решили предоставить президенту обширные властные полномочия, а также долгий мандатный период (6 лет) — в противовес парламенту, который, как ожидалось, мог оказаться слишком радикальным или разобщенным. Позже все эти меры привели к серьезным внутривнутриполитическим последствиям — так, например, конституция страны оставалась в силе вплоть до 1 марта 2000 г.

Первым президентом республики был избран при подавляющем большинстве голосов К.Ю. Стольберг — всеми уважаемый член сейма, сведущий в вопросах права и либерально настроенный. Стольберг лично руководил разработкой новой формы правления. Маннергейм также выставлял свою кандидатуру, но по понятным причинам был не очень популярен среди социал-демократов. К тому же активные попытки Маннергейма вовлечь финскую армию в российскую гражданскую войну вызвали недоверие к нему также в буржуазном лагере, представители которого были не готовы к втягиванию страны в новые вооруженные конфликты.

Путь Финляндии к независимости характеризовался большим драматизмом и многими случайными факторами, которые легко могли бы направить развитие страны в неблагоприятную сторону. Главным условием сохранения независимости была, разумеется, широкая народная поддержка идеи отделения от Российской империи, но решающей политической движущей силой все же стал захват большевиками власти в Петрограде. Он дал Финляндии возможность разорвать узы с Россией, а также способствовал тому, что Россия — теперь уже Советская — осталась такой слабой, что ее позднейшая попытка вновь завоевать Финляндию не удалась.

Нерешительный парламентаризм

Суверенитет новообразованной республики признали все соседние страны, но осенью 1919 г. на внешнеполитической повестке

дня еще было достаточно трудных вопросов. После Первой мировой войны политическая карта Центральной и Восточной Европы полностью преобразилась. Последствия этого передела влияли в последующие годы на отношения между европейскими государствами. Финляндии, как и большинству других малых государств, возникших из пепла после войны, было важно четко обозначить свои границы. Отношения страны с большевистской Россией оставались напряженными — как в результате гражданской войны, так и из-за участия финских активистов в боях, последовавших за ней в российской части Карелии. Переговоры между Финляндией и Россией начались летом 1920 г. в эстонском университетском городе Дерпте (Тарту). В том же году после ряда проволок был подписан мирный договор, по которому Финляндия получила, кроме исторических территорий Великого княжества 1812 г., на суше «коридор», простиравшийся до Баренцева моря и включавший г. Петсамо (ныне Печенга).

Финляндия также победила в долго тянувшихся раздорах со Швецией по поводу права на Аландские острова. В 1921 г. дело было передано в Лигу Наций. Население Аландов, говорящее исключительно на шведском языке, в 1917 г. ясно изъявило желание вновь присоединиться к Швеции. Последняя, однако, удовлетворилась обещанием, что архипелаг останется демилитаризованной зоной и получит обширное самоуправление в составе Финляндии. С точки зрения шведов, главная цель была достигнута: теперь военный нейтралитет Аландов гарантировался.

За дискуссией об Аландских островах крылось крайне сдержанное отношение шведского правительства к борьбе Финляндии за независимость. Оборонительная политика Швеции на Востоке в XIX в. была чрезвычайно выгодной. Шведское правительство последовательно избегало вмешательства в финляндско-российские конфликты об автономии Великого княжества. Еще в 1918 г. Швеция отказалась официально поддерживать белых в финляндской гражданской войне. Учитывая это, внешнеполитическое руководство Финляндии в начале 20-х годов пыталось развивать сотрудничество в области безопасности с другими новообразованными пограничными государствами — Польшей, Литвой, Латвией и Эстонией. Эти попытки вскоре разбились о внутренние конфликты интересов, но с Эстонией Финляндия все же негласно достигла определенного сотрудничества в области военной разведки и боеготовности.

Гражданская война отбрасывала длинную тень также на внутреннюю политику Финляндии. Этим объясняется тот факт, что на протяжении всех 20-х годов страной руководили недолговечные правительства, а политический климат отличался серьезными идеологическими противоречиями. Хотя осужденные красной гвардейцы постепенно были амнистированы, неизбежное недоверие между социалистическим и буржуазным лагерями долго осложняло мирное сосуществование в общей республике. Большинство жителей страны оценило завоеванную независимость, но значительно меньшее их число было готово внести коррективы в свое собственное понимание того, как именно этой независимостью воспользоваться.

Бурный характер внутривнутриполитической жизни усугублялся тем, что ни один из первых президентов республики не находился у власти дольше одного мандатного периода. К.Ю. Стольберга (1919—1925) сменил Лаури Кристиан Реландер (1925—1931), выдвинувшийся из рядов партии Аграрный союз. Его, в свою очередь, сменил представитель правых П.Э. Свинхувуд (1931—1937), занимавший еще в 1917—1918 гг. пост регента. Авторитет Свинхувуда был достаточно велик, чтобы справиться с дерзкими главарями праворадикального Лапуаского движения*. Пребывание на президентском посту представителя Аграрного союза Кюэсти Каллио (1937—1940) было прервано по причине его болезни, из-за чего Каллио в еще меньшей степени, чем его предшественники, успел стать авторитетной руководящей фигурой в государстве. Несмотря на то что правительственная реформа однозначно дала президенту полномочия формировать внешнюю политику страны, на практике эту ответственность с президентом разделял премьер-министр или министр иностранных дел. Одновременно подчеркивались церемониальные функции президентской должности, в связи с отсутствием в Финляндии монарха и королевского дома.

Как же развивалась внутренняя политика? В 1922 г. в лагере социалистов произошел открытый раскол. Коммунисты, находившиеся под советским влиянием, отмежевались от Социал-демократической партии, руководство которой с 1919 г. пропагандиро-

* Лапуаское движение — праворадикальное движение в Финляндии. Название происходит от местечка Лапуа (*Lapua*), где в ноябре 1929 г. шюэкоровцы совершили налет на собрание коммунистической молодежи. Организаторами были Коалиционная партия и правое крыло Аграрного союза. — *Примеч. ред.*

вало путь к социализму через реформы. В буржуазном же лагере раскол был вызван вопросом о контроле над шюцкоровцами, которые утвердились в стране в качестве постоянных сил ополчения и накопили значительный запас вооружений, не имея при этом однозначных связей с государственной властью. В итоге правительство более серьезно взялось за шюцкоровцев, сузив возможности бывших активистов использовать их формирования как внепарламентское средство нажима. Но, несмотря на это, в течение всего межвоенного периода шюцкоровцы воспринимались как скрытая угроза демократии — особенно лагерем левых.

Другим болезненным вопросом на повестке дня был и остался впоследствии статус в Финляндии шведского языка. Борьба фенноманов в сфере культуры была успешной, и в 1906 г. принятая сеймом реформа положила конец доминированию шведоязычной элиты в политической жизни. Это способствовало дальнейшему вытеснению шведского языка финским, а также тому, что в течение 1880—1940 гг. доля шведоязычного населения Финляндии сократилась с более чем 14 до менее чем 10%. И все же, к раздражению поборников финноязычия, во многих общественных секторах шведоязычный элемент был значителен. К началу 20-х годов шведский являлся родным языком более чем для половины коммерческой элиты страны. Наблюдался также явный численный перевес шведоязычных в науке, искусстве и культурной жизни в целом.

Принятая сеймом реформа обострила языковые распри, дав еще большую подпитку политическому и организационному сплочению шведоязычных граждан республики, которое в 1917—1921 гг. побудило наиболее радикальных представителей шведоязычия выступить с требованиями языкового самоуправления. Частью обособления стало введение в обиход понятий «финляндский швед» и «финляндец», лингвистически отграниченных от слова «финн», которое на местах издавна являлось определением финноязычного жителя страны. После того как распоряжением правительства (1919) финский и шведский были утверждены как два национальных языка страны, а парламент в 1921 г. принял весьма либеральный языковой закон, даже самые упорные поборники шведоязычия переключили внимание на отождествление себя с новоявленной республикой.

Среди наиболее радикально настроенных фенноманов, так называемых истинных финнов, реакция была противополож-

ной. В 1924 г. они начали выступать за перевод всей жизни страны на финский язык — прежде всего через студенческую организацию «Акатееминен Карьяла-Сеура» (АКС). Первоначально она вдохновлялась активными мечтами о территориальном расширении Финляндии — о так называемой Великой Финляндии, — но в конце 30-х годов АКС прежде всего требовала полного перевода на финский язык преподавания в университете Хельсинки. Дебаты по языковому вопросу прекратились после принятия парламентом весной 1937 г. нового закона об университетах, где подчеркивалась ведущая роль финского языка, но вместе с тем гарантировалось и дальнейшее преподавание на шведском. В реальности элиты обеих языковых групп страны уже давно получили равные социальные права. К тому же правительство энергично проповедовало языковой мир с целью облегчения развития скандинавской ориентации в области политики безопасности.

Общим знаменателем названных противоречий было отсутствие навыка менять свою линию поведения в соответствии с правилами парламентарной демократии. Эти правила предполагали компромиссы и уважение решений, принятых законным путем. Поэтому правительства страны в основном являли собой недолговечные коалиции меньшинств (на протяжении 20-х годов в Финляндии в целом сменилось 13 правительств). Кроме того, ни одна из буржуазных партий не изъявляла готовности сотрудничать с социал-демократами, которым в 1926 — 1927 гг. пришлось в одиночку нести бремя управления страной. Развитие законодательства шло неплохо, пока экономика страны переживала подъем, но после биржевого краха на Уолл-стрит последствия общемирового экономического кризиса отразились как на народном хозяйстве Финляндии, так и на ее политике.

Кризис усугубился жестокой идеологической борьбой, происходившей в конце 20-х годов в большинстве государств Восточной и Центральной Европы, — борьбой между верными Москве коммунистами, с одной стороны, и националистически настроенными антикоммунистами — с другой. В Прибалтике и Польше страх перед коммунизмом привел к отказу от представительской демократии в пользу разного рода консервативных правых диктатур. Еще дальше подобное развитие зашло в Италии и Германии, где различными путями установились фашистские режимы. Финляндия тоже оказалась охваченной страхом перед коммунизмом —

неудивительно, если учесть трагический опыт гражданской войны, а также тесные контакты крайне левых с Москвой.

К этому моменту власти страны уже усилили борьбу с подпольной деятельностью коммунистов. В 1929 г. напряженность возросла из-за ряда организованных коммунистами забастовок и демонстраций. Эти выступления спровоцировали во всей стране антикоммунистическую реакцию, принявшую в конце осени того же года организованную форму в виде Лапуаского движения, символическим руководителем которого стал состоятельный эстерботнийский крестьянин Вихтори Косола. Движение опиралось прежде всего на крестьян, шюцкоровцев и представителей промышленных кругов.

Вначале движению сочувствовали также широкие буржуазные круги, всерьез обеспокоенные тем, что коммунистическая агитация может привести к новой гражданской войне. Государственные рестрикции воспринимались как слишком нерешительные, и весной 1930 г. представители Лапуаского движения стали требовать полного запрещения всякой коммунистической деятельности, устраивали массовые митинги, а также применяли жестокую насильственную депортацию известных коммунистов и социал-демократов на восточную границу. Полицейское руководство вначале отнеслось к этому террору довольно пассивно, поскольку обыкновенно его осуществляли местные шюцкоровцы и зажиточные крестьяне. В июле 1930 г. лапуасцы предприняли поход на столицу, в котором участвовало 12 тыс. завербованных. По их требованию сменилось правительство. Той же осенью новое правительство приняло закон о запрещении всякой общественной коммунистической деятельности.

Тем самым Лапуаское движение, все более вредившее собственной репутации, исчерпало возможности широкой народной поддержки. Предприняв в конце зимы 1931/32 г. попытку путча, закончившуюся постыдной неудачей и повлекшую судебные процессы, движение трансформировалось в праворадикальную партию. Однако, во время трех последних выборных парламентских кампаний 30-х годов этой партии удавалось набрать не более 7% голосов. Таким образом, репутация парламентской системы страны была мало-помалу восстановлена. Опыт лапуаского периода способствовал заметному росту готовности партий к компромиссам, расчистив путь правительствам большинства, через границы политических блоков. Развитие шло в том же на-

правлении, что и в Швеции и Дании, где уже в 1933 г. социал-демократам и крестьянским партиям удалось создать широкие коалиции. Весной 1937 г. Финляндия также обрела свое первое «красно-зеленое правительство»*, сознательно начавшее строить государство всеобщего благосостояния на основе демократического регулирования.

Основной причиной того, что политическая система Финляндии, в противоположность, например, системе Польши или Прибалтийских государств, преодолела кризис демократии, являлось, несомненно, наличие в стране эффективно функционирующего гражданского общества. Хотя всякая коммунистическая деятельность была запрещена, пролетарские идеи продолжали жить в идеологии социал-демократов. Благодаря этому подавляющее большинство граждан гарантированно могло отождествить себя с нацией и с правовым государством. Гражданские движения в Финляндии находились под сильным влиянием аналогичных движений в Скандинавских странах, тем самым направляя развитие финляндского общества по скандинавскому типу.

На фоне сказанного становится понятным изменение курса Финляндии в сфере политики безопасности в середине 30-х годов. В результате прихода в Германии к власти Гитлера Лига Наций постепенно потеряла авторитет как поддерживающая мир глобальная организация, а поскольку Советский Союз в те же годы явно наращивал военный потенциал, для всех пограничных государств, очевидно, возрастал риск рано или поздно оказаться в тисках между двумя диктатурами. Поэтому руководство Финляндии в области безопасности сделало ставку на альянс со Скандинавскими странами, чья политика нейтралитета превосходно действовала во время Первой мировой войны.

Одновременно были интенсифицированы переговоры со Швецией касательно совместной ремилитаризации Аландских островов, причем конечной целью являлось образование оборонительного союза Швеции и Финляндии, который противостоял бы Советскому Союзу. Эти планы, однако, развеялись, когда весной 1939 г. СССР выразил свое недовольство по поводу усиления военного значения Аландов. В итоге Финляндия, как и другие пограничные государства, осталась осенью 1939 г. совершенно без

* Красно-зеленое правительство (*швед. rödmyllereregering*) — коалиция социал-демократов, Аграрного союза и Прогрессивной партии. — *Примеч. ред.*

поддержки, в то время как Гитлер и Сталин в добром согласии друг с другом занялись упрощением политической карты Восточной и Северной Европы.

Прирост и технологии

В основе Лапуаского движения лежали, в частности, экономические движущие силы, но в целом прирост валового национального продукта (ВНП) в Финляндии 20–30-х годов происходил быстрее и ровнее, чем в большинстве других европейских стран. К началу Первой мировой войны ВНП Финляндии на душу населения еще несколько не дотягивал до среднего по Европе. В межвоенную эпоху экономика Финляндии росла со скоростью почти 5% в год, и в 1938 г. ВНП республики на душу населения достиг уровня таких издавна процветающих стран, как Франция и Голландия. На практике это означало, что ценность продукции удвоилась. Такое достижение выглядит еще примечательнее, если принять во внимание, что Финляндия, подобно прочим недавно образованным пограничным государствам Восточной Европы, провела в начале 20-х годов крупные земельные реформы, замедлившие индустриализацию и урбанизацию.

Важным фактором, объясняющим взлет экономики Финляндии, было эффективное приспособление сельского хозяйства и лесопользования к условиям капиталистического рынка. Согласно принятому в 1918 г. закону о торпарях стало выгодно выкупать арендованную землю, а четыре года спустя был выработан закон о приобретении земли (*Lex Kallio*), обеспечивший равные возможности безземельным в сельской местности. В середине 20-х годов ужесточились запреты на приобретение предприятиями частных лесных угодий (*Lex Pulkkinen*). Крестьяне остались значительными лесовладельцами и получили крупную долю в растущем экспорте лесной промышленности. Очевидной целью этих реформ было смягчение социальных противоречий в деревне. За десять лет в Финляндии возникло более 100 тыс. новых хозяйств, занимающихся земледелием. Параллельно шла масштабная расчистка новых земель, которая в сочетании с инновационными методами возделывания культур и с усовершенствованной инфраструктурой привела к значительному увеличению доходности также в мелких хозяйствах.

Основной движущей силой структурных изменений в базовых отраслях экономики была все же лесная промышленность. Прибыли от ее экспорта шли далее в руки крестьян через торговлю древесиной, обеспечивая средства для вложения в сильные корма, искусственные удобрения и сельскохозяйственные машины. В других пограничных государствах Восточной Европы обновлению земледелия препятствовало отсутствие конкурентоспособной экспортной индустрии, которая давала бы крестьянам верный побочный доход. То, что лес и впоследствии остался «зеленым золотом» Финляндии, доказывает следующая цифра: на протяжении всей межвоенной эпохи на долю лесной промышленности приходилось более 80% доходов от экспорта страны.

Российские рынки были утрачены в результате прихода к власти большевиков, но спрос на древесину и бумагу быстро возрастал в Центральной и Западной Европе. Поэтому внешняя торговля Финляндии приобрела такую же однозначно западную ориентацию, как и ее внешняя политика. Быстрее всего росла относительная доля бумажной промышленности в экспорте. Сознательные капиталовложения во все более крупные и современные фабрики за двадцать лет увеличили производство бумаги в 4 раза, в результате чего в 1938 г. на эту отрасль приходилось более 40% общей экспортной прибыли страны. Благоприятному развитию способствовало также создание национальных картелей, которые координировали экспорт и гарантировали завоевание новых рынков за океаном. К началу Второй мировой войны Финляндия являлась одной из ведущих стран — экспортеров бумаги в мире.

В начале периода независимости две трети населения страны жили за счет земледелия и лесопользования. В последующие два десятилетия эта цифра снизилась до чуть более 50%. Однако она все же была достаточно высока, чтобы считать крестьянина-собственника олицетворением независимой Финляндии. Земельные реформы превратили деревенский пролетариат в мелких хозяйственников, сведущих в рыночной экономике и все более ценивших местные общественные структуры. Впрочем, в результате индустриализации численность рабочего класса за тот же период выросла почти до 20%. Другой растущей категорией населения были работники сферы обслуживания, доля которых увеличилась с 10 до 16%.

Впрочем, не одни лишь земельные реформы способствовали более равномерному распределению возросшего благосостояния. Реальные доходы промышленных рабочих стабильно повышались, и в 1920 г. парламент ввел прогрессивный налог на доходы. Налог не должен был превышать 20% заработка, но он все же изрядно уменьшил высокие зарплаты. Размер реальных доходов экономической элиты определялся повысившейся конъюнктурой в промышленности, а вот у служащих дела обстояли похуже: их зарплаты развивались совсем не так, как в «российскую» эпоху. Зарплату служащих определял парламент, который был не очень склонен расточать средства, полученные от сбора налогов, на «господ» из сферы управления. Особенно пострадали высшие чиновники: их реальные доходы сильно упали во время Первой мировой войны и в 1939 г. все еще были на треть меньше, чем в 1914 г.

Мелкие крестьяне-хозяева добились ряда перемен в деревне, а растущий средний класс, в свою очередь, преуспел в этом в населенных пунктах городского типа. Быстрыми темпами укреплялись оборонный, административный и управленческий секторы республики. Численность государственных и местных служащих с 1910 по 1940 г. возросла втрое (с 21 400 до 56 200 человек). При этом одновременно развивающаяся система образования хорошо выполняла свои функции. Постоянно росло количество лицеев. В 1940 г. в Хельсинкский университет, выпускавший большинство дипломированных специалистов страны, поступило вдвое больше студентов, чем в 1917 г. (сравнительные цифры 3400 и 6200). Тем самым доля населения, учащегося в вузах, стала одной из самых высоких в Европе. Происходили студенты в основном из высшего и среднего класса, но, несмотря на это, распространение образования, безусловно, стимулировало социальную мобильность населения.

Подобные социальные сдвиги следует рассматривать с учетом того, что население Финляндии в межвоенную эпоху возросло с 3,1 до 3,7 млн человек. Хотя относительная доля деревенских жителей и лесопользователей уменьшилась, абсолютная цифра продолжала возрастать вплоть до Второй мировой войны. Прирост численности населения оставался на том же уровне, что и в 1870 г. (300 тыс. в десятилетие). Это означало, что рост численности населения постепенно останавливался. По мере развития урбанизации и увеличения благосостояния рождаемость постепенно сни-

жалась. Развитие медицины и доступное продовольствие обусловили также и сокращение смертности. Вместе все эти факторы означали, что возрастная структура населения из пирамиды превращалась в четырехугольник: детей теперь рождалось меньше, а взрослые жили дольше. Одной из самых знаменитых, но неудачных общественных реформ 20-х годов XX в. явился так называемый сухой закон — полный запрет на продажу и употребление алкогольных напитков. Требования о введении подобного закона становились все более громкими по мере повышения уровня жизни. Увеличение благосостояния, с одной стороны, облегчило доступ к спиртному, а с другой — вызывало сильное раздражения по причине безудержного пьянства. Закон, вступивший в силу летом 1919 г., вскоре продемонстрировал свою неэффективность и в 1932 г. был отменен после всенародного голосования, где без малого 71% жителей проголосовал против продления полного запрета на спиртное. Полиция имела мало реальных возможностей, для того чтобы препятствовать продаже алкогольных напитков, которые подпольно подавались в ресторанах. Кроме того, «сухой закон» вызвал такое масштабное явление, как контрабандный ввоз спиртного из Эстонии. Это всерьез поколебало уважение финских граждан к букве закона.

Урбанизация и все более увеличивавшаяся миграция населения шли рука об руку с быстрым развитием транспортного сектора, а также с рядом технических достижений. Дальние перевозки внутри страны по-прежнему осуществлялись главным образом по железной дороге, подвижной состав которой в межвоенный период увеличился вдвое. В сфере ближних перевозок важнейшей новинкой стал, без сомнения, автомобильный транспорт. Он быстро развивался, требуя, в свою очередь, строительства новых дорог и улучшения уже имеющихся. В период между 1922 и 1938 гг. количество автомобилей увеличилось с менее чем 2 тыс. до более чем 47 тыс. Это создавало проблемы в городах, где размещалось большинство автомобилей. Однако, поскольку личный автомобиль вплоть до 60-х годов оставался роскошью, основным фактором, влиявшим на географическую мобильность, стал автобусный транспорт. Сеть железных дорог и внутренних озерных сообщений охватывала далеко не все окраины. Значительная часть зарубежных перевозок все еще осуществлялась пароходами, хотя акционерное общество «Аэро» открыло в 1924 г. регулярное воздушное сообщение на гидропланерах из Хельсинки в Стокгольм

и Таллинн. Во второй половине 30-х годов было построено несколько аэродромов, а также заложена основа регулярных внутренних воздушных перевозок.

Для всех этих транспортных средств требовалось топливо. По мере роста парка автомобилей увеличивался импорт рафинированного моторного масла, которое после русской революции прекратило поступать в Финляндию с кавказских нефтяных месторождений и теперь поставлялось западными нефтяными гигантами «Стандард ойл» («Эссо»), «Галф Ойл» и «Шелл». Их поставки были настолько эффективны, что государственные власти лишь в конце 30-х годов стали обсуждать возможности строительства отечественного нефтеперегонного завода. Эти планы были прерваны из-за войны, но в 1948 г. они осуществились. Так было создано государственное предприятие «Несте», вскоре ставшее одним из крупнейших промышленных концернов страны. Еще в 20-х годах промышленность обеспечила удовлетворение своих растущих энергетических потребностей: были построены собственные гидроэлектростанции на всех крупных реках Южной Финляндии. Промышленный сектор продавал электроэнергию также частным хозяйствам, но в основном их энергетические потребности удовлетворялись через общегосударственную электросеть, созданную в 1929 г., когда в строй вошла гидроэлектростанция в Иматре. В конце 30-х годов почти вся Южная и Западная Финляндия была обеспечена электричеством при помощи этих магистральных линий.

С увеличением социальной и географической мобильности выросло также значение эффективных телекоммуникаций. Уже с 80-х годов XIX в. благодаря частному предпринимательству быстрыми темпами увеличивалось количество телефонных станций: в середине 20-х годов XX в. в этой области действовало около 600 акционерных обществ и кооперативов. Для предпринимательской деятельности требовалась лишь государственная лицензия, но в середине 30-х годов всеми междугородними и международными переговорами занималось государство — прежде всего по соображениям государственной безопасности. Такое разделение труда сохранялось вплоть до начала 90-х годов XX в., когда сектор телекоммуникаций, освободившись от государственного регулирования, стал открыт для свободной конкуренции.

Самым важным новшеством межвоенной эпохи в области средств массовой информации являлось радио. В большинстве ев-

ропейских стран радиопередачи были поставлены под контроль государства, как только стало ясно значение радио в деле формирования общественного мнения и трансляции новостей. При этом целью было не только гарантировать распространение объективной информации, но и укрепить национальное единодушие, которым при необходимости можно было бы манипулировать в желаемом направлении. Так в большой степени обстояло дело с акционерным обществом *Finlands Rundradio* (финск. *Suomen Yleisradio*). Оно было основано рядом культурных организаций в 1926 г. для содействия народному просвещению и для эффективного распространения полезной информации. Другой общей чертой всех регулируемых государством радиокompаний было привитие правильных языковых норм и стремление к облагораживанию народных вкусов. Это не всегда нравилось простым людям, которые, безусловно, хотели бы слушать забавные куплеты и комические радиопостановки вместо нудных симфоний и докладов.

Весной 1928 г. заработала государственная радиостанция со 150-метровой мачтой в Салпаусселкя (г. Лахти). Это незамедлительно улучшило качество трансляции во всей Южной Финляндии, обусловив рост продаж радиоприемников. Однако настоящий бум в продажах приемников произошел во второй половине 30-х годов, когда их начали производить в Финляндии и когда стали возможны прямые радиопередачи из-за границы. Для многих радиослушателей важнейшим впечатлением эпохи стали репортажи с Олимпийских игр 1936 г. в Берлине. Кульминацией этих репортажей стало сообщение о тройной победе Финляндии в беге на дистанции 10 000 метров.

Национальное, современное, популярное

Достигнутый в результате драматических событий государственный суверенитет, естественно, стал центральной темой культурной жизни молодой республики. Поскольку гражданская война окончилась победой буржуазного лагеря, в сфере культуры отныне преобладало представление о Финляндии как о белой и прежде всего аграрной стране, национальное выживание которой гарантировалось боеготовностью и сильной верой в будущее. Во многих отношениях подобное представление можно назвать ограниченно-исключающим: в нем практически вообще не было места

пролетарскому населению, питавшему симпатии к социалистам. К тому же образ страны был сформирован под сильным влиянием «истинных финнов» — фактор, в свою очередь отпугивавший шведоязычных граждан Финляндии. В то же время в национальном сценарии присутствовала масса более ранних и универсальных элементов — таких, как идеализация народа и внутренних озерных областей страны, с частым привлечением цитат из Рунеберга, Лённрота и Топелиуса.

Симфоническая музыка Яна Сибелиуса и живопись Аксели Галлен-Каллелы также имели общечеловеческий культурный потенциал, но, поскольку эти деятели культуры обладали столь высоким престижем, их неизбежно трактовали как живые символы белой Финляндии. Особенно это касалось художника Галлен-Каллелы: именно по его эскизам создавалась большая часть официальных орденов и эмблем молодой республики. Отношение Сибелиуса ко всему этому национальному «хороводу» с самого начала было более противоречивым. Благодаря своему «Маршу егерей» (1918), невероятно популярному в близких к шюцкору кругах, композитору было обеспечено почетное место во многих сферах жизни. Но прежде чем вдохновение полностью оставило Сибелиуса в конце 20-х годов, он успел сочинить четыре из своих самых значительных произведений, проникнутых духом универсализма.

То же можно утверждать о многих скульптурах Вьяйнё Аалтонена, придававшего классический облик национальным образам. Известнейшим примером этого стала скульптура, изображающая прославленного бегуна Пааво Нурми. Статуя была впервые показана публике в 1925 г. и тут же сделалась одним из самых долговечных символов Финляндии. Нурми, бесспорно, отличался и атлетическим телосложением, и экономным стилем бега, но необходимо отметить, что Аалтонен придал ему облик античного полубога, излучающего все добродетели, с которыми желала ассоциироваться молодая республика, — юность, красоту и stoическую силу воли. Огромная популярность скульптуры как вида искусства в Европе межвоенного периода объяснялась потребностью в монументах, являющихся наглядным выражением коллективной воли. Таким скульптурным произведениям отводилось видное место в аппарате фашистской пропаганды Германии и Италии. В Северной Европе Аалтонена и его скандинавских коллег Карла Миллеса и Густава Вигеланда воспринимали как выразителей более размытых кон-

цепций национальной готовности к самопожертвованию, которые можно было толковать по-разному.

Однако национальное легко становилось высокопарным и ходульным. Уже в начале 20-х годов среди писателей и художников младшего поколения начал распространяться космополитический модернизм. Во многом здесь тон задавали скульпторы: их произведения в духе кубизма и сюрреализма резко отличались от традиционно-национальных. В литературе подобные тенденции развивали прежде всего шведоязычные модернисты Финляндии: Гуннар Бьёрлинг, Хагар Ульссон и Эльмер Диктониус. Их дадаистские эксперименты и фрагментарные отображения городских форм жизни нашли отклик у литературных кругов Швеции.

По пятам за ними следовал кружок финноязычных писателей *Tulenkantajat**. Их одноименный журнал то дышал преклонением перед развитием машин и городской романтикой, то изобиловал текстами в духе модернизма, пропагандировавшими социалистические или «истинно финские» идеи. Этот кружок сформировался на основе живого интереса к общественным вопросам, но из-за различия идеологических убеждений его участников раскол в конце концов стал неизбежен. Наибольший интерес вызывали современные зарисовки Олави Пааволайнена, в которых шикарные модные тенденции европейского континента уживались с радикальными идейными течениями, являя контраст с деревенским романтизмом Финляндии.

В своих описаниях гитлеровской Германии (1936) и сталинского Советского Союза (1938) Пааволайнен искренен и в то же время дает двойственные оценки. Речь в них идет, с одной стороны, о тоталитарных государствах с жестокими механизмами контроля, а с другой — о технически новаторских общественных экспериментах. Последние побуждают автора проводить параллели между этими государствами и Соединенными Штатами Америки. В среде интеллектуалов Европы 30-х годов такое отношение вовсе не было исключением. Подобным же образом архитектор Алвар Аалто (1898 — 1976), получивший после Второй мировой войны международную известность, вдохновлялся как советским, так и шведским зодчеством. В советской архитектуре его привлекали масштабность и перспектива, а в шведской — чувство стиля и идеология «народного дома», требовавшая развивать близкую

* Дословно «несущие огонь». — Примеч. пер.

к человеку и технически функциональную архитектуру на основе планового хозяйства.

Несмотря на внутренние языковые распри, межвоенная Финляндия поддерживала тесные культурные контакты со Скандинавией — прежде всего со Швецией. Отсутствие психологического барьера объяснялось не только тем, что шведский язык являлся родным для почти десятой части населения Финляндии (в 1940 г. шведоязычных в стране было 360 тыс. человек). Руководящие слои общества были фактически двуязычными — отчасти благодаря тому, что шведский язык был обязательным предметом для изучения в лицеях, отчасти из-за того, что шведский представлял живое культурное наследие для многих семей и различных сфер общественной жизни. Еще в конце 80-х годов XIX в., когда закладывались основы современного общества, был создан ряд скандинавских объединений с целью распространения гражданских и профессиональных идей. Такие формы сотрудничества носили практический характер. Многие жители Финляндии являлись членами этих организаций, хотя в то время страна еще не была независимой. По достижении ею государственного суверенитета взаимодействие углубилось во многих направлениях — особенно по линии сотрудничества между рабочими и спортивными движениями этих стран. В силу ряда причин такой общескандинавский контекст представлялся наиболее естественным. Связи финских социал-демократов с их скандинавскими единомышленниками способствовали активному распространению шведской идеологии «народного дома» в Финляндии, в то время как спортивное сотрудничество выражалось в регулярной организации межскандинавских чемпионатов, которые широко освещались в прессе.

Массовая культура была в целом открыта для шведских влияний. Большой популярностью пользовались журналы из Швеции, пластинки с записями шведских шлягеров, шведские художественные фильмы — все это служило образцами для создания соответствующей культурной продукции в Финляндии. Звездный час иллюстрированной еженедельной прессы наступил в обеих странах в 20-х годах, когда в результате усовершенствования типографской техники стало возможно воспроизводить контрастные фотографии массовыми тиражами. Крупнейшим в Финляндии стал еженедельник «Суомен кувалехти» (издается с 1917 г. по настоящее время). В журналистике он быстро нащупал выгодный баланс между политически актуальным материалом и информативно-развлека-

тельными публикациями. Среди журналов для женщин необходимо назвать издававшийся с 1923 г. «Котилиеси», главной темой которого было домашнее хозяйство, а также городской журнал «Ээва» (основан в 1934 г.). Оба эти издания нашли свою постоянную публику. То же самое можно сказать и о еженедельнике шюцкоровцев «Хаккапелиитта». Его воинственные цветные обложки пропагандировали стремление защищать родину и самонадеянный патриотизм.

Несмотря на популярность шведской массовой культуры, в сфере легкой музыки и кино уже с начала 20-х годов преобладали немецкие и американские произведения. До Второй мировой войны немецкий был первым иностранным языком, который преподавали во всей Скандинавии. В индустрии развлечений это было явным преимуществом: немецкая легкая музыка гарантированно находила верных слушателей в Финляндии. Финские пластинки записывались в основном в первоклассных музыкальных студиях Берлина. Кроме того, значительная часть мелодий происходила из Центральной Европы, так что продаваемые в Финляндии пластинки почти можно было назвать немецкими полуфабрикатами. Большинство «живых картин» были импортными, а поскольку до конца 20-х кино было немым, голливудская киноиндустрия вскоре завоевала ведущие позиции также и на рынках Финляндии — причем ее популярность оставалась неизменной даже во время Второй мировой войны.

Премьера первой финской полнометражной звуковой ленты состоялась в 1931 г. Это был фильм «Невеста плотогона» режиссера Эркки Кару. Уже через десять лет в Финляндии возникла собственная кинопромышленность. Появились и свои кинозвезды, во главе с часто снимавшейся экранной парой — Ансой Иконен и Тауно Пало. В годы войны популярная культура стала важным орудием укрепления боевого духа фронтовиков и мотивации работников тыла. В большей степени, чем когда-либо, народ нуждался в утешении и развлечениях. Это не только увеличило объем продаж радиоприемников, граммофонов и кинопроекторов, но также ощутимо способствовало развитию массовой культуры — прежде всего преодолевающей классовые различия. Более того, в ходе Второй мировой войны радиопередачи способствовали изучению мировой географии. К моменту окончания войны в разных уголках планеты были люди, знавшие, где находятся Суомуссалми, Эль-Аламейн и Хиросима.

Уроки Зимней войны

Вторая мировая война во многих отношениях являлась результатом цепной реакции, вызванной Первой мировой войной. Это побудило многих историков характеризовать период 1914–1945 гг. как единую войну с необычайно долгим перемирием. Как это часто бывало и прежде, Финляндия была втянута во Вторую мировую войну против своей воли. Прошло чуть более двадцати лет, с тех пор как страна достигла независимости, — достигла благодаря тому, что в тот момент как Россия, так и Германия одновременно являлись слабыми государствами. В конце лета 1939 г. положение было прямо противоположным. Обе великие державы восстановили свои силы и с нетерпением ждали шанса вновь отвоевать, а еще лучше расширить территории, принадлежавшие им до 1914 г. В середине 30-х годов, когда гитлеровская Германия начала свою территориальную экспансию путем насильственных аннексий, Великобритания и Франция попытались с помощью переговоров создать антигерманский альянс с Советским Союзом — государством, которое Гитлер, согласно своей ранней политической программе «Майн кампф» (1923), намеревался превратить в сырьевую базу Германии. Эти переговоры закончились неудачей, после того как западные державы отказались санкционировать требование Советского Союза о предоставлении ему «в превентивных целях» контроля над Прибалтийскими республиками.

Поэтому вместо такого соглашения Москва заключила 23 августа 1939 г. с Берлином пакт о ненападении. К этому договору министры иностранных дел обоих государств В.М. Молотов и И. фон Риббентроп приложили секретный дополнительный протокол, где обозначалась общая демаркационная линия, которая должна была пройти через Восточную Европу. Финляндия, Прибалтика и Восточная Польша составляли сферу интересов Советского Союза, а Германии доставалась основная часть Польши. Пакт Молотова — Риббентропа явился первым выстрелом во Второй мировой войне: западные державы — на этот раз против ожиданий — объявили Германии войну, после того как германские войска неделей позже вторглись в Польшу. Однако до апреля 1940 г. война на Западном фронте была лишь позиционной. В первую зиму центра тяжести войны, бесспорно, находился на востоке — точнее, на границе Финляндии с Россией.

Почему же Советский Союз напал на нейтральную Финляндию? Основной причиной были опасения Сталина, что Гитлер может через территорию Финляндии двинуться на Ленинград и северные области СССР. Не помогло здесь и заверение финского правительства на переговорах с Москвой осенью 1939 г. в том, что Финляндия готова отразить, в частности, германское наступление. По подозрениям Сталина, немцы могли бы высадиться в Финляндии вне зависимости от официальных заверений. Все это происходило на фоне глубокого недоверия между сторонами, которое не могло быть преодолено за короткий срок. СССР активно поддерживал в Финляндии коммунистическую агитацию, направленную на свержение существующего общественного порядка. В то же время многие финские политики, ученые и офицеры были настроены прогермански и поддерживали тесные связи с немецкими коллегами.

Переговоры между Советским Союзом и Финляндией прервались в начале ноября, после того как финская сторона отказалась удовлетворить ряд требований СССР, касавшихся изменения границы. Советская сторона мотивировала свою линию тем, что такие меры укрепили бы безопасность Ленинграда. Неофициально подобные требования выдвигались начиная с 1938 г., но финское правительство их отклоняло. Вплоть до самого начала Зимней войны министру иностранных дел Финляндии Эльясу Эркко удавалось убеждать своих коллег в том, что Москва проводит тактику запугивания. В вопросе отношений с Советским Союзом Финляндия действовала совершенно иначе, чем Прибалтийские государства, которые уже в конце сентября 1939 г. уступили требованию СССР, разрешив основать на собственной территории военные базы.

Упорство Финляндии объяснялось, в частности, склонностью финнов цепляться за веру в то, что в случае опасности Швеция и западные державы окажут поддержку. Напрасно шведское правительство конфиденциально сигнализировало руководству Финляндии, что военной помощи ожидать не следует. Стремление финнов принимать желаемое за действительное было неискоренимо. Его питали также русофобские настроения в обществе, согласно которым даже незначительные территориальные уступки русским представлялись изменой родине. К тому же многое свидетельствовало о неизбежности вооруженного конфликта. Долгосрочная цель Москвы заключалась в возобновлении контроля над Финляндией. Когда это не удалось путем переговоров, Сталин

отдал Красной Армии приказ вторгнуться в Финляндию. За четыре дня до нападения была инсценирована «финская» приграничная провокация у деревни Майнила на советской части Карельского перешейка. Это стало предлогом для разрыва пакта о ненападении 1932 г., и таким образом война началась.

Утром 30 ноября 1939 г. советская авиация подвергла населенные пункты Южной Финляндии массовым бомбардировкам. Одновременно с этим советские войска перешли государственную границу на Карельском перешейке, а также вдоль пустынных лесных дорог на востоке. Вторжение явилось шоком для местного населения, которое, несмотря на напряженную атмосферу и армейскую мобилизацию, пребывало в наивном убеждении, что конфликт может быть разрешен путем переговоров. Однако за первоначальной панической реакцией последовал подъем чувства национального единства, коренившегося в осознании суровой истины: остается лишь бороться до трагического конца. Пустым звуком стали как решение Сталина учредить финское марионеточное правительство, так и советская пропаганда, согласно которой нападение было проявлением поддержки СССР финского рабочего класса.

Воля финнов к обороне укрепилась, когда главнокомандующим армией был назначен 72-летний фельдмаршал Густав Маннергейм. Возвращение Маннергейма на военную стезю произошло еще в 1931 г., когда он возглавил консультативный оборонный совет. В качестве главы совета Маннергейм активно содействовал в середине 30-х годов развитию политики скандинавского нейтралитета в Финляндии. Ее целью являлось избежание как раз той войны, в которую теперь была втянута Финляндия. Важным звеном политической кампании Маннергейма был курс на классовое примирение, благодаря которому его авторитет отныне признавался также в социал-демократических кругах. Несмотря на то что осенью 1939 г. Маннергейм весьма критически относился к непреклонности Финляндии и призывал к тактическим уступкам СССР, уговорить его принять на себя, когда в этом возникла надобность, командование армией, оказалось нетрудно.

Через два дня после начала войны премьер-министром страны был назначен Ристо Рюти — директор Банка Финляндии, либерал с хорошей репутацией. Его коалиционное правительство лихорадочно пыталось возобновить переговоры с Советским Союзом. Одновременно правительство Рюти взывало к Лиге Наций с прось-

бой принять меры против вторжения СССР в страну. Швеция оказала Финляндии крупную материальную помощь, а также прислала группу добровольцев, но другие страны не предоставили Финляндии никаких вспомогательных формирований. Больше всего Финляндии помогло время года — необыкновенно суровая зима, затруднявшая продвижение Красной Армии (впрочем, плохо скоординированное) к Ботническому заливу. Уже во вторую неделю войны финским войскам удалось остановить советское наступление на Карельском перешейке. После того как в течение последующих четырех-пяти недель несколько русских дивизий были окружены и обезврежены в обширных лесных областях на востоке и на севере, Сталин начал осознать, что он столкнулся с проблемой. Наибольшую известность получила победа финнов в Суомусальми, где две советские дивизии были расчленены и впоследствии ликвидированы.

Численный перевес Красной Армии был велик уже с самого начала (СССР — 450 тыс. человек, Финляндия — 300 тыс.). Этот перевес возрастал в течение всей войны благодаря значительным подкреплениям. Советское превосходство в боевой технике и боеприпасах являлось неоспоримым, но на стороне обороняющихся были арктическая зима и огромные леса. Лыжные подразделения финнов быстро и эффективно атаковали захватчиков как по флангам, так и с тыла. Чем дольше шла война, тем больше возрастал риск того, что западные державы сдержат свои обещания послать войска на помощь Финляндии. Поэтому Сталин отступил от своего первоначального плана оккупации страны. В феврале 1940 г. Красная Армия начала еще более ожесточенное наступление на Карельском перешейке с целью вынудить финское правительство пойти на скорый мир и значительные уступки: таким образом, советский престиж был бы спасен.

Теперь позиции финнов на Карельском перешейке ослабли. Резко возросло количество погибших. Резервы были совершенно истощены. В начале марта Красная Армия достигла восточных пригородов Выборга. В этой ситуации финское правительство принялось зондировать почву для мирных переговоров с Москвой, хотя минимальные требования СССР сводились к передаче всей Карелии и сдаче Советскому Союзу в аренду мыса Ханко для устройства военной базы. Параллельно с этим продолжались переговоры с западными державами, планировавшими

замаскировать свою оккупацию шведских рудных месторождений в Норланде под военную помощь, оказываемую Финляндии. Из Швеции Германия ввозила наибольшую часть потребляемой железной руды, поэтому Берлин, со своей стороны, призывал финское правительство согласиться на советские требования. Германия все еще была союзницей СССР, но за кулисами немцы уже дали понять финскому правительству, что утраченные в ходе Зимней войны территории будут возвращены Финляндии с лихвой — после того, как Германия завоюет и разгромит Советский Союз.

Тринадцатого марта 1940 г. правительство Финляндии подписало в Москве мирный договор, который удовлетворял советским требованиям по всем существенным пунктам. Полуостров Ханко сдавался в аренду на 30 лет для создания советской военно-морской базы. Неслучайным был тот факт, что новая государственная граница в целом следовала границе, проведенной по Ништадтскому миру 1721 г. Еще осенью 1939 г. Сталин указывал, что, по мнению его генералов, безопасность города на Неве требовала возвращения к границе времен Петра Великого. Как СССР, так и Финляндия воспринимали этот мирный договор лишь как временное решение. В своей речи в парламенте сразу после заключения мира премьер-министр Рюти подчеркнул, что труд по восстановлению страны должен «вершиться с мечом в одной руке и мастерком каменщика — в другой».

Такого же мнения придерживался и Маннергейм, слова которого имели наибольший вес, когда было решено склониться перед советскими требованиями.

Бои, продолжавшиеся более трех месяцев, обошлись Финляндии почти в 24 тыс. жизней. Потери ранеными превысили 43 тыс. человек. Наибольшую часть (66 тыс.) всех потерь составили солдаты-фронтовики — а значит, армии удалось хорошо защитить гражданское население. Потери противника были во много раз больше. По некоторым подсчетам, в войне погибло более 131 тыс. советских солдат, а 325 тыс. было ранено. К мрачным итогам войны следует добавить также эвакуацию почти 400 тыс. гражданских лиц из Карелии и с полуострова Ханко. Положение последних улучшилось летом 1940 г. с принятием закона об ускоренной колонизации, который дал эвакуированным земледельцам право получить новую землю.

Как Рюти, так и Маннергейм были в основе своей англофилами. Однако, Зимняя война продемонстрировала, что, когда речь идет лишь о независимости Финляндии, ни западные державы, ни Швеция ей на выручку в военной сфере не придут. Этот вывод имел далеко идущие последствия для финской внешней политики — как в последующие военные годы, так и в течение всего послевоенного периода. Законность и мораль отнюдь не гарантировали маленькому государству национального суверенитета. Из-за своего геополитического положения и непосредственной близости к Ленинграду Финляндия в конце концов не могла сохранить свою независимость кроме как путем альянса с одной из великих держав Балтийского региона. По мере массированного наступления немецких войск в различных частях Европы финское руководство весной и летом 1940 г. принялось обсуждать возможность получения какой-либо поддержки со стороны Германии.

В реальности никаких разумных альтернатив не было. После того как немцы оккупировали Данию и Норвегию, британская поддержка стала невозможной. Оборонительный пакт Финляндии со Швецией не одобрили бы ни Москва, ни Берлин. Кроме всего прочего, Финляндия не хотела судьбы, постигшей Прибалтийские государства, которые летом 1940 г. были насильственно присоединены к СССР, — акт, за которым тут же последовали массовые депортации местного населения в Сибирь. Одновременно Москва ужесточила требования к Финляндии. Поэтому, когда немецкое командование в августе 1940 г. запросило Финляндию о возможностях переброски через ее территорию своих войск в Северную Норвегию, эта просьба была немедленно удовлетворена — в частности, потому, что взамен Германия обещала продавать Финляндии оружие.

В течение осени германско-финляндские связи укрепились, а в декабре 1940 г. они завершились конфиденциальным предложением немцев Финляндии участвовать в операции «Барбаросса» — великом «крестовом походе» Гитлера против Советского Союза. Зная, что Финляндия опасается угрозы со стороны СССР, Гитлер рассчитывал, что государственное руководство Финляндии будет готово вести военные действия на северных флангах. К тому же Германия хотела гарантировать себе регулярные поставки из финских никелевых шахт, расположенных в Петсамо.

Финское государство приняло предложение немцев. Этому решению способствовали не одни лишь уроки Зимней войны. Была получена информация о том, что Гитлер в ноябре 1940 г. отклонил запрос советского наркома иностранных дел Молотова о санкционировании Германией окончательного завоевания Финляндии Советским Союзом. В январе 1941 г. казалось, что шансы Германии выйти победительницей из войны с СССР велики. Многие говорят о том, что Маннергейм и избранный в декабре 1940 г. президент Рюти также взвешивали вероятность исхода, подобного итогу Первой мировой войны. Сначала Германия разгромила бы СССР, но затем западные державы, в свою очередь, разбили бы Германию — особенно учитывая военный потенциал США, который на тот момент был еще вообще не израсходован. В любом случае финское руководство надеялось, что Финляндия сможет получить обратно утраченные территории и навсегда избавиться от большевистского восточного соседа. В пору наивысшего оптимизма государственное руководство Финляндии мечтало о завоевании земель в советской Карелии, а также на Кольском полуострове.

Амбивалентный соратник

В январе 1941 г. в обстановке глубокой секретности были выработаны направления германско-финляндского сотрудничества для крупномасштабного наступления на восток. Немцы должны были наступать из северной половины Финляндии. Взамен финское военное командование обязалось развить через некоторое время наступление как на Карельском перешейке, так и к северу от Ладожского озера, в направлении на Свирь. Там финны собирались соединиться с наступавшими с юга немецкими братьями по оружию, которые также должны были взять Ленинград. Вся операция собиралась закончить не позднее осени 1941 г. В результате всеохватывающей координации вооруженных сил обеих стран в Финляндии была проведена всеобщая мобилизация армии, которая завершилась за двенадцать дней до объявления Германией войны СССР 22 июня 1941 г. На этот раз боеготовность финской армии находилась на высоте: усовершенствована организация армии, благодаря крупным закупкам вооружений вдвое возросла ее огневая мощь, а личный состав теперь насчитывал более полутора миллиона человек.

Однако в течение всей войны правительство Финляндии последовательно отказывалось заключать с Германией политический договор. Во-первых, он был невозможен по внутривнутриполитическим причинам. Общественное мнение явно оценило наступление «оттепели» в финляндско-германских отношениях осенью 1940 г.: люди понимали, что это уменьшит риск советского вторжения. В то же время демократические учреждения Финляндии уже пустили такие глубокие корни в обществе, что как народу, так и элите страны политическая система и культура Германии были совершенно чужды. Так, поддержка избирателями единственной фашистской партии Финляндии была на выборах в парламент 1939 г. совершенно незначительной. Во-вторых, против открытого альянса с Германией говорил также ряд факторов внешней политики. Независимо от исхода войны подобный альянс серьезно затруднил бы развитие долгосрочных отношений Финляндии со Скандинавскими странами, а также с западными государствами, включая Соединенные Штаты.

Поэтому в отношении правительства Финляндии к братству по оружию с Германией постоянно присутствовала двойственность, что не мешало, однако, военному сотрудничеству как таковому развиваться весьма эффективно и последовательно. Уже в начале июня 1941 г. шесть немецких дивизий (численностью около 90 тыс. человек) заняли свои позиции на севере Финляндии. Одновременно с этим аэродромы страны стали использоваться силами люфтваффе. За день до начала войны немецкие подводные лодки по согласованию с финскими военно-морскими силами поставили мины вокруг советских военно-морских баз в Эстонии. Само начало войны также шло по плану. Финская армия начала свое наступление лишь после того, как советская авиация осуществила крупные бомбежки Южной Финляндии и финское правительство констатировало, что страна вновь находится в состоянии войны. Целью правительства было замаскировать участие Финляндии в наступательной войне под оборонительную борьбу. Однако в своей первой после начала войны речи по радио президент Рюти говорил то о «нашей собственной оборонительной войне», то о ведении Финляндией войны с участием победоносных сил «Великой Германии» «на нашей стороне».

Пару недель спустя, когда немецкое наступление приблизилось к Ленинграду, финны начали атаковать на нескольких участ-

ках фронта. Эта война с самого начала воспринималась в Финляндии как продолжение Зимней войны — и потому получила название Война-продолжение. Одновременное наступление немцев в Прибалтике и Лапландии ставило советские войска в очень трудное положение. После пяти месяцев успешных боевых действий финская армия смогла укрепиться на тех позициях, которые на востоке находились в нескольких сотнях километров от государственной границы 1939 г., — такое положение оставалось неизменным вплоть до конца весны 1944 г. Однако военные успехи давались высокой ценой. Погибло более 25 тыс. человек. Зимой 1941/42 г. наступил тяжелый продовольственный кризис, поскольку к длительной войне страна не готовилась.

Таким образом, армия Финляндии исполнила свое обещание, данное немцам, но последним, несмотря на все усилия, не удалось захватить Ленинград. Немцы неоднократно пытались заставить финнов участвовать в операциях против Ленинграда, но Маннергейм всякий раз отклонял эти предложения, ссылаясь на недостаточную огневую мощь и нехватку личного состава. В реальности причиной отказа было стремление финского военного и государственного руководства не раздражать западных союзников СССР, которые через дипломатические каналы требовали от Финляндии прекращения наступления и выхода из войны. Равновесие удержать не удалось: в начале декабря 1941 г. правительство Великобритании объявило Финляндии войну, потому что финны из стратегических соображений не могли официально заявить, что их наступление фактически уже прекратилось.

На следующий день, 7 декабря 1941 г., после объявления англичанами войны Финляндии японцы атаковали Пёрл-Харбор. Это тут же изменило весь ход мировой войны: вслед за японцами немцы сразу объявили войну Соединенным Штатам. Вступление Америки в войну привело к решающему перераспределению сил на различных фронтах. Японцы направили оружие как против американцев, так и против Юго-Восточной Азии. Это дало СССР шанс переместить двадцать своих дивизий из Азии на европейский фронт и начать мощное контрнаступление, которое в январе 1942 г. усилилось, в частности, на финском фронте.

Финляндии удалось избежать объявления войны со стороны США — в основном благодаря тому, что финны сознательно не перерезали Мурманскую железную дорогу, по которой значи-

тельная часть военной помощи от западных союзников транспортировалась в СССР. В основе этого лежало также расположение со стороны США, которое Финляндия снискала в середине Зимней войны, когда страна выплатила последнюю часть займа, взятого у Америки в 1919 г. Поэтому Вашингтон отнесся с определенным пониманием к формулировке финского правительства о том, что страна якобы ведет сепаратную оборонительную войну против СССР. Отрицать военный союз между Финляндией и Германией было невозможно, но финны прилагали все усилия, чтобы убедить своих скандинавских соседей и западные державы в том, что этот альянс продиктован жестокой необходимостью.

Отношение финских фронтовиков и тружеников тыла к военному альянсу с Германией было более прагматичным. Они скептически воспринимали официальную пропаганду, подчеркивавшую обособленный характер войны: ведь было совершенно очевидно, что как армия, так и гражданское население сильно зависели от материальной помощи немцев и их военной поддержки. Долгая позиционная война уже давно находилась в центре внимания общественности, и в каждой семье рано или поздно кто-то должен был пасть жертвой войны. Война привела к ускоренной мобилизации женской рабочей силы. Более 160 тыс. женщин стали так называемыми лоттами*, помогая организовать оборону. Многие виды мужских работ теперь выполнялись женщинами, поскольку мужчины ушли на фронт. Погибших отвозили домой и хоронили на местных церковных кладбищах. Раненым и инвалидам предоставляли уход и отдых. Из-за нехватки продовольствия и военной угрозы десятки тысяч детей были эвакуированы в Швецию. В 1939 — 1946 гг. в общей сложности более 60 тыс. детей из Финляндии находились на воспитании в приемных семьях повсеместно в Швеции.

Когда зимой 1942/43 г. военная удача отвернулась от Германии, государственное руководство Финляндии начало подготовку к ликвидации альянса и к мирным переговорам с СССР. Однако это было легче сказать, чем сделать. Германия продолжала держать в тисках как Финляндию, так и весь Балтийский регион вплоть до зимы 1943/44 г., когда Красной Армии удалось снять

* То есть членами военизированной женской организации «Лотта Свярд» (финск. *Lotta Svärd*). — Примеч. ред.

блокаду Ленинграда. Несмотря на военную цензуру, общественное мнение Финляндии выражало поддержку антигерманских западных стран. Летом 1943 г. общественность Финляндии выразила надежду, что правительство усилит свои попытки вывести страну из войны великих держав. На подобные высказывания Германия реагировала с большим раздражением, поэтому зондирование почвы для мирных переговоров с СССР началось лишь в конце зимы 1943/44 г., когда положение стало еще более угрожающим — в том числе и для Финляндии.

В декабре 1943 г. главы государств антигитлеровской коалиции встретились в Тегеране, чтобы наметить основные направления окончания войны. По инициативе Соединенных Штатов рассматривался также вопрос о будущем Финляндии. Стороны сошлись на том, что страна может остаться суверенным государством, если согласится на восстановление границ 1940 г. и прервет связи с Германией. Кроме того, Финляндия должна была отказаться от области Петсамо или от полуострова Ханко, а также выплатить Советскому Союзу крупные репарации. Те же самые требования начиная с ноября 1941 г. предъявляла Финляндии Москва. Чтобы сделать финское правительство более податливым, Советский Союз 6, 16 и 26 февраля 1944 г. предпринял три обширные бомбардировки Хельсинки.

Нанесенный ими ущерб был незначителен, так как точность бомбометания советской авиации была низка, а противовоздушная оборона столицы была оснащена новейшим немецким оборудованием. И все же советские бомбардировки достигли желаемого эффекта. В марте 1944 г. в Москве начались предварительные переговоры о мире — впрочем, скоро прерванные из-за того, что финское правительство считало себя не в состоянии удовлетворить советские требования репараций в размере 600 млн долларов, а также ускоренного вывода немецких частей из Финляндии. Германия все еще считалась слишком сильной. Поэтому финское государственное руководство во главе с Маннергеймом решило дожидаться высадки союзников СССР на Западе, надеясь, что после этого давление на Финляндию уменьшится, а затем откроются перспективы более приемлемого мира.

Эти финские грезы развеялись через несколько дней после начала высадки антигитлеровских союзных войск в Нормандии. Сталин принял решение принудить Финляндию к сепаратному миру, прежде чем начнется гонка по взятию Берлина. Девятого

июня началось массированное наступление на Карельском перешейке. В результате финские войска вынуждены были в довольно хаотическом порядке отступить на новые позиции к северу и к западу от Выборга, который был 20 июня 1944 г. занят Красной Армией. На этом линия фронта застыла, что объяснялось не только ростом финского сопротивления, но и тем, что Красная Армия стала готовиться к другим наступлениям в Прибалтике и Белоруссии. К весне 1944 г. Гитлер прервал было поставки вооружений в Финляндию, но затем, вняв мольбам финнов о помощи, приказал в ускоренном порядке отправить в страну боевые самолеты, войска и бронетехнику. Это усилило финскую оборону.

В благодарность за помощь Рюти лично заверил немцев, что ни один член его правительства не будет вести мирные переговоры с СССР. Это заверение, однако, президент давал «скрестив пальцы». После того как в середине июля 1944 г. положение на фронте стабилизировалось, началось новое, еще более секретное зондирование почвы в отношениях с Москвой. Следующий шаг был предпринят Маннергеймом, сменившим ушедшего в отставку Рюти на посту президента.

Сначала Маннергейм известил Гитлера о том, что не считает себя связанным обещанием, которое дал ему бывший президент Рюти. Затем Финляндия согласилась на предварительные условия мира с Москвой. Наконец, 4 сентября вступило в силу перемирие, соглашение о котором было подписано две недели спустя — 19 сентября 1944 г.

Это соглашение не очень существенно отличалось от первоначальных условий Москвы в вопросе заключения мира. Практически оно оставалось в силе вплоть до подписания в 1947 г. окончательного мирного договора между Финляндией и антигитлеровской коалицией на европейской мирной конференции в Париже. В итоге границы вернулись к рубежам 1940 г. К тому же Финляндия утратила область Петсамо, игравшую значимую роль в экономике страны благодаря своим никелевым шахтам и незамерзающим гаваням. Размер репараций уменьшился вдвое, составив 300 млн долларов, но зато полуостров Поркала-Удд, расположенный всего лишь в 30 км от Хельсинки, был сдан в аренду Советскому Союзу под военную базу. В довершение всего бывшие соратники Финляндии подлежали незамедлительному разоружению или изгнанию из страны, что привело к настоящей войне с немцами в Лапландии зимой 1944/45 г.

Для молодой республики как Зимняя война, так и Война-продолжение стали настоящим испытанием на прочность. Из-за своей близости к России и к городу на Неве Финляндия вновь оказалась втянутой в вооруженный конфликт. На этот раз погибло в общей сложности 94 тыс. жителей страны (из них 70 тыс. в 1941 — 1945 гг.). В отличие от предыдущих: Финляндия, в отличие от всех остальных воюющих малых государств Европы, так и не была оккупирована. Поэтому, несмотря на военный альянс с Германией, руководство Финляндии в течение всей войны смогло сохранить за собой право решения важных для республики вопросов. Ее гражданское население много страдало как в течение войны, так и после нее, но по сравнению с населением многих других охваченных войной государств финны необыкновенно легко отделались — в конечном счете благодаря тому, что призывная армия страны, несмотря на военные потери, с честью выполнила свою функцию. Финляндия была уменьшена и изуродована — но осталась независимой.

8. Благосостояние и нейтралитет

Послевоенное развитие финского общества характеризовалось в первую очередь двумя факторами — построением государства всеобщего благосостояния и новой политикой республики на Востоке. Во многом эти два фактора были взаимосвязаны. Создание современного общества всеобщего благосостояния и достижение социального равенства предполагали не только быстрый экономический прирост, но и стабильность в политике — как во внутренней, так и внешней. Подобная стабильность была достигнута частично благодаря тому, что государственное руководство страны стало принимать активные меры по уменьшению недоверия между Финляндией и СССР, частично путем медленного и трудного достижения внутривнутриполитического консенсуса, расчистившего путь крупным капиталовложениям в развитие общества, а также социальному перераспределению доходов. Центральной, но многими осуждаемой фигурой, стоявшей за этими политическими превращениями, был Урхо Калева Кекконен, находившийся на посту президента страны в течение двадцати пяти лет. Быстрые структурные трансформации повлияли не только на социальный состав Финляндии, ее экономику и общественность. Коренным образом изменилась также материальная и духовная культура страны. За несколько десятилетий быт и образ жизни финнов совершенно преобразились.

В тени «холодной войны»

В соответствии с соглашением о перемирии 1944 г. Финляндия попала в зону действия Союзной Контрольной Комиссии, которая следила за воплощением пунктов соглашения в жизнь. В действительности этой комиссией управляла Москва. Ее председателем был избран генерал-полковник Андрей Жданов, которого называли «правой рукой Сталина». В 30-х годах по приказу Жданова в Советском Союзе производились массовые расстрелы, а в 1940 г. он руководил рядом жестоких мер по советизации Эстонии. Для Финляндии поворот от военного альянса с Германией к перемирию под эгидой СССР был, несомненно, крутым. Уже в середине сентября 1944 г. бывшие соратники направили оружие друг против друга на льду Финского залива. В последующие осенние месяцы в финской Лапландии велась война против немецких войск, которые, отступая в Норвегию, уничтожили большую часть лапландской инфраструктуры и застройки. Другим обязательством, которое должна была выполнять Финляндия, стали поставки в Советский Союз товаров в качестве возмещения военного ущерба. Поставки начались в декабре 1944 г. и продолжались до осени 1952 г.

Параллельно с этим происходили большие перемены в политической жизни Финляндии. Было закрыто более 400 объединений и организаций по причине их антисоветского или фашиствующего характера. В тот день, когда были распущены военизированные подразделения шюцкора, 30 октября 1944 г., состоялась регистрация Коммунистической партии Финляндии. У многих последнее обстоятельство вызвало подозрения относительно возможной советизации страны — особенно учитывая то, что призывная армия Финляндии, в соответствии с соглашением о перемирии, вскоре переводилась на мирное положение. Семидесятисемилетний Маннергейм остался на президентском посту в качестве символической фигуры и действующего главнокомандующего, но исполнительная власть перешла к Ю.К. Паасикиви, который был на три года моложе Маннергейма. В ноябре 1944 г. Паасикиви стал премьер-министром, возглавив широкое коалиционное правительство, и вскоре преуспел в создании действенного сотрудничества с контрольной комиссией.

Несмотря на это, период 1945—1948 гг. оказался бурным для внутренней политики Финляндии. Весной 1945 г. состоялись выборы в парламент, причем представители крайне левых во главе

с коммунистами завоевали без малого 25% голосов. Это дало им место в правительстве и хорошие возможности ускорить суд над членами правительства военного времени, которых коммунисты считали основными виновниками Войны-продолжения. Однако первой причиной процесса зимой 1945/46 г. над виновниками войны было соглашение союзных великих держав о предании суду руководства побежденных государств. В Токио и Нюрнберге политические судебные процессы закончились вынесением большого количества смертных приговоров. В Хельсинки эти карательные меры, продиктованные внешнеполитической необходимостью, привели к вынесению значительно более мягких приговоров. Восьмерых членов правительства военного времени приговорили к тюремному заключению, но сроки были постепенно сокращены. Уже в мае 1949 г. вышел на свободу бывший президент страны Ристо Рюти — последний из тех, кто считался виновниками войны.

Как это стало возможно? Советизации Финляндия избежала в большой степени благодаря тому, что страна не была оккупирована в годы войны. Однако почти столь же весомой причиной стало то, что коммунисты Финляндии, несмотря на свои выгодные позиции в политике в 1945 — 1948 гг., так и не смогли осуществить смену режима. Остальные партии во главе с социал-демократами эффективно противодействовали попыткам коммунистов подчинить себе полицию и государственное управление. К тому же Советский Союз был чрезвычайно заинтересован в получении военных репараций, и поэтому советские делегаты — члены контрольной комиссии сотрудничали не только с коммунистами, но и с другими финскими партиями, представленными в правительстве. Оккупация Финляндии была бы слишком рискованной и дорогостоящей. В те времена Кремль направлял свою энергию на превращение восточной части Центральной Европы в постоянную буферную зону на границе с западными державами.

Когда договор о мире полностью вступил в силу в сентябре 1947 г., а члены Союзной Контрольной Комиссии разъехались по домам, положение в Финляндии совершенно переменялось. Европа уже начала распадаться на два враждебных друг другу военных лагеря, между которыми возникла «серая зона» из немногочисленных нейтральных государств. Поскольку в глазах Сталина нейтралитет не являлся существенной альтернативой, он настаивал на заключении между Финляндией и СССР соглашения, которое поме-

шало бы Финляндии присоединиться к западному лагерю и к НАТО. После получения достаточных гарантий того, что подобное соглашение не втянет Финляндию в восточный блок, Паасикиви, который в 1946 г. был избран президентом, согласился в апреле 1948 г. подписать Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Финское государство обязывалось отразить любую военную агрессию, направленную на Финляндию или на СССР через финскую территорию «со стороны Германии или любого союзного с ней государства». Однако обе договаривающиеся стороны должны были констатировать, что Финляндия нуждается в советской поддержке. Это помешало бы Москве послать Красную Армию в Финляндию без предварительных переговоров. Согласно тексту договора, Финляндия теперь стремилась «оставаться в стороне от противоречий между интересами великих держав».

Тем не менее многие представители западного лагеря восприняли этот договор как роковую уступку со стороны Финляндии. Они опасались, что он приблизит Финляндию к восточному блоку. Пункты, касавшиеся военной сферы, естественно, ограничивали возможности Финляндии проводить столь же нейтральную политику, как Швейцария или Швеция. В то же время опыт двух мировых войн явственно продемонстрировал, что отношения Финляндии с восточным соседом могут стабилизироваться, только если Финляндии удастся убедить Советский Союз в том, что страна больше никогда не станет стратегическим предмостьем на пути в Ленинград. По взглядам трезво мыслящего политика Паасикиви, интерес Москвы к Финляндии диктовался в первую очередь соображениями обороны и безопасности. Если пойти навстречу этим требованиям, вполне возможно было достигнуть конструктивного и стабильного добрососедства.

Паасикиви оказался прав, хотя по историческим причинам в официозных лозунгах о взаимном доверии и дружбе между Финляндией и СССР всегда присутствовал налет фальши. В эпоху «холодной войны» срок действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи периодически продлевался (в 1955, 1970 и 1983 гг.). Для внешней и внутренней политики Финляндии Договор был настолько важен, что его почти с полным правом можно было назвать приложением к форме государственного правления страны. Он также давал определенную свободу действий во внутренней политике. Коммунисты больше не могли претендовать на роль единственного гаранта добрых отношений республики

с социалистическим лагерем. После того как предвыборный блок коммунистов всерьез проиграл парламентские выборы летом 1948 г., было образовано социал-демократическое «правительство меньшинства». Это правительство проворно вычистило коммунистические элементы из государственного аппарата и укрепило связи республики со Скандинавией и с Западной Европой.

Коммунисты перешли в бурное контрнаступление через профсоюзную сеть, но к началу 50-х годов они были настолько маргинализированы, что реальная борьба за гегемонию во внутренней политике теперь велась между двумя крупнейшими партиями — социал-демократами и Аграрным союзом. В борьбе за власть эти два лагеря опирались, в частности, на поддержку из-за границы — факт, вызывающий невольные ассоциации с закулисной игрой «шляп» и «колпаков» с Францией и Россией в соединенном королевстве Швеции и Финляндии второй половины XVIII столетия. В то время как финские социал-демократы получали поддержку от братских партий Скандинавии и Западной Европы, лидер аграриев Урхо Калева Кекконен, в свою очередь, успешно убеждал Москву в том, что именно он является лучшим гарантом реальной верности Финляндии Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с СССР. Такое причудливое идеологическое созвездие возникло потому, что социал-демократы представлялись предателями классовых интересов как в глазах собственных коммунистов, так и в глазах Москвы — которая по этой причине охотнее сотрудничала с финскими аграриями, проявлявшими гибкость в отношениях с социалистическим блоком. Соответственно правое политическое крыло Финляндии (прежде всего Национальная коалиционная партия) легче находило общий язык с прозападно настроенными социал-демократами.

Наиболее драматичным испытанием соотношения внутривнутриполитических сил стали выборы 1956 г., где большинством в один избирательный голос (151 против 149) Кекконен был избран новым президентом. Это немедленно ввергло страну в масштабную забастовку, а в дальнейшем также затруднило проведение конструктивной внутренней политики. Противники Кекконена делали все возможное для создания широкой коалиции, которая пыталась помешать его переизбранию в 1962 г. Недоверие к Кекконену было вызвано прежде всего тем, что его лояльность по отношению к Москве выходила за рамки необходимости и была продиктована желанием заручиться советской поддержкой в борьбе за пост президента. Как под-

твердили впоследствии исследователи, еще осенью 1944 г. Кекконен завязал тесные контакты с советскими разведывательными органами, тем самым успешно претворяя в жизнь свои цели.

Дело осложнялось тем, что эта необычная и зачастую двусмысленная политическая игра была очень благоприятна для экономики Финляндии и, таким образом, для ее населения. Весной 1950 г. Кекконен в качестве новоиспеченного премьер-министра получил возможность подписать в Москве пятилетний договор о торговых связях, чрезвычайно выгодный Финляндии. Спустя пять лет, во многом благодаря доверительным отношениям Кекконена с новым советским руководителем Никитой Хрущевым, Москва наконец позволила Финляндии вступить как в ООН, так и в Северный совет. Таким образом страна обрела совершенно новые возможности для выражения государственного суверенитета и своего стремления держаться в стороне от конфликтов сверхдержав — до тех пор, пока это происходило в рамках Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с СССР.

Путь Кекконена к президентскому креслу был облегчен тем, что СССР осенью 1955 г. решил отказаться от своей военной базы на полуострове Поркала-Удд. На вооружении сверхдержав теперь находились ядерные боеголовки и реактивные самолеты, радиус действия которых постоянно возрастал. Поэтому база потеряла свое значение для обороны Ленинграда. Ликвидация базы была вызвана также рядом крупных перемен в международной политике безопасности. Весной 1955 г. ФРГ присоединилась к НАТО. В ответ на это Советский Союз со своими государствами-сателлитами основал организацию стран Варшавского договора. Эти два военных лагеря смогли договориться о выводе своих войск из Австрии, сделав ее нейтральным государством, что побудило Хрущева предложить сверхдержавам отказаться от всех своих заграничных баз. Возвращение Финляндии Поркала-Удда, таким образом, было звеном в международной кампании, хотя Москва не возражала против того, чтобы ликвидация этой базы одновременно укрепила репутацию Кекконена как политика, искусного в отношениях с соцлагерем.

Накануне президентских выборов 1962 г. случилось нечто противоположное: внутренняя политика Финляндии вызвала реакцию со стороны СССР. Весной 1961 г. противники Кекконена выдвинули альтернативного кандидата в президенты. Им стал канцлер юстиции Олави Хонка. В конце осени того же года он снял свою кандидатуру после вмешательства Советского Союза, направившего

в Финляндию ноту, в которой косвенно поддерживалась кандидатура Кекконена. Растущая роль ФРГ в НАТО, по мнению Москвы, предполагала военные консультации — в соответствии с финляндско-советским Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Эти события происходили на фоне второго берлинского кризиса. За несколько месяцев до того была возведена Берлинская стена, и в политике сверхдержав начались серьезные трения. Однако при обсуждении вопроса о ноте советский министр иностранных дел Андрей Громыко дал финнам понять, что причины ноты коренились прежде всего в беспокойстве СССР по поводу появления в Финляндии политической группировки, стремившейся изменить господствующий внешнеполитический курс страны.

Кекконен в полной мере воспользовался «нотным кризисом». Он распустил парламент под предлогом того, что народ должен высказать свое мнение о порядке осуществления отношений Финляндии с блоком соцстран. При этом Кекконен имел тайную мысль вызвать раскол внутри поддерживавшей Хонку группировки непосредственно перед президентскими выборами. Десять дней спустя, 24 ноября 1961 г., во время встречи Кекконена с Хрущевым в Новосибирске (по поводу последствий ноты), тревога в Финляндии достигла таких масштабов, что Хонка отступился от дальнейших действий. Кекконен вернулся домой с радостной вестью о том, что СССР отказался от своих требований о военных консультациях: советские лидеры доверяли способности Кекконена неукоснительно следовать Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В итоге бывшие члены группы поддержки Хонки боязливо перешли на сторону Кекконена и поддержали его кандидатуру.

Неудивительно, что Кекконен подавляющим большинством голосов был вновь избран президентом. По тем же причинам его еще трижды переизбирали, при отсутствии серьезных альтернативных кандидатов — в 1968, 1974 и 1978 гг. Все осознавали, что у Кекконена имелся непревзойденный козырь: поддержка Москвы. Плюсом в этой ситуации было эффективное подавление внутриполитической борьбы за власть. Ситуация также расчистила путь широким правительственным коалициям. Теперь, когда политика Финляндии на Востоке была стабильной, страна могла проводить активную дипломатическую линию также по отношению к западным странам и постепенно повысить свой престиж как нейтрального государства. Кекконен, нередко отличавшийся

красноречием, быстро нашел определение этой ситуации — «финляндский парадокс».

В то же время гегемония Кекконена на общественной арене Финляндии отбрасывала длинную тень на политику страны. Усиленный контроль Кекконена над формированием правительства наносил ущерб парламентскому процессу и способствовал тому, что консервативная Национальная коалиционная партия, независимо от ее успехов на выборах, оставалась в течение 1966 — 1987 гг. в оппозиции. Порой далеко заходившее и подозрительное братание Кекконена с Москвой неизбежно вредило репутации Финляндии на Западе. В официальных ситуациях за Финляндией признавались заслуги в политике нейтралитета, но критически настроенная пресса уже в начале 60-х годов ввела в оборот понятие «финляндизация» — в качестве предостерегающего примера конспиративной политики уступок со стороны малого государства.

Независимо от того, была ли эта политика конспиративной или прагматической, не вызывает сомнений тот факт, что дипломатия Кекконена на Востоке давала стране дивиденды как в экономике, так и в плане политики безопасности. Это искренне ценили его соотечественники, которые всего лишь пятнадцать лет назад боролись за свое выживание как нации. Весной 1961 г. Финляндия, благодаря искусным маневрам Кекконена с Москвой, смогла подписать выгодный договор с Европейской ассоциацией свободной торговли (ЕАСТ), состоящей из западноевропейских государств, не присоединившихся к ЕЭС. Это обеспечило финской экспортной промышленности жизненно важные рынки на континенте, заложив также добрую основу для дальнейших договоров и решений по интеграции страны с ЕЭС, Европейским сообществом и, наконец, Европейским союзом.

Структурные преобразования

Нет ничего странного в том, что у большинства жителей Финляндии эра Кекконена ассоциируется с окончательным превращением сельскохозяйственной нации в индустриальное общество. Политическая карьера Кекконена в большой степени совпала с быстрыми структурными изменениями, преобразившими страну в период между окончанием войны и 80-ми годами. Первое послевоенное десятилетие характеризовалось тремя основными задачами: выпла-

той репараций, освоением новых земель, а также восстановлением разрушенного жилищного фонда и инфраструктуры. Выплата военных репараций с поправкой на инфляцию (300 млн долл. превратились в 500) началась в конце зимы 1944/45 г. Поскольку СССР желал получить не менее половины компенсации в виде продуктов металлургической промышленности, речь здесь шла прежде всего о передаче Советскому Союзу старых торговых судов и машин. Однако для выполнения долгосрочных обязательств по крупным поставкам требовались реформы и солидные капиталовложения в металлургическую промышленность Финляндии. Это удалось претворить в жизнь, и с последними поставками по военным репарациям (сентябрь 1952 г.) производительность этой отрасли заметно повысилась — в частности, благодаря судостроению и возросшему производству судов, предназначенных для СССР.

Одновременно с этим Финляндия и СССР начиная с 1947 г. заключили крупный клиринговый договор, который представлял собой современную форму товарообмена. Сначала правительства сторон договорились об общем объеме и стоимости торговли. Затем финляндские и советские предприятия заключили контракты. Учет поставок велся соответствующими органами администрации и сводился к тому, что предприятиям платил центральный банк их собственной страны. Система сложилась окончательно в 1950 г. в результате заключения клирингового договора сроком на пять лет, который регулярно обновлялся — вплоть до развала советской экономики в 1990 г. Таким образом, клиринговая торговля составляла прочную основу экономического сотрудничества обоих государств, являясь важным стабилизирующим фактором финляндской экспортной промышленности, а также компенсируя конъюнктурные провалы в экспорте на западные рынки крупными поставками через восточную границу.

Основную долю (около 80%) импорта из Советского Союза до 90-х годов составляла нефть. Металлопродукты оставались важным компонентом в экспорте Финляндии на восточный рынок, но в 70-х годах республика также осуществила крупные строительные проекты в СССР. Было построено три больших промышленных комплекса в советской Карелии и ряд целых городов-спутников в восточных областях России и в Западной Сибири. В 80-х годах более половины стоимости финского экспорта на восточный рынок составляли потребительские товары, но здесь важно подчеркнуть, что в период «холодной войны» торговля с СССР

никогда не занимала главенствующего положения во внешней торговле Финляндии. В течение всего этого периода продукты лесной промышленности явно оставались первейшим предметом экспорта страны, а ее рынки сбыта находились, как и прежде, в Западной Европе и Соединенных Штатах. Приблизительно 70% всей внешней торговли в 1950 — 1980 гг. приходилось на государства — члены ЕЭС и ЕАСТ, в результате чего Финляндия, несмотря на свои контакты с СССР в сфере политики безопасности, оставалась в экономическом плане связанной с Западной Европой.

Вплоть до начала 90-х годов такой расклад давал дивиденды в форме быстрого и почти непрерывного экономического прироста. Среднестатистические доходы трудящихся увеличились в 1948 — 1979 гг. более чем вдвое. Годовой валовой национальный продукт возрастал быстрее, чем в большинстве других западноевропейских стран, и к концу 70-х Финляндия вошла в треть богатейших государств Европы. Этому взлету, безусловно, способствовала поздняя индустриализация страны, позволившая незамедлительно внедрить высокоавтоматизированную технологию. В противоположность ранним индустриализированным обществам, где промышленные рабочие подчас составляли более половины всего профессионально занятого населения, в Финляндии так и не сформировался доминирующий класс промышленных рабочих. Многие работники из традиционных отраслей шли напрямую в сферу обслуживания.

Столь крупному шагу вперед способствовала, как ни парадоксально, масштабная земельная реформа 40-х годов XX в., преследовавшая как социальные, так и политические цели. В результате войны и территориальных потерь было эвакуировано около 420 тыс. человек, из которых более 230 тыс. являлись членами крестьянских семейств. Поэтому в период 1945 — 1947 гг. государственное руководство приняло серьезные меры к обеспечению этих крестьян земель путем освоения новых земель и законодательной передачи земель в собственность. В итоге заметно увеличился ареал возделываемой пашни страны, а в Южной Финляндии также сократилась среднестатистическая площадь крестьянского хозяйства — с 14 до 11 гектаров. Земельная реформа способствовала развитию занятости в деревне. Она сильно тормозила переселение в города, тем самым препятствуя также увеличению безработицы и острых социальных противоречий в разоренной войной стране.

Однако в 50-х годах урбанизация в Финляндии началась усиленными темпами. В результате механизации сельского и лесного хозяйства все большая часть молодежи стремилась в города и промышленные поселки в поисках работы и возможностей для получения образования. Количество тракторов в 50-х годах возросло в 7 раз (с 14,5 тыс. до 106 тыс.). В лесном хозяйстве на смену топору и ручной пиле все чаще приходила мотопила. Теперь также мелкие земледельцы получили экономическую возможность приобрести трактор, из-за чего резко уменьшилась численность лошадей и потребность в сенных кормах. Кроме того, более доступными стали сильные корма и искусственные удобрения. Все это привело к тому, что в начале 60-х годов Финляндия полностью обеспечивала себя молочными, мясными и зерновыми продуктами.

Наиболее сильно пострадал в годы войны городской жилищный фонд страны. Более 20 тыс. домов было разрушено во время бомбежек. Кроме того, несколько десятков тысяч жилищ утрачено в результате территориальных потерь. Сразу же после войны началось энергичное восстановление фонда, и, когда в 50-х годах урбанизация в стране стала набирать обороты, в наличии имелись как трудовой потенциал, так и капитал. Начиная с 1949 г. государство существенно поддерживало этот процесс посредством выдачи ссуд на приобретение жилья, а также налоговых льгот местным органам управления и предприятиям, которые вкладывали средства в строительство высотных домов. В 1950—1975 гг. ежегодное жилищное строительство возросло с 30 тыс. домов до без малого 77 тыс. За несколько десятилетий обновилась большая часть жилых построек страны.

Новое жилье требовалось, кроме всего прочего, по той простой причине, что Финляндия, как и все остальные европейские страны, пережила вскоре после окончания войны настоящий всплеск рождаемости (так называемый бэби-бум). Еще в 30-х годах рождаемость благодаря экономическому росту медленно повышалась, а после войны она резко увеличилась — на 25%. В наиболее «урожайный» период, 1948—1949 гг., в стране ежегодно появлялось на свет более 105 тыс. новых граждан. Это большое поколение лишь за несколько лет численно возместило ущерб, нанесенный войной народонаселению. В итоге в 1941—1950 гг. в стране наблюдался явный демографический прирост в 330 тыс. человек.

После этого кривая рождаемости медленно пошла вниз, а к концу 60-х массовая эмиграция в Швецию временно привела к уменьшению численности населения. Однако общая тенденция была все же положительной — ведь одновременно с повышением рождаемости понизилась смертность благодаря улучшению здравоохранения и возрастанию благосостояния. В результате за 1944 — 1980 гг. население страны выросло с 3,7 до 4,8 млн жителей. По тем же причинам рост населения продолжался также в 80-х и 90-х годах. К началу нового тысячелетия в Финляндии проживало 5,2 млн человек.

Переселение сельских жителей в города и населенные пункты городского типа приводило к оттоку из деревень работоспособного населения, требовало крупных капиталовложений в развитие городов и способствовало возникновению новых условий жизни для сотен тысяч людей. Наиболее мобильными были, естественно, представители поколения «бэби-бума» 40-х годов, которые в середине 60-х достигли взрослого возраста и благодаря развитию сектора образования получили возможность продолжить свое профессиональное обучение или поступить в высшие учебные заведения. Внутри страны переселение шло в первую очередь из средней и восточной ее частей в столичный регион и прилегающие к нему области. Поскольку большинство переселенцев составляла молодежь, они вскоре создавали семьи и производили на свет детей. Поэтому население провинции Уусимаа в 1951 — 1980 гг. возросло почти на полмиллиона человек. Эта тенденция оставалась неизменной также в последующее десятилетие. В начале XXI в. почти 20% всего населения страны (около 1 млн человек) проживало в столичном регионе.

Растущая географическая мобильность также изменила соотношение языков в Финляндии. Шведоязычное население страны по-прежнему проживало на южном и западном побережье. Именно эти области были наиболее урбанизированными. Урбанизация повлекла за собой увеличение количества смешанных браков, из-за чего финский язык все чаще стал преобладать как в семьях, так и на рабочих местах. С 1940 по 1980 г. число официально зарегистрированных шведоязычных жителей сократилось с 360 тыс. до менее чем 300 тыс. человек — следовательно, за сорок лет доля финляндских шведов в общем народонаселении уменьшилась с почти 10 до чуть более 6%.

Впрочем, это было обусловлено не только распространявшимся финноязычием. Рождаемость среди шведоязычного населения периодически была значительно ниже, чем среди финноязычного.

главные причины этого следует искать в массовой эмиграции молодых финляндских шведов в Швецию. По некоторым расчетам, в 50-х и 60-х годах билет в один конец через Ботнический залив купило до 60 тыс. шведоязычных жителей Финляндии. Шведский язык был родным у каждого пятого финляндского эмигранта в Швеции. Впоследствии уменьшение численности шведоговорящего меньшинства в Финляндии приостановилось, и в начале XXI в. почти 290 тыс. жителей республики были официально зарегистрированы как шведоязычные. Эта стабилизация вызывалась не только прекращением эмиграции в Швецию. Не менее важным было желание все большего числа двуязычных семей сделать ставку именно на шведский язык, а также то, что неизменными остались система образования на шведском языке и культура.

Отток населения в Швецию имел серьезные последствия и для развития финляндского общества в целом. Эмиграция началась сразу после того, как Скандинавские страны заключили в 1954 г. договор о свободе передвижения рабочей силы внутри Скандинавии. В Швеции не хватало рабочих рук. Из-за того что уровень заработков в Швеции часто был вдвое выше, чем в Финляндии, отток финляндских жителей в Швецию вскоре достиг внушительных масштабов — особенно на рубеже 60–70-х годов, когда в Швецию ежегодно перебиралось около 40 тыс. граждан Финляндии. В целом в период 1945–1990 гг. в Швеции было зарегистрировано более полумиллиона эмигрантов из Финляндии. Кроме того, многие работали в Швеции периодами, и поэтому общее число уроженцев Финляндии, когда-либо работавших в Швеции, начиная с 1945 г., согласно расчетам, превышает 700 тыс. человек.

Однако велика была также реэмиграция финляндских граждан. Фактический отток населения в Швецию в вышеупомянутые 45 лет в конце концов остановился на цифре 230 тыс. человек. В любом случае общим последствием этих миграций явилась демографическая и экономическая интеграция обеих стран. В масштабах и структуре этой интеграции прослеживались многие черты сходства с тем взаимодействием, которое существовало между обеими странами до 1809 г., когда они составляли единое государство. В Стокгольме финский вновь стал живым языком, породив своеобразную культуру «шведских финнов», которые создавали в Швеции свои организации и учреждения. Особо привлекательной Швеция была в глазах жителей Эстерботнии и Северной Финляндии. Это наводит на мысль о тесных связях упомянутых

регионов со Стокгольмом и с долиной озера Меларен в эпоху государственного единства обеих стран.

Важным условием массовых миграций населения являлась налаженная транспортная система. По мере увеличения пассажиропотока паромное сообщение между Финляндией и Швецией становилось выгодной отраслью индустрии. Поэтому количество и размеры паромов увеличивались, что также объяснялось тем, что все большее число пассажиров передвигалось на собственных автомобилях. Вначале это были прежде всего финские эмигранты, едущие из Швеции на родину в отпуск, — они хотели похвастаться перед родней своими честно заработанными «вольво» и «саабами». Однако, когда уровень жизни в Финляндии стал приближаться к шведскому, возможность приобрести собственный автомобиль появилась также у многих финнов. В 50-х годах автобус сделался более популярным средством передвижения при коротких поездках, чем поезд, а к началу 60-х годов уже более половины всех перевозок осуществлялось с помощью личного автотранспорта.

И все же настоящий прорыв в этой сфере пришелся на первую половину 60-х: число зарегистрированных автомобилей возросло более чем вдвое (с 258 тыс. до 602 тыс.). Этому прорыву явственно способствовало решение властей отменить регулирование автомобильного импорта (1962). За десять лет частный автомобиль стал предметом обихода почти каждого гражданина. Это во многом способствовало улучшению сообщения между городами и сельскохозяйственными окраинами. Нефтяной кризис 70-х несколько замедлил увеличение парка автомобилей, но общая тенденция к росту все же сохранялась вплоть до начала 90-х, когда в стране насчитывалось более 2,2 млн зарегистрированных единиц подвижного состава. В этом плане Финляндия в большой степени следовала международной тенденции.

С развитием автомобильного транспорта ухудшался внешний вид улиц. Загрязнение атмосферы вызывало протест у экологически и эстетически настроенных членов общества. Большинство жителей все же расценивали процесс роста автомобильной промышленности как положительный, и в конце 50-х годов в Финляндии крупные средства стали выделяться на модернизацию автодорожной сети, а также на строительство автострад. В конце осени 1962 г. в стране появилась первая автострада: была введена в строй четырехрядная автомобильная дорога длиной 15 км из Хельсинки на восток.

Социальное и городское

В конечном счете строительство дорог, как и многие другие крупные капиталовложения общества, было обусловлено стремлением создать функциональное общество всеобщего благосостояния с выравниванием социальных различий.

В аграрном обществе социально обусловленное перераспределение доходов происходило в первую очередь посредством крупных земельных реформ. В индустриальном обществе орудием того же процесса был увеличивающийся прогрессивный налог на доходы. Параллельно с этим государство принимало на себя ответственность за ряд общественнополезных услуг и вводило новые виды социальных пособий. Уже в 30-х годах развитие в этом направлении шло как в Соединенных Штатах, так и в некоторых странах Западной Европы. В Финляндии первый шаг к современной системе социальной защиты был сделан в 1939 г., когда в силу вступил закон о народной пенсии*, но из-за войны пенсия получила экономическую значимость и стала выплачиваться всем пожилым гражданам лишь после 1957 г.

Идея была далеко не нова. Уже в конце XIX в. левые силы в западноевропейской политике требовали всеобщего социального страхования. Однако, до тех пор пока это понятие считалось принадлежностью социалистической общественной системы, сдвиги в сфере соцстраха были малы — особенно после возникновения Советского Союза, который служил сильным отпугивающим фактором. Поворотным пунктом стал экономический кризис 30-х годов. После него государственное руководство осознало, что постоянная система социального страхования в реальности сможет укреплять и стимулировать развитие капитализма, поскольку она смягчает эффект от колебаний конъюнктуры рынка и повышает покупательную способность менее состоятельных граждан, которых в обществе большинство. В Скандинавии ведущим идеологом этого течения был шведский экономист Гуннар Мюрдаль. Похожую аргументацию использовал финский общественвед Пекка Кууси. В своей программной работе «Социальная политика 60-х годов» (1961) Кууси подчеркивал, что крупное перераспределение доходов на деле ускоряет экономический рост.

* Имеется в виду социальная пенсия по возрасту. — *Примеч. пер.*

Политических и моральных аргументов Кууси избегал, но при этом движущей силой финской политики благосостояния был, как и в других европейских странах с рыночной экономикой, скрытый страх перед тем, что социальные противоречия могут привести к открытым общественным конфликтам и в худшем случае кончиться революциями и установлением коммунистического режима под эгидой СССР. В Финляндии этот аргумент приобретал особое значение вследствие соседства с Советским Союзом. Здесь необходимо отметить, что верные Москве финские коммунисты жестко контролировали парламентскую группу крайних левых страны, которых до конца 70-х годов поддерживало целых 20% населения. Это побуждало другие партии предлагать социальные реформы и стремиться к политическим компромиссам.

Наболее интенсивная фаза в создании финского общества всеобщего благосостояния пришлась на период 1950—1980 гг. В это время были проведены в жизнь три крупные группы реформ. Во-первых, введена система обязательного социального страхования. Во-вторых, расширился набор социальных и медицинских услуг общества. В-третьих, коренным образом изменилась структура всей системы образования. Социальное страхование не ограничивалось введением народной пенсии. В течение двух десятилетий, последовавших непосредственно за 1957 г., была также создана всеобъемлющая система трудовых пенсий, размер которых зависел от доходов. Эти пенсии охватывали, в частности, крестьян и предпринимателей. В середине 80-х финансовое положение страны было прочнее, чем когда-либо, и в этот период возрастные границы различных пенсий для лиц, оставляющих трудовую жизнь ранее обычного, снизились до 55—60 лет. Такое решение власти впоследствии оказались вынуждены пересмотреть. Одновременно были осуществлены значительные реформы на рынке рабочей силы, такие, как введение в 1965 г. сорокачасовой рабочей недели, а также улучшение системы выплат по безработице, которые с 1985 г. стали зависеть от доходов.

Со строительством крупных больничных комплексов в различных частях страны началось бурное развитие сферы социальной и медицинской помощи. В 1956 г. они оказались в ведении местного управления. Однако услуги поликлиник остались по-прежнему дорогими, и в 1964 г. для всех трудящихся было введено обязательное медицинское страхование. Система гарантировала медицинские услуги всему населению. В 1972 г. ее дополнил закон о народ-

ном здравоохранении, согласно которому административным районам вменялось в обязанность создание собственных поликлиник. Это заметно улучшило профилактическую медицину. Пособие на ребенка стали выплачивать в 1948 г., а в середине 60-х появилась также выплата пособия матерям в течение одного месяца. В последующие двадцать лет срок выплаты материнского пособия постепенно возрос, достигнув десяти месяцев. Принятый в 1973 г. закон о яслях и детских садах способствовал тому, что за несколько лет удвоилось число финансируемых из местных средств мест в различных детских садах. Это чрезвычайно облегчило положение работающих женщин.

Стандарты системы образования существенно не менялись с конца XIX в., поэтому ее модернизация и бурное развитие сильно повлияли на общество в целом. Народная (то есть начальная) школа уже в 1946 г. стала общей базовой школой для всех детей, но во всем прочем вплоть до введения всеобщего среднего образования (1968) господствовала раздвоенная система, включавшая народную школу, после которой для широких слоев населения существовала средняя «гражданская» школа, а для избранного меньшинства — лицеи. С помощью реформы в сфере среднего образования была создана школьная система, которая предполагала всеобщее равенство и включала всеобщее девятилетнее совместное обучение, а также в целом равные возможности для продолжения образования в лицеях и гимназиях, готовивших к поступлению в университеты и другие высшие учебные заведения.

Реформу провели в жизнь парламентские партии левого толка и «партии середины», сильное влияние на которых оказала аналогичная школьная реформа 50-х годов в Швеции. Коренное изменение школьной системы в Финляндии во многом оправдало надежды, хотя наиболее возвышенные мечты о средней школе как инструменте социального уравнивания не сбылись. В период с 1960 по 1980 г. количество школьников, продолживших образование в гимназиях и лицеях, возросло с 20 до 50%. С переходом большинства частных лицеев страны во владение местных органов управления произошла унификация всех звеньев системы образования. Это облегчило долгосрочное планирование и укрепило чувство социального равенства.

Растущее число лиц, получивших полное среднее образование, увеличило количество поступающих в университеты и в другие высшие учебные заведения. Несмотря на то что система высшего

образования в 60-х и 70-х годах интенсивно развивалась, она не могла обеспечить местами всех оканчивавших гимназии и лицей. Поэтому многие их выпускники вынуждены были сразу идти работать. Основная часть новых мест в высших учебных заведениях создавалась в окрестностях Хельсинки. Еще в 1965 г. половину всех финляндских специалистов с вузовским дипломом составляли выпускники Хельсинкского университета. К началу 90-х их доля снизилась до 20%. В то же время новые вузы в других частях Финляндии выпускали почти 60% дипломированных специалистов.

Город Турку уже в начале 20-х годов XX в. возродил свои университетские традиции. Там были основаны шведоязычный университет Або Академи и финноязычный университет Турун Юлиописто. Затем — университет в городе Оулу (1958). Его значение как центра нововведений для всей Северной Финляндии особенно подчеркивалось в 90-х годах. Менее чем за десять лет в ряде крупных населенных пунктов страны были созданы новые высшие учебные заведения. В итоге в Финляндии, так же как в Швеции и Норвегии, образовалась самая децентрализованная система высшего образования в мире.

Все эти общественные реформы и капиталовложения ускорялись благодаря тому, что урбанизация страны в 1940—1975 гг. шла, вероятно, более быстрыми темпами, чем в любой другой европейской стране. За 35 лет количество людей, занятых в первичном секторе, сократилось с 64 до 14% — цифра головокружительная. В Швеции, где модернизация также шла быстрыми темпами, аналогичный процесс занял почти 70 лет. В реальности это означало, что подавляющее большинство жителей послевоенной Финляндии имело корни в деревне, но проводило основную часть жизни в городах и населенных пунктах городского типа.

Столь стремительные структурные изменения оставили явный след как в материальной культуре населения, так и в повседневной жизни. Планировка новых пригородов была унифицирована. Фасады зданий в пригородах стали безликими. Компании-застройщики, осуществлявшие пригородное строительство, находились под влиянием промышленно-инженерных концессий. Картину дополняли местные инфраструктуры и торговые центры, которые, по мысли плановиков, должны были вводиться в строй одновременно с жилыми новостройками. Ощущение монотонности усугублялось сравнительно одинаковым возрастным составом жителей, а также сходством их рабочих мест и бытовых привычек. Те-

перь повседневная жизнь вращалась вокруг двух- или трехкомнатной квартиры. Продовольствие и другие необходимые товары жители покупали в универсамах. Большинство обитателей пригородов ездило на работу и в школу почти в одни и те же часы.

Тем не менее для большинства жителей Финляндии условия жизни в новых поселках ощутимо способствовали повышению жизненного уровня. Переселенцы из деревни зачастую впервые получили возможность пользоваться водопроводом, центральным отоплением и другими удобствами. Кроме того, магазины располагались поблизости от дома. Те же, кто переезжал сюда из тесных и старых съемных квартир в центре города, ценили простор новых, функциональных жилищ, а также близость к природе. Вначале общение жителей происходило на уровне инициатив, силами неформальных группировок, похожих на формы общения в аграрном деревенском социуме, но постепенно жители втягивались в новые социальные взаимоотношения, вырабатывая новые привычки. Это уменьшило роль социальной сети по месту жительства, одновременно увеличив значение нуклеарной семьи и работы.

Самые разительные перемены произошли в быту женщин. Это было обусловлено улучшением социальных услуг общества, а также общим повышением образовательного уровня женщин до уровня мужчин. В период с 1960 по 1980 г. число работающих матерей семейств удвоилось (с 42 до 79%). С ослаблением экономической зависимости женщин от мужчин изменилась также внутренняя динамика семьи. Теперь все чаще женщина выступала инициатором прекращения неудачных отношений с мужчиной. Другим важным фактором стала сексуальная эмансипация женщин, ускоренная доступом к собственным средствам контрацепции, таким, как противозачаточные таблетки и спираль. Одним из последствий стало сокращение размера семей. Другим последствием явилось то, что все большее число жителей предпочитало различные виды гражданского брака. В 1990 г. такие семьи составляли пятую часть всех финских семей.

Культурная революция

Структурные изменения в материальной и социальной сферах сопровождались переменами в области культуры. В культуре первых послевоенных лет выражалось стремление левых политичес-

ких сил свести счеты с буржуазным истеблишментом. Борьба кончилась тем, что обеим сторонам пришлось уступить. Надежды левых радикалов на появление в культурной жизни совершенно нового направления, которое бы поставило во главу угла демократические ценности и демонстративно отказалось от белой и открыто антисоветской Финляндии военного времени, не оправдались. Большинство жителей страны не считало, что ответственность за втягивание Финляндии в войну и альянс с Германией лежит на самой Финляндии. В то же время в обществе наблюдалась явная готовность очистить литературу и искусство в целом от наиболее националистических мотивов в пользу менее национально окрашенного модернизма.

В очередной раз была предпринята попытка «в Европу прорубить окно». Молодые представители культурной элиты брали за образцы произведения французской литературы — книги Сартра, Камю. Вместе с тем возрастал интерес ученых к англоамериканским теориям и общественным проектам. В 1945 г. писатель Мика Валтари опубликовал исторический роман «Синухе-египтянин» — великое литературное достижение эпохи, в котором иррациональность человеческой природы и преходящий характер идеологий были отражены настолько универсально, что это произведение стало международным бестселлером и было переведено на тридцать языков. В это же время финляндский исследователь Георг Хенрик фон Вригт обрел международное признание за достижения в области современной логики и понятийного анализа в философии.

Однако крупный перелом в общественном сознании послевоенного времени произошел лишь в начале 50-х годов. Репарации были выплачены, знаковые фигуры военной эпохи — Маннергейм и Сталин ушли с арены мировой истории. Финляндия, наконец, стала местом проведения Олимпийских игр. Уже в 1940 г. Хельсинки получил статус принимающего города для планировавшихся летних Олимпийских игр, но их проведению помешала война. Летом 1952 г. игры в Хельсинки отличались образцовой организацией. Национальное самосознание финнов, столь израненное в военную эпоху, получило огромный стимулирующий импульс — в частности, потому, что западная пресса много писала о том, как замечательно страна отстроилась и развилась, а также о том, как мало влияет на повседневную жизнь финнов соседство с Советским Союзом.

Имелись также и другие явные признаки перемены общественного климата. Усилия нового советского руководства по фор-

мированию положительного образа СССР, несомненно, способствовали распространению оптимизма в Финляндии в целом. В середине 50-х годов в стране сложилась динамичная и чрезвычайно доходная массовая культура, которая создала новый имидж Финляндии — страны равноправной и урбанизированной. Судьбоносная солидарность нации военных лет воспитала подлинное единство, преодолевающее классовые различия. Теперь национальные «икон» можно было рассматривать с более спокойных позиций. Осенью 1954 г. Вайнё Линна издал роман «Неизвестный солдат», в котором Война-продолжение была изображена глазами простых солдат-фронтовиков. Роман немедленно завоевал огромную популярность и уже на следующий год был экранизирован, что упрочило его позиции как национального эпоса независимой, современной Финляндии.

Линна явно вдохновлялся отечественными кинокомедиями, в которых нередко добродушно высмеивались классические и просветительские идеалы буржуазной культуры. В основе лежало извечное народное недовольство тем, что общественная элита считает себя вправе управлять вкусами и привычками большинства. Когда подобные настроения принимали форму популярных игровых фильмов с явственными следами влияния американского юмора и романтики вестернов, возникала действенная критика культурного истеблишмента. В 60-х годах дух протеста еще более укрепился. Появилась целая плеяда представителей художественного авангардизма, альтернативных общественных движений и радикального общественного критицизма.

Вначале здесь присутствовало, кроме всего прочего, сильное искушение позлословить в адрес общих «икон» вроде Иисуса и Маннергейма, но вскоре радикализм обрел более социальные и политические очертания. Как это часто бывало и прежде, радикальное движение возглавляло студенчество. Быстро возраставший приток поступающих в высшие учебные заведения сокрушил университетские традиции, придав открытый политический характер еще недавно столь флегматичным студенческим организациям. Вплоть до осени 1967 г. в общественных дебатах преобладала пацифистская критика обороны страны, а также всеобщей воинской обязанности. Военные обвинялись в скрытом разжигании духа войны и ненависти к русским. Затем студенты стали участвовать в международной волне протеста против войны США во Вьетнаме. В конце осени 1968 г. финские студенты, опять-таки следуя тенденциям сту-

денчества «большого мира», оккупировали административные здания, требуя демократизации университетского управления.

В следующем году эти требования усилились в связи с переходом инициативы к фаланге левых активистов, которые, разувшись в вялой реформаторской политике социал-демократов, вступили в коммунистическую партию. Радикальное крыло, представители которого называли себя тайстоитами (по имени верного Москве коммуниста Тайсто Синисало), сделалось политическим прибежищем для многих видных интеллектуалов того времени. Несмотря на то что тайстоитам удалось завоевать выдающиеся позиции в студенческих и культурных кругах, все их центральные требования, в конце концов, растворились в воздухе. В начале 80-х годов редущие ряды тайстоитов представляли собой сборище безобидных радикалов. Однако за десять лет до того ситуация казалась совершенно иной. Братание студенческой элиты с верными Москве крайними левыми воспринималось буржуазией как тревожный сигнал о том, что волнения затронули все общество — в частности, потому, что тайстоиты не только почитали международных революционных кумиров вроде Ленина, Че Гевары и Хо Ши Мина, но зачастую также с энтузиазмом прославляли наследие финских революционеров 1918 г.

Другим важным компонентом культурной революции 60-х являлась музыка — народная, а также поп- и рок-музыка. С последней была тесно связана молодежная мода, веяния которой все чаще диктовались международными тенденциями. Переломный момент в формировании особой молодежной музыки во всем западном мире наступил в 50-х годах, с приходом на сцену рок-звезды по имени Элвис Пресли. В последующие десять лет развилась отрасль глобальной индустрии, превратившая наиболее известных рок-артистов в иконы для целого поколения, одновременно делая их мультимиллионерами. Благодаря бурному развитию телевидения их записи гарантированно находили множество покупателей, в частности, в Финляндии. Летом 1966 г. состоялось знаменательное событие: концерт группы «Роллинг Стоунз» на западном побережье страны. Через пару лет длинные волосы, джинсы и другие атрибуты культуры хиппи сделались своего рода новым костюмом для молодежи Финляндии.

Однако собственные достойные упоминания рок-группы появились в стране лишь в начале 70-х. Долгое время на музыкальном рынке царил выдающийся исполнитель баллад в стиле «свинг»

Олави Вирта; примером для подражания ему послужил Фрэнк Синатра. По стопам Вирты шел ряд финских певцов — Брита Койвунен, Лайла Киннунен и Катри Хелена. Их версии международных хитов быстро завоевали сердца жителей Финляндии. Политическое движение студенчества конца 60-х годов породило богатую песенную традицию, но выражавшиеся в этих песнях идеалы были слишком радикальны для широких, массовых вкусов. Пионерами рока стали артист Раули «Баддинг» Сомерйоки и его группа с провокационным названием *Suomen Talvisota 1939–1940* («Финская Зимняя война 1939–1940»). Их диск *Underground* появился в 1970 г., ознаменовав рождение отечественной рок-музыки с собственными текстами и самобытным звучанием.

Другими провозвестниками рока стали Хейкки Харма по прозвищу *Hector* и Юхани Лескинен, известный как *Juice*. Их лучшие песни до сих пор являются живой традицией для тех, чья молодость пришлось на 70-е годы. Прорыву в роке явственно способствовала отмена в 1970 г. корпорацией радио *Yle* ограничений на исполнение всех видов рок-музыки. Эффект был подкреплен тем, что продажи кассетных магнитофонов в первой половине 70-х достигли огромных цифр. Песни вроде *Lumi teki enkelin eteiseen* («Снег создал ангела в снях»), в которой *Hector* отображает современность в меланхолических красках, получили гораздо большее распространение, чем можно судить лишь на основании цифр продажи дисков.

В целом радиоккомпания *Yle* держала под контролем всю финляндскую культуру и общественное мнение, что достигло пика в 60-х и 70-х годах. *Yle* сохраняла за собой монополию на радиопередачи вплоть до 1985 г., когда частная радиостанция получила права на радиовещание в Хельсинки. Не менее сильный контроль над национальной культурой осуществляли две телевизионные компании корпорации *Yle*, также остававшиеся единственными в этой сфере вплоть до 80-х годов. Лишь 20% общего эфирного времени предоставлялось за плату коммерческой фирме *Reklam-TV*, которая в конце 50-х участвовала в создании финского телевидения. Во второй половине 60-х годов количество абонентов телевидения возросло до одного миллиона. Вместе с тем ежедневное время вещания превысило 10 часов.

Содержание государственных передач утверждал в радиоккомпании *Yle* политически окрашенный совет по передачам, который в духе времени представлял свою роль в сфере народного просве-

щения. Богатые фактами выпуски новостей сочетались с информативно насыщенными развлекательными передачами. Были довольно популярны актуальные дискуссионные передачи, а также викторины, повышавшие общую эрудицию. Однако по-настоящему любимы публикой были семейные телесериалы, комедийные передачи и лотереи. Их ведущие и участники стали новыми знаменитостями эпохи. Другими популярными передачами уже в те годы являлись международные спортивные соревнования, а также ежегодные выборы «Мисс Финляндии». Последнее событие предоставляло вечерним газетам прекрасные возможности, для того чтобы заполнить свои страницы сплетнями и интимными подробностями из жизни «звезд».

К этому прибавлялся широкий выбор американских и прочих англоязычных телевизионных сериалов и шоу, а также мультфильмов и полнометражных кинолент. Все эти передачи сразу завоевали высокий рейтинг, занимая большую долю как государственного времени вещания, так и времени, финансируемого рекламными корпорациями. Американская индустрия развлечений уже в 20-х годах заняла на рынке Финляндии главенствующее положение. Поэтому преобладание продукции Голливуда на телеэкранах не воспринималось как нечто новое. Напротив, многие видели плюсы в том, чтобы посмотреть любимый старый кинофильм по телевизору, одновременно получая бесплатный урок американского английского языка. Надо отметить, что в Финляндии, как и в других Скандинавских странах, фильмы не дублировались, а снабжались титрами. Это не только стимулировало лингвистические познания зрителей, но и увеличивало их восприимчивость к американскому образу жизни

Активная внешняя политика

Фигурой, часто появлявшейся на финских телеэкранах, естественно, был президент Кекконен. Его пребывание у власти совпало с распространением телевидения, и президент сумел извлечь немалую выгоду из нового средства массовой информации. Еще в молодости Кекконен охотно писал статьи, а также был автором других публикаций, а с годами его способность выгодно подать себя развивалась — в частности, благодаря активному участию в политических радиодebатах, которые стали устраиваться после Второй мировой

войны. Пиаровская выучка в школе СМИ дала свои плоды. Высокий, подтянутый Кекконен обладал четкой дикцией и к тому же владел искусством коротко и понятно излагать свои мысли. Этим редко отличались его конкуренты в политике: у одних внешность была слишком заурадной, другие с появлением телекамер зажимались и не могли выдать мимоходом ни одной реплики.

Число внешнеполитических инициатив Кекконена заметно возросло после того, как весной 1962 г. его избрали на второй срок со столь убедительным числом голосов, что ему больше не было нужды опасаться конкуренции во внутренней политике. Также в целом положение вещей благоприятствовало укреплению внешнеполитического профиля Кекконена. Два кризиса — Берлинский и Кубинский (Карибский) — крайне обострили в 1961 — 1962 гг. отношения между обеими сверхдержавами. Все больше людей осознавало, что человечество может погибнуть, если их соперничество перерастет в глобальную ядерную войну. Это удерживало оба лагеря в рамках разумного, создав ситуацию равновесия террора в Европе. В то же время усиливался политический нажим сверхдержав на страны «третьего мира», по мере исчезновения старых, колониальных форм владычества.

Однако равновесие террора ни в коей мере не сдерживало гонку ядерных вооружений сверхдержав. Поэтому во многих странах мира получила распространение концепция безъядерных зон. Весной 1963 г. надежды на образование таких зон выразили главы Югославии и Мексики, осознававшие, насколько уязвимы будут их страны в случае атомной войны. В мае того же года их инициативу использовал Кекконен, официально предложив создать безъядерные зоны также в Скандинавии. В других Скандинавских странах его предложение не вызвало большого энтузиазма, так как оно было несовместимо с членством в НАТО Дании и Норвегии, предполагавшим готовность отразить ядерный удар в случае войны. Сдержанной была и реакция шведского правительства: в Швеции считали, что подобная зона должна включать также часть территории Советского Союза, имевшего ряд крупных военных баз в Прибалтике.

Кекконен, конечно, осознавал, что ни Дания, ни Норвегия не могут выйти из НАТО. Равновесие Северной Европы в сфере политики безопасности вплоть до 90-х годов основывалось на порядке вещей, возникшем в конце 40-х. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Финляндией и СССР уравновешивался более строгим нейтралитетом Швеции, а также

датско-норвежским участием в НАТО. Любые перемены в этом порядке несомненно повлекли бы утрату внутрискандинавского равновесия. Несмотря на это, Финляндия и в последующие годы «холодной войны» поднимала вопрос о превращении Скандинавии в безъядерную зону. Обществоведам не удалось выяснить, что именно стояло за этими противоречиями, но многое говорит за то, что упорство Кекконена коренилось в хитром расчете. Поддерживая доктрину о безъядерной зоне, правительство Финляндии пыталось уменьшить риск того, что СССР в связи с войной сверхдержав потребует военных консультаций и прав на размещение ядерного оружия в Финляндии.

Другим проявлением сознательного повышения рейтинга Кекконена стали его утверждения второй половины 60-х годов о том, что Финляндия проводит активную политику нейтралитета. Эти утверждения не противоречили обязанностям страны по отношению к восточному соседу, так как страна, согласно Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, стремилась оставаться в стороне от противоречий между интересами великих держав. Вначале подмостками для этой политики нейтралитета стала штаб-квартира ООН в Нью-Йорке. Там Финляндия могла конструктивно высказываться о кризисах «третьего мира», не особенно рискуя вызвать раздражение СССР. В конце 60-х Финляндия все же получила шанс продемонстрировать, что ее активная политика нейтралитета может принести выгоду также в деле европейской безопасности. Вторжение сил Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. повредило репутации Советского Союза на Западе. Чтобы уравновесить ситуацию, Москва весной 1969 г. выступила с предложением организовать конференцию по безопасности для всех стран Европы и заключить договор, который бы стабилизировал отношения и закрепил политическое раздвоение, образовавшееся в Европе после подписания в 1947 г. Парижского мирного договора.

Предложение было адресовано всем европейским государствам. Поэтому Кекконен получил возможность активно действовать, не рискуя сразу же подвергнуться обвинениям в том, что он является рупором Москвы. Вскоре президент сформулировал собственную инициативу, сводившуюся к тому, что стороны должны были начать подготовительные переговоры без предварительных условий, а поскольку НАТО принадлежала центральная роль в этом деле, к участию в переговорах приглашались также Соеди-

ненные Штаты и Канада. В то же время Финляндия предлагала выступить в роли координатора переговоров и организатора самой конференции в верхах. Инициативу Кекконена одобрили обе сверхдержавы, так как она соответствовала их параллельным планам по проведению взаимных переговоров об ограничении ядерных вооружений. Тотчас же начались приготовления. Шесть лет спустя великая мечта Кекконена сбылась: в Хельсинки собрались главы почти всех европейских государств, чтобы подписать Заключительный акт Европейского совещания по безопасности и сотрудничеству (ОБСЕ).

Путь к этому был долгим и включал преодоление многих спорных вопросов европейской политики безопасности и отношений между сверхдержавами. Самыми крепкими орешками были вопрос о Германии, а также продолжавшиеся одновременно с совещанием переговоры великих держав о разоружении, которые отражались на всех остальных крупных сферах международной политики. Вторжение сил Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. было вызвано подозрениями Москвы в том, что государства — сателлиты СССР пытаются отделиться от блока соцстран. Чтобы опровергнуть мнение о том, что ФРГ постоянно ратует за воссоединение обеих Германий, канцлер ФРГ Вилли Брандт заключил в 1970 — 1971 гг. договор с СССР, Польшей и Чехословакией, в котором признавались послевоенные границы указанных государств. Это проложило путь стабилизирующему соглашению между четырьмя оккупационными властями Берлина, выработанному в сентябре 1971 г. В данном соглашении Западный Берлин был однозначно признан частью Западной Германии, то есть Федеративной Республики Германии. Чуть более полугода спустя сверхдержавы договорились об ограничении количества ядерных боеголовок. Это благотворно отразилось на Европейском совещании по безопасности, проходящем под руководством Финляндии.

Частью этих приготовлений было заключение Финляндией в январе 1973 г. дипломатических отношений с обеими Германиями. Таким образом репутация Финляндии как нейтрального участника европейской политики безопасности укрепилась. В том же году началась работа над текстом Заключительного акта, состоявшего из трех разделов. Во-первых, стороны совместно признавали существующие политические границы Европы, что означало окончательное закрепление раскола Германии надвое. Во-вторых, были сформулированы принципы сотрудничества в торговле, ис-

следованиях в области техники, а также в сфере охраны окружающей среды. В-третьих, все европейские страны обязывались заботиться о качестве жизни своих граждан и об их возможностях заниматься свободной гражданской деятельностью. Последнее впоследствии дало Соединенным Штатам шанс критиковать Советский Союз за нарушение прав человека.

Активное участие финского государственного руководства в создании ОБСЕ коренилось в осознании того, что деятельность организации служила также делу Финляндии. Страна получила возможность укрепить свой нейтральный статус. Одновременно разрядка международной напряженности облегчила Финляндии обеспечение своих торговых и политических интересов на Западе. Осенью 1973 г. был заключен выгодный договор с ЕЭС о свободе торговли, гарантировавший финляндской бумажной промышленности рынки в Западной Европе, а также в целом стимулировавший экономическую интеграцию страны с Западом. То, что ЕЭС пошло Финляндии навстречу, объяснялось стремлением крепче привязать экономику страны к западному лагерю. Надо отметить, что данное обстоятельство не афишировалось, учитывая щекотливые отношения Финляндии с восточным соседом. Ранее Кекконен уже усыпил недоверие СССР, заключив аналогичный договор с блоком соцстран, но экономическое значение этого договора было значительно меньше.

Внешнеполитический триумф Кекконена состоялся в июле-августе 1975 г., когда Кекконен выступал представителем страны проведения ОБСЕ, где был подписан Заключительный акт. Меры по обеспечению безопасности в Хельсинки были тщательно отрепетированы. Никогда ранее здесь не собиралось одновременно столько глав великих держав. Будто в честь встречи в верхах стояла солнечная, теплая погода. Непринужденной атмосфере способствовало то, что руководители как США, так и СССР видели в совещании возможность утвердиться в качестве дипломатов мирового класса. Стремясь пожать лавры в преддверии президентских выборов следующего года, президент Джеральд Форд особо подчеркивал вопрос о правах человека в соглашении. Престарелый генсек КПСС Леонид Брежнев воспринял совещание как окончательное признание его собственной доктрины о нерушимости восточного блока.

Оплотом договора стало, несомненно, взаимное признание политического разделения Европы. Кекконен в качестве председателя совещания умело воспользовался шансом подчеркнуть, что

активная политика нейтралитета Финляндии полностью созвучна принципам государственного суверенитета и независимости, которые собирались подтвердить собравшиеся руководители 35 европейских и североамериканских государств. Намеченная линия была адресована, в частности, Москве, которая до сих пор весьма неодобрительно относилась к статусу Финляндии как нейтрального государства. Советское руководство также в дальнейшем, в 70-х годах, выражало свое раздражение в связи с тем, что Финляндия совершенно «непропорционально» подчеркивает свой статус нейтрального государства. Но в то время было уже поздно что-либо менять. В оставшиеся шесть лет на президентском посту Кекконен неоднократно напоминал об общих принципах, утвержденных в 1975 г., хладнокровно отклоняя советские поползновения достичь военного сотрудничества с Финляндией.

Ястребы из западных держав, в свою очередь, не замедлили заклеить Заключительный акт ОБСЕ как апофеоз советской пропаганды. Однако в последующие пятнадцать лет новые встречи в рамках ОБСЕ состоялись в Белграде, Мадриде и Вене. На них СССР и другие страны восточного блока подверглись критике за нарушения соглашений акта, касающихся прав человека. Акт ОБСЕ вдохновил политических диссидентов социалистического блока на создание особых «хельсинкских групп», через которые информация о подобных нарушениях просачивалась на Запад. По мнению некоторых специалистов, эти диссиденты даже способствовали распаду советской империи — в частности, благодаря «Солидарности» — польскому движению протеста, появившемуся в 1981 г. «Солидарность» стала фактором, указавшим путь и вдохновившим диссидентов на акции протеста в других странах восточного блока.

Поэтому своего рода иронией судьбы стало обнародование осенью 1975 г. норвежским Нобелевским комитетом имени очередного лауреата Нобелевской премии мира: советский диссидент Андрей Сахаров незначительным большинством голосов обошел Кекконена. Значение дипломатического вклада Кекконена в дело стабильности и безопасности в Европе вряд ли можно было отрицать. Однако камнем преткновения стал тот факт, что вклад Кекконена также служил интересам Советского Союза. Поэтому Кекконен так и не смог снискать однозначное одобрение внутри западного блока — хотя равновесие Финляндии в сфере политики безопасности Востока и Запада воспринималось во многих соц-

странах как образцовое, тем самым косвенно способствуя распаду советской империи. Кроме того, если рассматривать внешнюю политику Кекконена в узком национальном разрезе, ее итог был явно положительным. При вступлении Кекконена на президентский пост в 1956 г. у Финляндии были очень ограниченные возможности действовать независимо на международной арене. К тому моменту, когда Кекконен в 1981 г. ушел в отставку, Финляндия уже завоевала репутацию нейтрального государства — с помощью мелких, но систематических мер по расширению своей свободы действий. В то же время экономика страны извлекала заметные выгоды из искусного балансирования государственного руководства между могущественными блоками.

Смены власти

Важной предпосылкой внешнеполитического равновесия являлась достаточно стабильная внутренняя политика. Ситуация, безусловно, укреплялась тем, что положению Кекконена как президента после 1962 г. ничто не угрожало, и в 1966 г. впервые после 1959 г. было сформировано так называемое красно-зеленое правительство, преодолевшее границы внутриполитических блоков. В этом правительстве участвовали также коммунисты, что ощутило способствовало смягчению противоречий в обществе, заложив также основу для широких коалиций такого типа, появившихся в 70-х годах. И все же рекордно быстрые структурные преобразования в обществе оставили свой след в партийной политике. Весной 1970 г. оппозиционная аграрная Сельская партия Финляндии получила на выборах в парламент почти 10% всех голосов. Одновременно с этим старый Аграрный союз в своем новом облике Партии центра потерял массу избирателей. Сельская партия Финляндии открыто критиковала Кекконена и его макиавеллизм. На протяжении 70-х эта партия подвергала резкой критике всю верхушку страны под девизом: «Народ знает лучше».

Однако народная поддержка Сельской партии вскоре иссякла, и в 1973 г. Кекконен вновь, путем принятия чрезвычайного закона, продлил свои президентские полномочия на четырехлетний срок (1974 — 1978). При этом его поддержало подавляющее большинство всех членов парламента — пять шестых. В 70-х годах президент все чаще полагался на Социал-демократическую партию.

Ее многолетний председатель Калеви Сорса занимал пост премьер-министра в ряде правительств. Кекконен, очевидно, рассчитывал, что Сорса со временем сменит его в качестве президента. Сорса успешно «приручил» коммунистическую партию, сделав ее послушным партнером в составе правительства. В то же время Сорса совместно с Партией центра провел в жизнь ряд крупных общественных реформ. В 70-х Партия центра наряду с социал-демократами составляла основу почти всех правительств независимо от успехов на выборах. Проигравшей оказалась консервативная Национальная коалиционная партия. Ее годность как участника правительства была подвергнута сомнению в конечном счете из-за недоверия к ней Советского Союза. Хотя успехи этой партии возрастали почти на всех парламентских выборах 70-х годов, в правительство она вошла лишь в 1987 г.

Советское влияние на внутреннюю политику Финляндии имело также другие обличья. Государственное руководство республики, начиная с Паасикиви (на президентском посту в 1946 – 1956 гг.), тщательно следило за тем, чтобы финские СМИ тактично писали о восточном соседе. В 70-х годах эта самоцензура порой вызывала перекося в освещении международных новостей. Это, естественно, давало почву для слухов о «финляндизации» в Финляндии. Положение осложнялось тем, что представители советского дипломатического корпуса в Хельсинки могли завязывать неформальные, но действенные контакты с ведущими промышленниками и политиками почти из всех партий Финляндии. Существование такой социальной сети существенно облегчало общение между руководящими звеньями обоих государств, а в центре сети находился сам Кекконен. Одновременно это способствовало тому, что советские дипломаты и офицеры разведывательной службы получали отменный доступ к информации о финской внутренней политике и в некоторых случаях могли на нее влиять.

В конце 70-х скорый уход в отставку Кекконена становился все более очевидным. В 1978 г. он был переизбран еще на шесть лет, но состояние его здоровья ухудшалось, а за кулисами поджидало несколько заинтересованных кандидатов на президентский пост. С начала 70-х годов исследования общественного мнения доказывали, что наиболее популярным кандидатом являлся социал-демократ Мауно Койвисто. Народная поддержка Койвисто еще более увеличилась после того, как он в 1979 г. стал премьер-министром широкого коалиционного правительства и принялся открыто про-

тиводействовать ранее столь непоколебимому авторитету Кекконена. Осенью 1981 г. последний был вынужден уйти в отставку до окончания своего мандатного срока в связи с болезнью. Несмотря на то что политические соперники Койвисто делали все возможное, чтобы помешать его продвижению вверх, в конце зимы 1981/82 г. подавляющим большинством голосов он был избран президентом страны.

Напрасно указывали финские противники Койвисто на то, что он является непопулярной фигурой в Москве. Наоборот, это обстоятельство укрепило позиции Койвисто в предвыборной борьбе. Многие считали, что братание с русскими зашло слишком далеко, и потому приветствовали нового главу государства, не принадлежавшего к числу приближенных Кекконена. Широкая общественность расценила те двенадцать лет (1982 — 1994), в которые Койвисто был президентом, как возврат к западноевропейскому парламентаризму и ограничение политического влияния Москвы. Такое мнение можно назвать верным, поскольку Койвисто, в противоположность Кекконену, не использовал конституционное право роспуска парламента и правительств, чтобы осуществлять свою волю. Все правительства оставались у власти в течение четырехлетних мандатных периодов, а в 1987 г. была сформирована «красно-синяя» правительственная коалиция социал-демократов и Национальной коалиционной партии. Лишь за несколько лет до того подобная коалиция была бы невозможна.

Койвисто нередко считали более стойким, чем Кекконена, в политике по отношению к СССР. Однако первый крайне внимательно относился к налаженным связям с Москвой. До наступления 80-х годов не было предпринято ни одного значительного внешнеполитического демарша. Этому в большой степени способствовал вакуум власти, который образовался в Москве, когда в 1982 — 1985 гг. один за другим скончались на своем посту трое пожилых советских руководителей — Брежнев, Андропов и Черненко. Отсутствие сильного политического руководства в Кремле дало себя знать уже в конце 70-х. Поведение сверхдержавы на международной арене подчинялось военному мышлению, в результате чего был допущен ряд роковых просчетов в политике.

Одним из таких просчетов стало решение СССР о модификации и дополнительном размещении ракет средней дальности в Восточной Европе, невзирая на громкие протесты лагеря НАТО, который начал ответную модификацию своих ракет в Западной Европе.

В результате оба блока оказались втянуты в очередной виток гонки вооружений невиданного масштаба. Это перенапрягло и без того истощенную советскую экономику, явившись в 1989–1991 гг. одной из основных причин распада всего блока соцстран. Другим необдуманым решением было советское вторжение в Афганистан в конце осени 1979 г. Это вторжение, наряду с польским движением протеста «Солидарность», лишь с трудом подавленного в 1981 г., укрепило образ советской империи как корабля «без руля и без ветрил».

Обстановка обострения политических противоречий сверхдержав в определенной степени сказалась на политике Финляндии в сфере обороны. Дежурные фразы финского руководства об активной политике нейтралитета не могли изменить основного обстоятельства: вооруженные силы страны были обязаны, согласно советско-финскому Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, сотрудничать с Советской армией — в случае если обе стороны сочтут, что Советский Союз может подвергнуться военному вторжению через территорию Финляндии. Этим обязательством мотивировалось наличие в Финляндии армии, формируемой за счет призывников, а также гарантированное поддержание военного профессионализма, несмотря на то что затраты страны на оборону в течение всей «холодной войны» были незначительны. В 60-х годах приняли положение о территориальной обороне на случай партизанской войны. Финляндия была поделена на семь военных округов, каждый из которых способен самостоятельно отразить нападение агрессора. Эта система основывалась на опыте Второй мировой войны, причем примером служили также уроки различных освободительных войн, происходивших в странах «третьего мира». Одновременно территориальная оборона была направлена на предотвращение советских попыток вторжения, что являлось ее первой, но, естественно, неафишируемой целью.

Ахиллесовой пятой Финляндии была, пожалуй, ее авиация, которая в течение всей «холодной войны» являлась недостаточной для надежной защиты собственного воздушного пространства. Все сценарии, связанные с политикой безопасности, исходили из того, что в реальной ситуации кризиса Советский Союз может потребовать расширения своего стратегического воздушного пространства за счет Финляндии. Это было одной из причин, по которым Кекконен ратовал за безъядерную Скандинавию. Это также побудило Койвисто в 1983–1985 гг. неоднократно выразить тре-

вогу по поводу усовершенствования ядерных вооружений сверхдержав в Европе. Технические достижения в создании оружия все более увеличивали возможность запуска ядерных ракет с моря и с воздуха. В итоге фокус военной напряженности в Северной Европе переместился на советские военно-морские базы на Кольском полуострове. Тем самым в область повышенной напряженности попали также Лапландия и вся Северная Финляндия.

Кардинальным поворотным пунктом в политике сверхдержав стала весна 1985 г., когда новым руководителем КПСС был избран энергичный Михаил Горбачев. Он немедленно выступил инициатором многих экономических реформ у себя на родине, в том же году возобновив также переговоры с США о разоружении. Новый советский руководитель отдавал себе отчет в том, насколько плохи дела в экономике СССР, понимая и то, что социалистический блок не может конкурировать с лагерем НАТО в сфере оборонной промышленности. В конце осени 1987 г. Горбачев и президент США Рональд Рейган подписали договор о ликвидации в Европе всех стационарных ракет средней дальности с дистанционным управлением. В последующие три года Горбачеву пришлось стать свидетелем распада Советского Союза, однако весной 1985 г. Горбачева вовсе не воспринимали как проигравшего. Наоборот, западные советологи исходили из того, что именно Горбачев — тот человек, который мог бы вывести СССР из тупика и привести страну к новому золотому веку.

К этим оптимистам принадлежал президент Финляндии Койвисто, чье положительное мнение о Горбачеве укрепилось в результате их первой встречи в Москве в сентябре 1985 г. Советский руководитель не возражал против пожеланий Финляндии превратить свое ассоциативное членство в ЕАСТ в полноценное. Безотлагательной причиной было наличие такого членства для равноправного участия Финляндии в начатом по инициативе Франции проекте высоких технологий, необходимом всем государствам — членам ЕС и ЕАСТ. Здесь также присутствовало более дальновидное стремление укрепить экономическую и общественную интеграцию Финляндии с Западной Европой. С превращением Финляндии в ноябре 1985 г. в полноценного члена ЕАСТ началась новая фаза интеграции, которая десять лет спустя дала стране возможность вступить в Европейский союз.

9. Финляндия и Европа

Распад советской империи в 1989—1991 гг. имел решающие последствия для развития всей Европы и для политики великих держав в целом. Падение СССР привело в 1990 г. к воссоединению Германии — событию, которое положило начало процессу экономической и политической интеграции Европы, принявшей форму Европейского союза, число стран-членов которого в течение последующих пятнадцати лет возросло с 12 до 25. Эти цепные реакции управляли также развитием Финляндии. Финляндско-советский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи утратил силу. Весной 1992 г. финское правительство начало ускоренную переориентацию. Три года спустя страна стала членом Евросоюза и начала систематически сотрудничать с НАТО.

Ситуация приобрела еще больший драматизм, когда соседние Прибалтийские республики осенью 1991 г. вновь обрели независимость. В то же время в Финляндии разразился глубокий экономический кризис, приведший к крупным структурным преобразованиям в хозяйственной жизни страны, став также отправной точкой для прироста — по европейским меркам, сильного и стабильного. Важной составляющей этого прироста являлось то, что страна стала одним из лидеров производства и применения мобильных телефонов и других информационных технологий. Волна ИТ размыла культуру национального единства Финляндии, одновременно дав новый инструмент для обеспечения и улучшения услуг, связанных со всеобщим благосостоянием жителей.

Быстрая переориентация на Запад

Государственные деятели Финляндии и руководители финских предприятий регулярно посещали Советский Союз. Ленинград являлся популярным центром туризма для широких слоев населения Финляндии. Таким образом, финны имели представление о трудностях советской экономики конца 80-х годов. Тем не менее окончательный распад Советского Союза осенью 1991 г. был воспринят с изумлением — как в Финляндии, так и во всех остальных странах Европы. Финские средства массовой информации старательно освещали процесс политического отделения Прибалтийских союзных республик и при этом, как правило, отражали спонтанную поддержку, которую финны оказывали прибалтам. И все же, в Финляндии не смогли предугадать, что ликвидация огромной советской империи осуществится мирным путем. Многие, подобно президенту Койвисто, опасались, что этот процесс окончится вооруженными столкновениями, которые могли бы поколебать политическую стабильность всего Балтийского региона. Уже самая мысль о том, что Советская армия может добровольно уйти с завоеванных в 1945 г. форпостов, воспринималась как совершенно нереальная и даже почти безрассудная.

Падение Берлинской стены в конце осени 1989 г. стало началом конца «великого и могучего Советского Союза» и его сателлитов. В течение года началась ликвидация баз Советской армии в восточной половине Центральной Европы. Одновременно население Прибалтики принялось открыто и громогласно требовать полного освобождения от советского владычества, теперь уже открыто напоминая, что советизация Прибалтики в 1940 г. произошла насильственным путем. В Финляндии наибольшее сочувствие, естественно, вызывала освободительная борьба в Эстонии, но при этом финское руководство очень старалось не испортить добрых отношений с Советским Союзом. Весной 1990 г. президент Койвисто в своем интервью дал понять, что СССР имеет в Прибалтике законные интересы, связанные с политикой безопасности. Данное высказывание вызвало критику как в Прибалтике, так и в Скандинавии: официальную линию Финляндии называли трусливой и эгоистичной.

В Финляндии критика президента Койвисто была более сдержанной. Это объяснялось не только его президентским авторите-

том. Сдержанность официальной Финляндии коренилась в конечном счете в тяжелом опыте Зимней войны, когда страна превратилась в пешку в политической игре великих держав и, несмотря на бурные проявления международного сочувствия, не получила ни существенной военной поддержки, ни помощи. В январе 1991 г., во время кровавых стычек советских сил госбезопасности с активистами освободительных движений в Вильнюсе и Риге, Койвисто приводил в защиту выжидательной позиции Финляндии два резких аргумента. Во-первых, страна должна держаться в стороне от конфликтов, которые могли бы повредить ее отношениям с СССР. Во-вторых, было бы безответственно поддерживать прибалтийские народы в развитии конфликта, если Финляндия не готова оказать им военную помощь в случае вооруженных столкновений.

Советская империя распадалась все быстрее. В конце лета 1991 г. консервативная фаланга КПСС предприняла неудачную попытку переворота в Москве. Последствия были драматическими. Попытку переворота решительными методами подавил либерально настроенный Президент РСФСР Борис Ельцин, который постепенно принялся противодействовать авторитету Горбачева и наконец предстал в качестве великого героя. Борьба за власть в Москве была выгодна прибалтийским народам, поскольку Ельцин по тактическим соображениям поддерживал их освободительные движения. В момент предотвращения московского переворота Эстония и Латвия объявили себя независимыми республиками. После того как Россия 24 августа 1991 г. признала суверенитет сначала Эстонии, а затем и других Прибалтийских государств, ее примеру последовали ряд западных стран — в частности, Финляндия. Тем самым Горбачев потерял реальную власть. В начале декабря 1991 г. президенты России, Украины и Белоруссии заключили соглашение о создании Содружества Независимых Государств, в результате чего СССР перестал существовать, а Горбачев остался без работы.

Финляндское государственное руководство последовательно избегало принимать чью-либо сторону во время драматических событий в Москве. Однако за кулисами в Финляндии осуществлялись актуальные подвижки в ее внешней политике. Они вызывались не только постепенным распадом советской империи, но и одновременной экономической и политической интеграцией Европы. Весной 1989 г. интенсифицировались переговоры по поводу пре-

вращения таможенных союзов ЕС и ЕАСТ в общий рынок. Воссоединение Германии в 1990 г. ускорило решение о преобразовании ЕС в политический союз. Такого экономического гиганта, как Германия, надо было надежно привязать к соседним странам. Наиболее боязливые говорили о предотвращении создания Четвертого рейха. В конце зимы 1991/92 г. страны Европейского содружества подписали в Маастрихте договор, в котором была выработана обширная программа интеграции, а также отражено решение о переименовании Европейского содружества в Европейский союз. Формально переименование состоялось 1 ноября 1993 г.

Главнейшие рынки сбыта Финляндии всегда находились в Западной Европе. Этим обуславливалось активное участие Финляндии в процессе интеграции. Осенью 1990 г. стало ясно, что нейтральные страны ЕАСТ — Австрия и Швеция — стремятся к полноценному членству в Евросоюзе. Это увеличило давление на Финляндию, которая шла по тому же пути. Дело осложнялось тем, что членство в ЕС не сочеталось с обязательствами в сфере безопасности, которые Финляндия имела согласно Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с СССР. Поэтому той же осенью финское правительство объявило, что в результате воссоединения Германии и процесса интеграции в Европе статьи Договора, касающиеся обязательств Финляндии отразить собственно германскую агрессию, утратили свою силу. Учитывая это, Финляндия также перестала считать себя связанной ограничениями, касающимися численности финских вооруженных сил в мирное время и технологии вооружений в соответствии с постановлениями мирного договора 1947 г.

Сразу же после неудавшейся попытки переворота в Москве, в августе 1991 г., правительство Финляндии выступило с инициативой переговоров о новом соглашении с Советским Союзом — соглашении, по которому Финляндия не имела бы обязательств в сфере военного сотрудничества. Парализованная Москва была готова к компромиссам, и результат переговоров был вскоре достигнут. В конце осени 1991 г. договаривающиеся стороны выработали текст договора, согласно которому у Финляндии отныне отсутствовали препятствия для заключения политических или военных альянсов с третьей стороной. Распад Советского Союза помешал ратификации этого договора в декабре 1991 г., но уже через месяц его смогли в торжественной форме подписать в Хельсинки правительство Финляндии и Россия — государство, ставшее наследником СССР.

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи управлял внешней политикой Финляндии почти 43 года, в большой степени способствуя стабилизации и улучшению отношений страны с восточным соседом. Однако в конце весны 1992 г. Финляндия не имела ни времени на анализ этого обстоятельства, ни интереса к нему. Седьмого февраля 1992 г., в день подписания Маастрихтского договора, президент Койвисто заявил, что настало время для вступления Финляндии в ЕЭС. Через месяц с небольшим заявка финского правительства была передана в Комиссию ЕЭС. Подготовка шла на многих фронтах одновременно. Тактичная ликвидация Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи сочеталась с неофициальным зондированием почвы в Комиссии ЕЭС, которая с пониманием отнеслась к доселе весьма осторожному отношению Финляндии к интеграции с Западной Европой в сфере политики и безопасности. В то же время парламент активно лоббировал идею интеграции, причем подавляющее большинство одобряло предложение правительства о подаче заявления в ЕЭС.

Государственное руководство сознательно избегало обсуждения связанных с политикой безопасности соображений, по которым Финляндия стремилась в ЕЭС/ЕС, а также последствий возможного членства. Положение в России оставалось нестабильным. Поэтому выгоднее было не слишком афишировать этот аспект западной ориентации Финляндии — особенно потому, что членство в ЕС стране отнюдь не гарантировалось. Сначала нужно достичь результата на переговорах с Комиссией ЕЭС/ЕС, затем договор о вступлении в союз должен стать предметом национального референдума. Таким образом, официальные дебаты велись прежде всего относительно экономических последствий членства в ЕС. Больше всего дискуссий вызвали финские национальные субсидии в сельское хозяйство: опасались, что в результате вступления страны в ЕС они исчезнут. Это было на руку правительству, которое сознательно уводило дебаты в сторону менее важных вопросов, чтобы не обозначать свою позицию в вопросе политических последствий западной ориентации.

В 1991 — 1995 гг. у власти в Финляндии находилось буржуазное правительство большинства. Его ведущей силой была Партия центра, пользовавшаяся широкой поддержкой сельских жителей. Данное обстоятельство гарантировало первоочередность таких вопросов, как сельскохозяйственные субсидии и будущее сель-

ского хозяйства вообще. В тайне и большой спешке готовилось также крупное политическое решение в сфере обороны — покупка 64 сверхсовременных самолетов-истребителей F/A-18 «Хорнет», изготовленных одним из ведущих производителей военной авиационной техники в США. Эта мера мотивировалась тем, что в течение «холодной войны» у Финляндии отсутствовали реальные средства воздушной обороны — факт, объяснявшийся прежними ограничениями Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

По сравнению с прежними затратами Финляндии на оборону это было гигантское капиталовложение: даже без вооружения стоимость самолетов достигала 2 млрд долларов. Прежде чем дело прошло окончательное слушание в парламенте, финские военные специалисты провели детальное техническое сопоставление истребителей этого типа с рядом конкурирующих моделей. Выбор пал именно на «Хорнет» — прежде всего благодаря превосходящей боеспособности данной модели, а также из-за наличия готовых и доступных систем вооружений. Названный фактор имел первейшее значение, но, когда закупка истребителей была в мае 1992 г. принята большинством в парламенте, на деле это означало, что американская сторона, продавшая самолеты, обязывалась организовать ответную закупку товаров на соответствующую сумму.

Государственное руководство Финляндии решительно отрицало, что за приобретением «Хорнетов» стоит оборонно-политический расчет. Однако все факты говорят о том, что он присутствовал. Закупка современной военной техники всегда имеет политический аспект, поскольку укомплектование и содержание техники предполагает постоянное сотрудничество с иностранным поставщиком. Таким образом, приобретение истребителей доказывает, что силы воздушной обороны Финляндии могли быть приведены в соответствие со стандартами авиации НАТО. Примерно за два месяца до этого страна подала заявление в ЕЭС/ЕС, причем сделала все возможное, для того чтобы ее считали государством, чья оборона и политика безопасности не станут обузой для Евросоюза. Вскоре финские пилоты отправились получать образование в США, а в 1995 г. первые истребители пересекли Атлантический океан. В 1996—2000 гг. сотрудничество еще более углубилось: 56 из этих самолетов были собраны в Финляндии и поэтапно включены в спутниковую систему НАТО, а также в другие технические инфраструктуры.

В конце зимы 1993/94 г. Финляндия и другие государства-соискатели достигли желаемого результата на переговорах с Евросоюзом. Правительство Финляндии стремилось сохранить свои национальные сельскохозяйственные субсидии, с помощью которых поощрялась производительность аграрного сектора, но в данном вопросе пришлось уступить в пользу системы поддержки сельского хозяйства, принятой в ЕС и основанной на учете местных природных условий. Для равновесия Евросоюз согласился считать значительную часть обрабатываемых финских земель непродуктивной в течение переходного срока, что позволило финским фермерам получать более высокие местные субсидии. Этому моменту уделялось много внимания в финской прессе, но в реальности переговоры проходили довольно безболезненно. Страны Европы во главе с Германией приветствовали вступление богатых стран всеобщего благосостояния в союз, так как это укрепило его центр тяжести на севере и дало возможность лучше субсидировать более бедных членов ЕС в Южной Европе.

Прежде чем членство Финляндии в ЕС вступило в силу, договор должен был пройти всенародное голосование. Подавляющее большинство населения республики уже с самого начала положительно относилось к идее членства. Это положение сохранялось вплоть до октября 1994 г., когда состоялся референдум. Президент Койвисто ратовал за вступление страны в ЕС. Так же был настроен Мартти Ахтисаари, в марте 1994 г. сменивший Койвисто на президентском посту. Будучи дипломатом с большим опытом работы в ООН, Ахтисаари убедительно отстаивал идею вступления в Евросоюз. Как Ахтисаари, так и правительство энергично подчеркивали экономические преимущества вступления в ЕС, в то время как противники этой идеи заявляли, что политическая интеграция в Евросоюз приведет к потере Финляндией национального суверенитета и втягиванию страны в лагерь НАТО. Однако значительная часть финнов поддерживала идею вступления в ЕС: ожидалось, что это укрепит внешнюю безопасность страны, а также ее связи с Центральной Европой. Таким образом, большинство населения (56,9%) проголосовало за присоединение к Евросоюзу. Первого января 1995 г. членство Финляндии, Швеции и Австрии в ЕС вступило в силу.

Жители Швеции и Австрии не считали вступление в ЕС серьезным переломным моментом в истории своих государств. В Финляндии, напротив, атмосфера была почти торжественной. Сувере-

нитет страны в течение XX в. неоднократно подвергалось реальной угрозе с Востока, и многие полагали, что присоединение страны к ЕС станет залогом продолжения ее существования как нации, а также сохранения западноевропейского культурного наследия. Ощущение нового старта усиливалось тем, что Финляндия именно в это время начала выходить из глубокого экономического кризиса. Весной 1995 г. в стране было сформировано «красно-синее» правительство большинства во главе с социал-демократом Пааво Липпоненом. За восемь лет пребывания на посту премьер-министра Липпонен способствовал тому, что Финляндия активно поддерживала развитие политически сильного и экономически интегрированного Евросоюза.

Кризис и обновление

Финляндия была отнюдь не единственной европейской страной, которую в начале 90-х годов поразил экономический кризис. Дерегуляция международных денежных рынков в середине 80-х привела к быстрому и недисциплинированному увеличению кредитования во всем западном мире. Следствием явилось резкое повышение биржевых курсов и цен на жилье. Весной 1990 г. произошел перелом, и экономика Западной Европы вошла в стадию общей рецессии. Такому перелому способствовали политические катаклизмы в Европе. Воссоединение Германии стало мало-помалу изнурительным для ее ранее столь сильной экономики. Это увеличило проблемы во многих меньших экономических системах, которые вели оживленную торговлю с Германией, — например, в Швеции и Финляндии.

В 70-х годах Финляндия не очень пострадала из-за низкой конъюнктуры международного рынка. Также на протяжении 80-х стране удавалось смягчать небольшие экономические спады посредством регулярной девальвации национальной валюты, а также благодаря стабильной клиринговой торговле с Советским Союзом. В 80-х годах по сравнению с другими странами ОЭСР Финляндия имела самые высокие темпы экономического роста. Это увеличивало доходы государства и одновременно давало возможность существенно развивать социальные услуги и льготы. Когда в подобной ситуации высокой рыночной конъюнктуры банки стали все более щедро выделять кредиты, в конце концов

произошел перегрев экономики, результатом которого стал в 1990 — 1991 гг. резкий экономический спад.

Тяжелое положение усугубилось, когда Советский Союз летом 1990 г. сообщил, что переходит с клиринговой торговли на обычную валютную. К этому времени проблемы советской экономики уже привели к уменьшению объемов финского экспорта в СССР. Весной 1991 г. экспорт почти полностью прекратился, так как у Советского Союза не было валюты, чтобы рассчитываться за товары. Перерыв в торговле с восточным соседом был недолгим — уже в следующем году дело пошло на поправку, но психологическое воздействие этого перерыва оказалось значительным, поскольку оно совпало с волной банкротств предприятий и галопирующей безработицей. Короче говоря, весной 1991 г. экономика Финляндии пребывала в состоянии свободного падения. Убытки банков по кредитам увеличивались с нарастающей скоростью, число безработных возрастало почти на 10 тыс. человек в месяц. До конца года Банк Финляндии был вынужден девальвировать финскую марку более чем на 12%.

Девальвация произошла раньше чем через полгода после решения правительства привязать стоимость финской марки к экю, условной валютной единице стран ЕЭС — предшественнице евро, нынешней общей валюты Евросоюза. Столь скорый пересмотр валютного соотношения, разумеется, наносил урон престижу Финляндии, но никаких реальных альтернатив не было. Сокращение экономического развития постоянно давало пищу слухам о девальвации. В ожидании перемены курса валюты предприятия медлили с обменом своих экспортных прибылей на финские марки. Это быстро истощило валютные запасы Банка Финляндии — в частности, из-за систематической спекуляции валютой. Проблемы не исчезли и после девальвации. Осенью 1992 г. страна была вынуждена полностью отказаться от твердого обменного курса и, подобно другим государствам, валюта которых была привязана к экю, отпустить стоимость марки в свободное плавание, то есть отдать ее во власть текущего рыночного спроса.

Мера возымела желаемое воздействие. Рекордно подскочившие процентные ставки по кредитам тотчас же поползли вниз, и в 1995 г. стоимость марки достигла того уровня, на котором она находилась, прежде чем был отменен фиксированный курс. Однако путь к этому возрождению был тяжелым. Резкое понижение курса валюты привело не только к тому, что все щедро полученные валютные

кредиты вдруг стали значительно дороже. Понижение курса валюты также вызвало общее падение цен и продолжение банкротства предприятий. Кредитные убытки банков достигли таких огромных размеров, что ряд банков был вынужден воспользоваться государственными субсидиями или пойти на слияние с другими банками. Весной 1995 г. объединились два крупнейших промышленных банка страны, *Kansallis-Osake-Pankki* и Объединенный банк Финляндии, а пять лет спустя этот новый банк, в свою очередь, был слит с тремя скандинавскими банками, приняв название «Мерита» (ныне «Нордеа»).

Государственные субсидии банкам стали тяжким бременем для экономики Финляндии, но дороже всего государству обошлась безработица, уровень которой в 1990—1994 гг. подскочил с 3 до 16%. Наиболее трудным периодом стала осень—весна 1993—1994 гг.: за это полугодие власти официально зарегистрировали более полумиллиона лиц, ищущих работу. Подобный провал в сфере занятости наблюдался лишь в США в 30-х годах. Резко возросли расходы на выплату пособий по безработице и на повышение занятости. Это сопровождалось значительным пробелом в доходах от налогообложения. Следствием явился огромный дефицит бюджета в 1992—1993 гг., когда почти 15% своих расходов государство вынуждено было компенсировать с помощью займов. Правительство осуществило ряд мер, которые ограничили систему всеобщего благосостояния, но благодаря стойкой позиции профсоюзов размер пособий по безработице не уменьшился.

Осенью 1993 г. экономическая ситуация стабилизировалась, и в последующие пять лет в Финляндии наблюдался рост примерно в размере 5% — значительно лучший показатель, чем в среднем по странам ОЭСР. Эта тенденция сохранилась и после начала нового тысячелетия, причем ежегодный рост составлял 3—4% — значительно больше, чем в среднем в Евросоюзе. Несмотря на экономное отношение финского общества к расходам, «защитная сеть» всеобщего благосостояния почти не пострадала. Это противодействовало возникновению конфликтов и способствовало быстрому выходу из экономического кризиса. И все же кризис 90-х отразился на финском обществе и экономике страны. Быстрое повышение рентабельности промышленности произошло в основном за счет того, что в годы кризиса производство продукции, не сулившей выгоды, было приостановлено, так же как не использовалась невыгодная рабочая сила. В более стабильных условиях

столь радикальное сокращение затрат на производство вряд ли бы можно было осуществить. Таким образом, кризис существенно ускорил адаптацию всей экономики страны к новым рыночным условиям, но, поскольку этот процесс происходил в первую очередь за счет автоматизации или переноса предприятий в другую местность, в сфере занятости перемены к лучшему шли вовсе не столь быстрыми темпами. Лишь спустя шесть лет интенсивного роста экономики, к началу нового тысячелетия, безработица снизилась до менее чем 10%.

Новые рабочие места создавались прежде всего в сфере обслуживания, где уже в начале 70-х годов была занята половина всего трудоспособного населения. В 2005 г. эта цифра возросла почти до 70%. Благодаря развитию общества всеобщего благосостояния работодателями в этой отрасли вплоть до 90-х годов становились в основном именно государство и местная администрация. После 90-х увеличение числа рабочих мест происходило лишь за счет развития частного сектора обслуживания. Рост числа занятых наблюдался во всех профессиях сферы услуг, но заметнее всего было расширение частного сектора обслуживания, в сфере недвижимости и торговли товарами. Ряд старых универмагов, охватывающих всю страну, еще выдерживал натиск новых конкурентов. В целом же рынок завоевывали магазины, входящие в международные сети и специализирующиеся на известных торговых марках, косметические салоны и фитнес-клубы, центры телефонной связи и Интернет-услуг, а также фирмы, торгующие спортивным снаряжением и товарами для отдыха.

На 90-е годы пришелся также взлет современных информационных технологий. Во многих отношениях Финляндия шла в авангарде этих глобальных тенденций, но, поскольку для отрасли ИТ характерны постоянное обновление и автоматизация, здесь не создавались новые рабочие места в том же темпе, в котором увеличивалась ее рентабельность. Лесная промышленность и традиционная металлургия уже с 50-х годов давали по 30% прироста каждая от ежегодного валового национального продукта. За период девяностых годов электроника стала почти столь же значительной ветвью экономики. Когда флагман электронной промышленности «Нокиа» решил сосредоточиться на производстве мобильных телефонов, во всей отрасли наступил небывалый рост. В 1995 — 2001 гг. доля электроники в ежегодном валовом национальном продукте удвоилась, то есть возросла с 8 до чуть менее 16%. Среди

государств — членов ОЭСР подобным приростом в своей отрасли ИТ могла похвастаться одна лишь Чехия. Таким образом, во второй половине 90-х Финляндия превратилась в центр технических и культурных знаний для всей глобальной индустрии информационных технологий.

В какой же мере сказанное стало счастливым последствием того, что «Нокиа» сделала ставку на мобильные телефоны? Концерн возник в 1967 г. в результате слияния трех крупных предприятий базовой промышленности Финляндии. Начиная с 20-х годов XX в. у этих предприятий были общие владельцы. Слияние благоприятствовало увеличению масштабов бизнеса, одновременно создав предпосылки для крупного вложения ресурсов в электронную отрасль концерна, которая, впрочем, до конца 80-х заметных прибылей не давала. Важнейшие электронные рынки концерна находились в Финляндии, а также в СССР. В середине 80-х годов «Нокиа» смогла также закрепиться на британских и американских рынках мобильных телефонов, а приблизительно в 1990 г. компания завоевала около 10% глобальных рынков этой отрасли. Настоящий перелом, однако, произошел лишь в 1992 г., когда концерн после ряда неудачных инвестиций, а также прекращения экспорта в СССР был вынужден определить свой путь. Нишей концерна «Нокиа» стало производство мобильных телефонов. С помощью целенаправленного брендинга и развития продуктов новый глава концерна Йорма Оллила сумел опередить своих соперников на этом рынке.

Самой крупной переменной стал, несомненно, переход от аналоговых систем записи телефонных переговоров к цифровым. За несколько лет переход на так называемый стандарт GSM* осуществился во всех промышленно развитых странах, создав чрезвычайно благоприятные условия для выгодной продажи мобильных телефонов. Так как «Нокиа» была сильнейшей именно в этой технической отрасли, за пять лет концерну удалось завоевать более трети мирового рынка мобильных телефонов. Однако высокий уровень технического развития и компетентность были лишь одними из причин, по которым «Нокиа» сумела и в начале XXI в. сохранить конкурентные преимущества. Не менее важной причиной явилось то, что «Нокиа» делала ставку на широкий ассортимент, а также придавала большое значение дизайну своих изде-

* Global System for Mobile Communications.

лий. Это укрепило репутацию предприятия за границей, одновременно улучшив его способность соответствовать глобальному рыночному спросу. В период с 1991 по 2000 г. ежегодные продажи мобильных телефонов на международных рынках возросли с 6 до 402 млн штук. В начале нового тысячелетия развитие так ускорилось, что, по оценке 2005 г., доступ к мобильным телефонам теперь имело 1,6 млрд пользователей.

Уже в конце 90-х годов большинство акций концерна «Нокиа» приобрели американские инвестиционные фонды. Значительная часть производства была перенесена поближе к потребителям, в различные части света. Благодаря тому что оперативное руководство фирмой и важные звенья сферы развития продуктов остались по-прежнему в Финляндии, «Нокиа» все же способствовала появлению динамичной сети контактов, состоящей из финских подрядчиков, научно-исследовательских центров и тех, кто обеспечивал коммерческое применение цифровых решений. Вкладом в новаторскую атмосферу в стране стала, по международным понятиям, ранняя дерегуляция систем связи, находившихся под контролем государства. Эта мера способствовала тому, что творческие круги и лица, обладавшие капиталом, принялись делать ставку на новую технику. Картину дополняло активное участие государства в финансировании научно-исследовательской деятельности предприятий отрасли информационных технологий. Государство также выделяло значительные суммы на процесс превращения Финляндии в общество знания, основанное на сетевых коммуникациях. В результате, по данным некоторых исследований, Финляндия начала XXI в. вошла в число самых развитых информационных обществ в мире. Это было отмечено в ряде исследований известного социолога Мануэля Кастельса, специализирующегося на исследованиях обществ ИТ.

Национальная деконструкция?

Кастельс особо отмечал способность финского общества служить провозвестником новой культуры ИТ — при этом не нанося существенного ущерба системе всеобщего благосостояния. Козырями Финляндии были не только «Нокиа», дерегуляция телекоммуникаций, а также государственная поддержка индустрии ИТ. Ничуть не меньшую роль играла хорошо развитая бесплатная систе-

ма образования страны, которая финансировалась общественными налоговыми средствами и эффективно содействовала выдвижению отечественных талантов в отрасли ИТ. В этом Финляндия сильно отличалась как от Силиконовой долины в Калифорнии, так и от Сингапура. Сила последних центров инноваций глобальной культуры ИТ заключалась скорее в том, что они привлекали способных новаторов с других континентов.

Также в иных аспектах общество всеобщего благосостояния создало хорошую основу для коренных преобразований в секторе ИТ Финляндии. Переход от аграрного общества к индустриальному и развитию высоких технологий в стране произошел позже и быстрее, чем в остальных индустриальных странах. Когда это обстоятельство постепенно дополнилось более высоким по сравнению с этими странами экономическим ростом, Финляндия около 1990 г. достигла того же уровня реальных доходов, который наблюдался в таком давнем обществе благосостояния, как Швеция. Великий кризис 90-х привел к сильному спаду производства, а также сокращению доходов государства, но, поскольку данный пробел был компенсирован крупными займами, государству и местной администрации удалось удержать уровень социальных услуг и сохранить потенциал в сфере образования вплоть до наступления новой высокой конъюнктуры, которая, начавшись приблизительно в 1995 г., продолжалась и в XXI в. — вопреки очевидным проблемам мировой экономики после терактов в Нью-Йорке.

Это создало отличные предпосылки для широкого социального и географического распространения новых информационных технологий. Даже тем, чей уровень жизни был сравнительно низок, государственное перераспределение доходов давало возможность приобретать такие достижения техники, как мобильный телефон, а также обеспечивало доступ к Интернету. Подключение к всемирной паутине также гарантировалось в школах, библиотеках и на большинстве рабочих мест. Неудивительно, что в 1997 г. Финляндия, согласно мировой статистике, стала страной с наибольшим числом пользователей Интернета. Вскоре Финляндии пришлось уступить пальму первенства другим, но зато финская индустрия ИТ постоянно утверждалась в новых секторах мировой экономики, которая отныне жила по «цифровым» законам. По сравнению с частными хозяйствами в других странах финские потребители оказались особо восприимчивыми к различным видам новой техники.

Если взглянуть на технические преобразования в Финляндии за последние сто лет, становится ясно, что подобная восприимчивость и открытость страны по отношению к техническим нововведениям была характерна не только для 90-х годов прошлого столетия, но и для прежних времен. На протяжении XX в. Финляндии удалось достичь уровня технического развития, который характерен для богатейших промышленных стран. Однако самый решительный шаг в этом направлении был сделан в связи со структурными изменениями послевоенной эпохи, когда большинство представителей молодого поколения было с корнями вырвано из привычных географических и социальных условий. В результате образовался культурный вакуум, а с повышением жизненного и образовательного уровня как население, так и общество в целом были подготовлены к восприятию и внедрению в быт новой техники.

Примером такой восприимчивости явилась дерегуляция финских систем связи и средств массовой информации. В 30-х годах государство обладало монополией на междугородные и международные переговоры, но поскольку местные телефонные сети обслуживались частными предприятиями и акционерными обществами, то впоследствии появился коммерческий интерес в деле обеспечения клиентов современной техникой, которую можно быстро установить. Это стало стимулом для всей отрасли, гарантируя также готовность к крупным частным инвестициям, что проявилось, когда государство в середине 80-х годов согласилось отказаться от монополии на системы связи. Последняя мера была вызвана тем, что правительство Финляндии стало сознательно принимать участие в западноевропейском сотрудничестве в области высоких технологий, уже на раннем этапе оценив пользу свободной конкуренции для общества. Весной 1988 г. некоторые местные телефонные операторы основали акционерное общество «Радиолиния» (*Radiolinja*). На следующий год оно сделало ставку на новые изделия стандарта GSM фирмы «Нокиа», тут же создав эффективную сеть связи в сфере мобильных телефонов. Инициатива быстро привлекла новых инвесторов в этот рыночный сектор. В результате в 1992–1994 гг., то есть в момент взлета Интернета в форме www, уровень цен на постоянную телефонную связь в Финляндии был, по международным меркам, низок.

Той же схеме следовала дерегуляция эфира. В середине 70-х годов частная компания кабельного телевидения начала регуляр-

ные передачи в Финляндии. Рентабельность компании заметно повысилась в начале 80-х, когда международные спутниковые каналы создали совершенно новый спрос на кабельные телепередачи. После того как государство одновременно с этим ограничило свою телевизионную монополию внутри страны, в 1985 г. появился телеканал, финансируемый из частных источников. Четыре года спустя он был слит с давно утвердившимся каналом MTV, который до того осуществлял трансляцию через государственные каналы. В результате такого слияния вся частная деятельность в сфере телевидения перекочевала на отдельный телеканал. Во второй половине 90-х годов в Финляндии начал работу еще один коммерческий телеканал.

Из-за преобладания на телеэкране продукции американской индустрии развлечений четкой границы между финской и международной телекультурой никогда не существовало. С окончательным прорывом глобальных спутниковых каналов в середине 90-х годов радиокорпорация *Yle* была вынуждена, подобно другим государственным телекомпаниям Европы, отказаться от ряда просветительских программ и расширить выбор легких развлекательных передач. Такое превращение не было мгновенным. При помощи поэтапного перехода на цифровые телепередачи в 2001 — 2007 гг. возник ряд новых государственных телеканалов. Это облегчило проведение границы между информационными и развлекательными передачами. В сфере радио развитие было почти таким же. Частные радиокomпании появились в середине 80-х годов, быстро завоевав значительную долю слушателей, но радиокорпорация *Yle*, благодаря реформам в содержании своих передач и новой цифровой технике, сумела достаточно убедительно обновить свой имидж.

Все эти коренные технические преобразования происходили параллельно с распадом СССР и с процессом политической интеграции Финляндии с Западной Европой. Поэтому не будет преувеличением утверждать, что в начале XXI в. национально окрашенная стадия политической и культурной истории Финляндии осталась позади. Все труднее стало осуществлять протекционизм в экономической и культурной сферах. В то же время Евросоюз и глобальная цифровая культура постоянно создавали новые области контактов и новые способы общения. Все это стало менять содержание того, что считается национальной самоидентичностью жителей Финляндии. Однако консервирующие идентичность

факторы все еще существовали. К важнейшим из них относятся два национальных языка страны.

Уже в начале нового тысячелетия английский язык преобладал в ряде секторов международной торговли, науки и культуры в Финляндии. И все же дома и в школе, в сфере гражданского общества и в государственном аппарате продолжали преобладать финский, а местами также шведский язык. В конце 2005 г. в Финляндии насчитывалось более 5,2 млн жителей. Почти 4,9 млн из них считали родным языком финский, а без малого 290 тыс. — шведский. Это означает, что остальные языковые группы страны были относительно малы. В эпоху «холодной войны» Финляндия проводила ограничительную политику иммиграции. Однако в начале 90-х годов произошло определенное смягчение такого курса. Итогом явилось увеличение прежде всего русскоязычного населения страны. Осенью 2005 г. количество русскоязычных жителей Финляндии доходило почти до 40 тыс. человек.

Языковое единообразие, естественно, облегчало защиту национальной культуры, давая Финляндии также превосходную по сравнению с другими странами успеваемость школьников. Однако, по мнению ряда футурологов, языковая гомогенность не всегда является преимуществом для маленькой нации. Она затрудняет интеграцию иммигрантов и может даже замедлить приток квалифицированной рабочей силы из-за границы. В долгосрочной перспективе общество высоких технологий не может себе позволить обходиться без иммигрантов. Вероятно, данный вопрос будет разрешен без особых трений. Образованные классы Финляндии уже довольно свободно говорят по-английски, а через пару десятилетий ожидается, что этот язык будет использоваться в качестве средства межнационального общения среди многих языковых групп в Финляндии.

Что же тогда останется от национального своеобразия Финляндии? Пессимисты утверждают, что нарастающая глобализация не может не вылиться в постепенное размывание национальной культуры — и в последующую ликвидацию общества всеобщего благосостояния. Доказательства они видят во многих тенденциях, заметных как в финском, так и в западных обществах в целом. Территориальная укорененность «цифровой» культуры, безусловно, слаба. Это может привести к тому, что чувство принадлежности и чувство родины станут относительными. Одновременно мы наблюдаем глобальное перераспределение про-

мышленного производства, которое быстрыми темпами перемещает капитал и рабочие места в Азию, а также в другие регионы, где затраты на производство меньше, чем в Западной Европе и в США.

Оптимисты видят в подобном развитии не угрозу, а уникальную возможность. Финляндия — одна из тех стран, которые больше всего выиграли в результате «цифровой» революции. По этой причине как экономическое руководство, так и государственные власти Финляндии в настоящее время вкладывают много средств в то, чтобы держать трудящихся и граждан вообще в курсе развития новой техники. Таким образом руководство страны старается развивать и усиливать техническую инициативу и новаторскую атмосферу, которые царили в Финляндии с середины 90-х годов XX в. так как именно эти условия обеспечили ей более быстрый прирост, чем в среднем в других государствах Евросоюза, тем самым облегчив сдвиг от традиционных промышленных отраслей к новым формам сервиса. По всем существенным пунктам развитие шло похожим образом также в других Скандинавских странах. Это говорит в пользу гипотезы о том, что бум информационных технологий и скандинавская модель общества всеобщего благосостояния вовсе не исключают, а, наоборот, стимулируют друг друга.

Здесь следует также отметить тесную связь Финляндии с российской экономикой, которая быстро встала на ноги в начале XXI в. — благодаря постоянно растущим на мировом рынке ценам на нефть. Обыкновенно западноевропейские и американские прогнозы исходят из того, что повышение цен на нефть пагубно влияет на глобальный прирост. В случае Финляндии это вовсе не так очевидно. Растущие доходы России от продажи нефти стали стимулировать российское потребление. Экономика Финляндии выиграла от этого значительно больше, чем экономика стран ЕС в среднем.

Европейские перспективы

На будущее Финляндии, естественно, в большой степени влияет развитие внутри Европейского союза. Значительная доля экспорта страны (в 2004 г. около 60%) идет в страны ЕС. Поэтому слабый экономический прирост в Евросоюзе является проблемой также

для Финляндии — в частности, потому, что в результате возрос экономический протекционизм старых стран ЕС, тем самым создавая новые препятствия нормальной работе союза. В 1995 г., когда Финляндия вступила в Евросоюз, в нем царила совершенно другая атмосфера. Многие тогда полагали, что политическая и экономическая интеграция ЕС будет продолжаться такими же быстрыми темпами, какими она характеризовалась в первой половине 90-х годов. Определяющие курс Евросоюза государства — Франция и Германия систематически поддерживали активного президента Европейской комиссии Жака Делора в его стремлении претворить в жизнь Маастрихтский договор 1992 г., в котором были утверждены долгосрочные направления совместной интеграции на XXI век.

Наиболее конкретные успехи достигнуты в сфере экономики. В Маастрихтский договор входило решение об углублении денежного взаимодействия и о выработке единообразной денежной политики с общей единицей обращения. К началу 1999 г. одиннадцать стран Евросоюза приняли решение ввести у себя общую валюту. Три года спустя, 1 января 2002 г., прежние денежные единицы в этих странах сменились новыми — евро и центом. В Финляндии, где правительство большинства имело широкую социальную базу, государственное руководство уже с самых первых дней членства страны в ЕС изъявляло волю участвовать в процессах, укреплявших межгосударственные структуры Евросоюза. В итоге весной 1998 г. парламент Финляндии подавляющим большинством голосов одобрил инициативу правительства, касавшуюся участия страны в европейской реформе денежного обращения. В этом направлении Финляндия избрала путь, отличный от Швеции. Шведское правительство долго медлило и в конце концов отдало право решения всенародному референдуму. Подавляющее большинство жителей Швеции проголосовали против евро.

Подобные различия наблюдались также в отношении обеих стран к политической интеграции в Евросоюзе. Шведское правительство выступало за межгосударственное разделение власти. Политику Финляндии в ЕС в 1995—2003 гг. весьма искусно вел премьер-министр Пааво Липпонен. Как на словах, так и на деле он поддерживал политически сильный и единый Евросоюз. Линия Липпонена основывалась на трех главных аргументах. Во-первых, подчеркивалось, что Финляндия одобрила правила, утвержден-

ные Маастрихтским договором. Во-вторых, логично, если экономическая интеграция идет рука об руку с политической унификацией. В-третьих, появление в Евросоюзе сильных надгосударственных структур было в интересах Финляндии как национального государства. Важно также непосредственное участие Финляндии в формировании того будущего, которое ожидало Евросоюз. Липпонена поддерживал президент страны Мартти Ахтисаари, наиболее известным вкладом которого в европейское развитие явилось его успешное посредничество в деле окончания войны в Косове в 1999 г.

Осенью 1999 г. правительство Финляндии председательствовало в ЕС. Страна с честью выполнила это поручение, и в начале XXI в. Финляндию стали считать «примерным учеником» в Евросоюзе. Применение общего законодательства ЕС осуществлялось в Финляндии, как правило, более тщательно, чем в старых странах Евросоюза. Когда началась подготовка к выработке Конституции Европейского союза, Финляндия оказалась в числе стран, занявших гибкую позицию по отношению к различным альтернативам. Это объяснялось тем, что правительство Финляндии неизменно положительно воспринимало надгосударственное развитие внутри Евросоюза. Без сомнения, после весны 2003 г. эта поддержка стала менее выраженной и последовательной: в стране было образовано новое правительство большинства, во главе которого стояла Партия центра, более скептически настроенная к ЕС.

Впрочем, это не единственная и даже не главная причина того, что отношение Финляндии к Евросоюзу постепенно стало более сдержанным. В первые пять лет членства Финляндии в ЕС в стране наблюдались искренний энтузиазм и удовлетворение. Это выражалось в активных репортажах финских СМИ из Брюсселя и Страсбурга. Для многих граждан Финляндии членство страны в ЕС представлялось признаком того, что времена «холодной войны» окончательно остались позади. Широко бытовало также мнение, что участие страны в ЕС благоприятно для финской экономики. Совершенно очевидно, что благодаря этому общая валюта ЕС была введена в Финляндии безо всяких трений. Когда же членство Финляндии в Евросоюзе стало привычным, общественное мнение страны высказывало все более критические оценки — особенно когда Евросоюз оказался перед лицом новых проблем, таких, как расширение на Восток в 2004 г., а также трудно продвигающаяся конституционная реформа.

В подобном развитии не было ничего неожиданного. Во многом оно отражало отношение старых стран Евросоюза к новым. Таким образом, ход событий свидетельствовал о нормализации мнения финнов о ЕС. Другим проявлением нормализации стало принятие в Финляндии весной 2000 г. новой конституции, укрепившей парламентскую демократию. Президент утратил центральную роль в формировании правительства. Отныне президент должен был проводить внешнюю политику совместно с правительством. Таким образом, реформа явственно означала, что власть в большой степени перешла от президента к парламенту и правительству. Впрочем, президент по-прежнему избирается прямым всенародным голосованием, благодаря чему занимающие эту должность не обязательно должны быть облечены доверием парламента.

Новая конституция вступила в силу 1 марта 2000 г. — когда представительница социал-демократов Тарья Халонен приступила к исполнению обязанностей президента в свой первый срок пребывания на этом посту. Поскольку реформа совпала с появлением в Финляндии первой женщины-президента, перед Тарьей Халонен встали нелегкие задачи по обновлению президентской роли в двух направлениях. Кандидатура Халонен была одобрена на выборах незначительным большинством голосов, но впоследствии, явственно обозначив свою позицию в вопросах власти, Халонен создала крепкую платформу для своего руководства во внешней политике. Этому способствовало также то, что Халонен быстро завоевала народную симпатию. Благодаря этому в конце зимы 2005/06 г. ее переизбрали.

В 1995 — 2000 гг. Халонен занимала должность министра иностранных дел, тем самым участвуя в формировании новой внешней политики государства, прежде всего характеризовавшейся тем, что из-за вступления в ЕС Финляндия отказалась от дальнейшего применения понятия «нейтралитет». Сотрудничество страны с НАТО усилилось уже в 1994 г., с присоединением Финляндии к программе Североатлантического договора «Партнерство во имя мира». Это заложило основу долгосрочной синхронизации военной боеготовности Финляндии и НАТО. Однако полноценное членство страны в НАТО не представлялось актуальным. Весной 1995 г. правительство Финляндии заявило, что целью его политики безопасности является неприсоединение страны к военным блокам, а также самостоятельная оборона.

При этом не исключалось, что в случае заметных перемен в европейских механизмах безопасности Финляндия пересмотрит свою позицию. В 1997—2004 гг. в политические принципы страны был внесен ряд поправок, которые явственно отражали готовность Финляндии при необходимости подать заявление о вступлении в НАТО.

Весной 1999 г. формулировка о самостоятельной обороне была заменена на «достаточную оборонную мощность», а летом 2004 г. правительство, после определенных колебаний, одобрило новый текст Конституции Евросоюза, согласно которому государства — члены Союза должны гарантировать безопасность друг друга. На практике последний принцип трудно сочетается с политикой неприсоединения к военным блокам, но она уже давно во многом утратила свою актуальность: Финляндия все более многосторонне и систематически сотрудничала с НАТО и с системами военной сферы Евросоюза. Одним из центральных совместных проектов стало создание общих военизированных формирований на случай кризиса. Активными инициаторами выступили, в частности, Финляндия и Швеция. В 2005—2006 гг. началось создание таких формирований в тесном сотрудничестве с НАТО.

Несмотря на все это, весной 2006 г. однозначных признаков того, что Финляндия намеревается вступить в НАТО, не наблюдалось. Такая выжидательная линия объяснялась не только тем, что явное большинство жителей страны при существующем положении вещей не поддерживали подобную меру. Сотрудничество с НАТО проходило без проблем — хотя страна не являлась членом этой организации. По мнению многих авторитетных политиков, Финляндия вовсе не обязательно нуждается в коллективных гарантиях безопасности НАТО. Здесь необходимо учитывать процесс внутренних реформ в НАТО, который шел медленно и осложнялся тем, что сильнеешие государства — члены НАТО — США и Великобритания активно участвовали в затянувшихся кризисах в Афганистане и в Ираке.

Побочным соображением было также нежелание слишком быстро менять равновесие в сфере безопасности Балтийского региона. История Финляндии изобилует примерами того, как перераспределение власти в регионе порой приводило к непредсказуемым цепным реакциям и конфликтам, которые имели различные негативные последствия для страны и ее населения. В то

же время история показывает, что некоторые подобные изменения в сфере безопасности были для страны необыкновенно благоприятными. Без великих войн в Европе превращение Финляндии в отдельную нацию и независимую республику было бы невозможным. Одними лишь мудрыми решениями и волей к действию внутри республики, бесспорно, нельзя объяснить то, что подобные судьбоносные события обернулись для Финляндии чем-то положительным. Как это бывало и прежде, многие решающие события происходят и будут происходить совершенно стихийно, в результате ряда случайных, противоречивых процессов в истории.

ФИНЛЯНДИЯ

карта-схема

Литература

1. У истоков

GRÜNTAL, Riho (toim.), *Ennen, muinoin. Milen menneisyyttämme tutkitaan*, Helsinki 2002.

HUURRE, Matti, *9000 vuotta Suomen esihistoriaa*, Helsinki 1990.

HEIKKILÄ, Tuomas — Lehmijoki-Gardner, Maiju, *Keskiajan kirkko.*

Uskonelämän muotoja läntisessä kristikunnassa, Helsinki 2002.

Historisk tidskrift för Finland 3/1994, Tema: Medeltiden.

RASILA, Viljo — JUTIKKALA, Eino — MÄKELÄ-ALITALO, Anneli, *Suomen maaviljelyksen historia 1. Perinteisen maatalouden aika: Esihistoriasta 1870-luvulle*, Helsinki 2003.

LEHTONEN, Tuomas M.S. — JOUTSIVO, Timo (toim.), *Suomen kulttuuri-historia 1. Taivas ja maa*, Helsinki 2002.

GALLÉN, Jarl, *Finland i medeltidens Europa. Valda uppsatser*, Helsingfors 1998.

2. РОЖДЕНИЕ КНЯЖЕСТВА

DAVIES, Norman, *A History of Europe*, Oxford 1996.

GUSTAFSSON, Harald, *Nordens historia. En europeisk region under 1200 år*, Lund 1997.

JUTIKKALA, Eino — KAUKIAINEN, Yrjö — ÅSTRÖM, Sven-Erik, *Suomen taloushistoria 1. Agraarinen Suomi*, Helsinki 1980.

KARONEN, Petri, *Pohjoinen suurvalta. Ruotsi ja Suomi 1521–1809*, Helsinki 1999.

- KIRBY, David, *Northern Europe in the Early Modern Period. The Baltic World 1492–1772*, London 1990.
- LARSSON, Lars-Olof, *Gustav Vasa — landsfader eller tyrann?* Stockholm 2002.
- LEHTONEN, Tuomas M.S. & JOUTSIVO, Timo (toim.), *Suomen kulttuuri-historia 1. Taivas ja maa*, Helsinki 2002.
- OAKLEY, Stewart P., *War and Peace in the Baltic 1560–1790*, London 1992.

3. СЕВЕРНАЯ ДЕРЖАВА

- ERICSON WOLKE, Lars — LARSSON, Göran — VILLSTRAND, Nils Erik, *Tretioåriga kriget*, Stockholm 2005.
- ENGLUND, Peter, *Det hotade huset. Adliga föreställningar om samhället under stormaktstiden*, Stockholm 1988.
- KARONEN, Petri, *Pohjoinen suurvalta. Ruotsi ja Suomi 1521–1809*, Helsinki 1999.
- KLINGE, Matti et al. *Kungliga akademien i Åbo 1640–1808. Helsingfors universitet 1640–1990, 1. delen*, Helsingfors 1988.
- KIRBY, David, *Northern Europe in the Early Modern Period. The Baltic World 1492–1772*, London 1990.
- KUJALA, Antti, *Miekka ei laske leikkiä. Suomi suuressa Pohjan sodassa 1700–1714*, Helsinki 2001.
- KUVAJA, Christer, *Försörjning av en ockupationsarmé. Den ryska arméns underhållssystem i Finland 1713–1721*, Åbo 1999.
- LEHTONEN, Tuomas M.S. & JOUTSIVO, Timo (toim.), *Suomen kulttuuri-historia 1. Taivas ja maa*, Helsinki 2002.
- VILKUNA, Kustaa J.H., *Viha. Perikato, katkeruus ja kertomus isostavihasta*, Helsinki 2005.
- ÅSTRÖM, Sven-Erik, *From Tar to Timber. Studies in Northeast European Forest Exploitation and Foreign Trade 1660–1860*, Helsinki 1988.

4. СТОКГОЛЬМ–САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

- ENGMAN, Max, *Pietarin suomalaiset*, Juva 2004.
- JUTIKKALA, Eino — KAUKIAINEN, Yrjö — ÅSTRÖM, Sven-Erik, *Suomen taloushistoria 1: Agraarinen Suomi*, Helsinki 1980.
- JUTIKKALA, Eino, *Kuolemalla on aina syynsä. Maailman väestöhistoria ääriivivoja*, Helsinki 1994.

- KARONEN, Petri, *Pohjoinen suurvalta. Ruotsi ja Suomi 1521–1809*, Helsinki 1999.
- KIRBY, David, *Northern Europe in the Early Modern Period. The Baltic World 1492–1772*, London 1990.
- KLINGE, Matti, *Runebergs två fosterländ*, Borgå 1983.
- KNAPAS, Rainer — FORSGÅRD, Nils Erik (toim.), *Suomen kulttuurihistoria 2. Tunne ja tieto*, Helsinki 2002.
- ODELBERG, Wilhelm, *Viceamiral Carl Olof Cronstedt. Levnadsteckning och tidsskildring*, Stockholm 1954.
- SKUNCKE, Marie-Christine & TANDEFELT, Henrika (red.), *Riksdag, kaffe-hus och predikstol. Frihetstidens politiska kultur 1766–1772*, Stockholm – Helsingfors 2003.
- SUOLAHTI, Gunnar, *Elämää Suomessa 1700-luvulla*, Jyväskylä 1991.
- WOLFF, Charlotta, *Vänskap och makt. Den svenska politiska eliten och upplysningstidens Frankrike*, Helsingfors – Stockholm 2005.
- ÅSTRÖM, Sven-Erik, *From Tar to Timber. Studies in Northeast European Forest Exploitation and Foreign Trade 1660–1860*, Helsinki 1988.

5. PAX RUSSICA

- ENGMAN, Max, *Lejonet och dubbelörnen. Finlands imperiella decennier 1830–1890*, Stockholm 2000.
- ENGMAN, Max, *Pietarin suomalaiset*, Juva 2004.
- HAAPALA, Pertti, *Tehtaan valossa. Teollistuminen ja työväestön muodostuminen Tampereella 1820–1920*, Helsinki 1986.
- HAAPALA, Pertti (toim.), *Talous, valta ja valtio. Tutkimuksia 1800-luvun Suomesta*, Tampere 1992.
- JALAVA, Marja, J.V. Snellman. *Mies ja suurmies*, Helsinki 2006.
- JUSSILA, Osmo, *Suomen suuriruhtinaskunta 1809–1917*, Helsinki 2004.
- KLINGE, Matti, *Keisarin Suomi*, Helsinki 1997.
- KNAPAS, Rainer — FORSGÅRD, Nils Erik (toim.), *Suomen kulttuurihistoria 2. Tunne ja tieto*, Helsinki 2002.
- LUNTINEN, Pertti, *The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918*, Helsinki 1997.
- SCHAUMAN, August, *Från sex årtionden i Finland. Förra delen*, Helsingfors 1922.
- WREDE, Johan, *Världen enligt Runeberg. En biografisk och idéhistorisk studie*, Helsingfors 2005.

ÅSTRÖM, Sven-Erik, *Samhällsplanering och regionbildning i kejsartidens Helsingfors. Studier i stadens inre differentiering 1810–1910*, Helsingfors 1957.

6. КРЕПНУЩАЯ АВТОНОМИЯ

- AHVENAINEN, Jorma (toim.), *Suomen taloushistoria 2. Teollistuva Suomi*, Helsinki 1982.
- ALAPURO, Risto, *Suomen älymystö Venäjän varjossa*, Helsinki 1997.
- BAYLY, C.A., *The Birth of the Modern World 1780–1914*, Oxford 2004.
- HIETALA, Marjatta, *Services and Urbanization at the Turn of the Century*, Helsinki 1987.
- LIKANEN, Ilkka, *Fennomania ja kansa. Joukkojärjestäytymisen läpimurto ja Suomalaisen puolueen synty*, Helsinki 1995.
- KERVANTO-NEVANLINNA, Anja — KOLBE, Laura (toim.), *Suomen kulttuuri-historia 3. Oma maa ja maailma*, Helsinki 2003.
- KONTTINEN, Riitta, *Sammon takajat. Nuoren Suomen taiteilijat ja suomalaisuuden kuvat*, Helsinki 2001.
- KUISMA, Markku, *Metsäteollisuuden maa. Suomi, metsät ja kansainvälinen järjestelmä 1620–1920*, Helsinki 1993.
- KUJALA, Antti, *Venäjän hallitus ja Suomen työväenliike 1899–1905*, Helsinki 1996.
- OLLILA, Anne, *Jalo velvollisuus. Virkanaisena 1800-luvun lopun Suomessa*, Helsinki 1998.
- POLVINEN, Tuomo, *Valtakunta ja rajamaa. N.I. Bobrikov Suomen kenraalikuvernöörinä 1898–1904*, Helsinki 1984.
- Suomen keskushallinnon historia 1809–1996*, Helsinki 1996.

7. БОРЮЩАЯСЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ

- ALAPURO, Risto, *State and Revolution in Finland*, Berkeley 1988.
- AHVENAINEN, Jorma (toim.), *Suomen taloushistoria 2. Teoilistuva Suomi*, Helsinki 1982.
- CHARMLEY, John, *Churchill. The End of Glory*, London 1993.
- HOBBSBAWM, Eric, *Age of Extremes. The Short Twentieth Century 1914–1991*, London 1994.
- JALONEN, Olli, *Kansa kulttuurin virroissa. Tuontikulttuurin suuntia ja sisältöjä Suomessa itsenäisyyden aikana*, Helsinki 1985.

- JOKISIPILÄ, Markku, *Aseveljiä vai liittolaisia? Suomi, Saksan liitosopimusvaatimukset ja Rytin-Ribbentropin-sopimus*, Helsinki 2004.
- KETTUNEN, Pauli, *Poliittinen liike ja sosiaalinen kollektiivisuus. Tutkimus sosialidemokratiasta ja ammattiyhdistysliikkeestä Suomessa 1918–1930*, Helsinki 1986.
- LACKMAN, Matti, *Suomen vai Saksan puolesta? Jääkäriliikkeen ja jääkäripataljoonan 27:n (1915–1918) synty, luonne, mielialojen vaihteluita ja sisäisiä kriisejä*, Helsinki 2000.
- LÄHTEENMÄKI, Maria, *Mahdollisuuksien aika. Työläisnaiset ja yhteiskunnan muutos 1910–1930-lukujen Suomessa*, Helsinki 1995.
- MANNINEN, Ohto (päätoim.), *Itsenäistymisen vuodet I–III*, Helsinki 1992–1993.
- SAARIKANGAS, Kirsi — MÄENPÄÄ, Pasi — SARANTOLA-WEISS, Minna (toim.), *Suomen kulttuurihistoria 4. Koti, kylä, kaupunki*, Helsinki 2004.
- SCREEN, J.E.O., *Mannerheim*, Helsinki 2001.
- SOIKKANEN, Timo, *Kansallinen eheytyminen — myytti vai todellisuus? Ulko- ja sisäpolitiikan linjat ja vuorovaikutus 1933–1939*, Turku 1983.
- Suomen keskushallinnon historia 1809–1996*, Helsinki 1996.
- TURTOLA, Martti, HEINRICHS, Erik, *Mannerheimin ja Paasikiven kenraali*, Helsinki 1988.

8. БЛАГОСОСТОЯНИЕ И НЕЙТРАЛИТЕТ

- AHVENAINEN, Jorma (toim.), *Suomen taloushistoria 2. Teollistuva Suomi*, Helsinki 1982.
- ALASUUTARI, Pertti, *Toinen tasavalta. Suomi 1946–1994*, Tampere 1996.
- HURRI, Merja, *Kulttuuriolosuhteet. Symboliset taistelut, sukupolvitaistelut ja sananvapaus viiden pääkaupunkilehden toimituksissa 1945–1980*, Tampere 1993.
- VIHAVAINEN, Timo, *Kansakunta rähmälläään. Suomettumisen lyhyt historia*, Helsinki 1991.
- KALLENAUTIO, Jorma, *Suomi kylmän rauhan maailmassa. Suomen ulkopoliittikka Porkkalan palautuksesta 1955 Euroopan Unionin jäsenyyteen 1995*, Helsinki 2005.
- KARISTO, Antti — TAKALA, Pentti — HAAPOLA, Ilkka, *Matkalla nykyi-kaan. Elintason elämäntavan ja sosiaalipoliitiikan muutos Suomessa*, Helsinki 1998.
- MEINANDER, Henrik, *Tasavallan tiellä. Suomi kansalaissodasta 2000-luvulle*, Espoo 1999.

- PELTONEN, Matti (toi.), *Rillumarei ja valistus. Kulttuurikahakoita 1950-luvun Suomessa*, Helsinki 1996.
- RENTOLA, Kimmo, *Niin kylmää että polttaa. Kommunistit, Kekkonen ja Kreml 1947–1958*, Helsinki 1997.
- SAARIKANGAS, Kirsi — MÄENPÄÄ, Pasi — SARANTOLA-WEISS, Minna (toim.), *Suomen kulttuurihistoria 4. Koti, kylä, kaupunki*, Helsinki 2004.
- SALOKANGAS, Raimo, *Aikansa oloinen. Yleisradion historia 2: 1949–1996*, Helsinki 1996.
- SUOMI, Juhani, *Liennytyksen akanvirrassa. Urho Kekkonen 1972–1976*, Helsinki 1998.

9. ФИНЛЯНДИЯ И ЕВРОПА

- HIMANEN, Pekka (toim.), *Globaali tietoyhteiskunta. Kehityssuuntia Piilaaksosta Singaporeen*, Helsinki 2004.
- HULTDT, Bo et al (eds.), *Finnish and Swedish Security. Comparing National Policies*, Stockholm 2001.
- HÄIKIÖ, Martti, *Globalisaatio. telekommunikaation maailmanvalloitus 1992–2000. Nokia Oyj:n historia 3*, Helsinki 2001.
- HÄMÄLÄINEN, Unto, *Lännettymisen lyhyt historia*, Porvoo 1998.
- KARISTO, Antti — TAKALA, Pentti — HAAPOLA, Ilkka, *Matkalla nykyi-kaan. Elintason elämäntavan ja sosiaalipolitiikan muutos Suomessa*, Helsinki 1998.
- KIANDER, Jaakko — VARTIA, Pentti, *Suuri lama. Suomen 1990-luvun kriisi ja talouspoliittinen keskustelu*, Helsinki 1998.
- LIKANEN, Erkki, *Brysselin päiväkirjat 1990–1994*, Helsinki 1995.
- LIPPONEN, Paavo, *Kohti Eurooppaa*, Helsinki 2001.
- MEINANDER, Henrik, *Tasavallan tiellä. Suomi kansalaissodasta 2000-luvulle*, Espoo 1999.
- SALOKANGAS, Raimo, *Aikansa oloinen. Yleisradion historia 2: 1949–1996*, Helsinki 1996.

Именной указатель

- Аалто Алвар, архитектор 153
Аалтонен Вайнё, скульптор 152
Агрикола Микаэль, финский
 религиозный реформатор 24, 25,
 49, 94
Александр I, российский император
 75—78, 80—82, 84, 89, 93
Александр II, российский император
 102—104, 107, 110
Александр III, российский император
 110, 111, 126
Александр Невский, князь 8
Альбрехт Мекленбургский,
 король Швеции 18
Андропов Ю.В., советский
 государственный
 и политический деятель,
 Генеральный секретарь
 ЦК КПСС (1982—1984) 200
Ансгар, бременский монах 7
Апраксин Ф.М., граф, генерал-
 адмирал 61
Арвидссон А.И., историк 93, 95, 99
Армфельт Александр, статс-
 секретарь 106
Армфельт Густав Мориц, финский
 государственный деятель
 и дипломат 82, 93
Ахо Юхани (наст. имя И. Бруфельдт),
 финский писатель, журналист 122
Ахтисаари Мартти, Президент
 Финляндии (1994—2000) 209, 222
Барклай де Толли М.Б., российский
 полководец, генерал-губернатор
 Финляндии 82, 93
Бернадот Жан Батист,
 см. Карл XIV Юхан
Биргер, ярл 9
Бобриков Н.И., российский
 государственный деятель,
 генерал-губернатор Финляндии
 (1894—1904) 126, 127
Браге Пер, граф 41—43, 50, 51
Брандес Георг, датский
 литературный критик,
 публицист 122
Брандт Вилли, немецкий политик
 и дипломат, канцлер ФРГ
 (1969—1974) 195
Брежнев Л.И., советский
 государственный
 и политический деятель,
 Генеральный секретарь
 ЦК КПСС (1966—1982) 196, 200
Бьёрлинг Гуннар, финский поэт 153
Валтари Мика, финский писатель 188
Вассер Исаэль, профессор
 медицины 98

- Вигеланд Густав, норвежский скульптор 152
- Вирта Олави, финский певец, композитор и киноактер 191
- Вригт Георг Хенрик фон, финский философ и логик 188
- Гада Пер Адриан, ученый 68
- Галлен-Каллела Аксели, финский живописец и график 124, 152
- Ганивет Анхель, испанский писатель и философ 118
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих, немецкий философ 97
- Гитлер Адольф, фюрер и рейхсканцлер национал-социалистической Германии (1933 — 1945) 145, 146, 156, 157, 161, 162, 167
- Горбачев М.С., советский государственный и политический деятель, Генеральный секретарь ЦК КПСС (1985 — 1991) 202, 205
- Горн Арвид, граф, шведский государственный деятель 59
- Готтлунд Карл Аксель, языковед, фольклорист, поэт 94
- Грип Бу Йонссон, государственный деятель 18
- Грипенберг Бертель, поэт 125
- Громыко А.А., советский политический и государственный деятель, Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1985 — 1988) 175
- Густав II Адольф, король Швеции 36, 38
- Густав III, король Швеции 59, 66, 67, 72 — 75, 82, 85
- Густав IV Адольф, король Швеции 75, 76
- Густав Васа, король Швеции 17, 21 — 24, 26 — 31, 33
- Густав Эрикссон Васа, шведский дворянин, см. Густав Васа, король Швеции
- Дакке Нильс, предводитель крестьянского восстания в Швеции в XVI в. 27
- Делор Жак, президент Европейской комиссии 221
- Диктониус Эльмер, финский поэт 153
- Екатерина II, российская императрица 72 — 74
- Елизавета, российская императрица 60
- Ельцин Б.Н., советский партийный и российский государственный деятель, первый Президент России 205
- Жданов А.А., советский партийный деятель 170
- Ибсен Хенрик, норвежский поэт и драматург 122
- Иконен Анса 155
- Каллио Кюэсти, финский государственный деятель, Президент Финляндии (1937 — 1940) 141
- Кальм Пер, ученый 68
- Камю Альбер, французский писатель и философ 188
- Кант Минна, финская писательница 122
- Кару Эрkki, финский кинорежиссер 155
- Карл IX, король Швеции 33, 34
- Карл XI, король Швеции 36, 52, 53
- Карл XII, король Швеции 49, 53 — 55, 75, 76
- Карл XIV Юхан, король Швеции 77, 84
- Кастельс Мануэль, испанский социолог 215

- Катарина Ягеллонская, польская княжна 31
- Катри Хелена, финская певица 191
- Кекконен Урхо Калева, финский государственный деятель, Президент Финляндии (1956 – 1981) 169, 173 – 176, 192 – 201
- Кивеяса Лаури, лидер студенческого движения в Финляндии в 80-е годы XX в. 109
- Киви Алексис (наст. имя Алексис Стенвалль), финский писатель, драматург, поэт 121
- Киннунен Лайла, финская певица 191
- Кларк Эдвард Даниэль, английский ученый и путешественник 69
- Кнутссон Тюргиль, шведский военный предводитель 10
- Койвисто Мауно, финский государственный деятель, Президент Финляндии (1982 – 1994) 199 – 202, 204, 207, 209
- Койвунен Брита, финская певица 191
- Коскинен Ирё, профессор истории 108
- Косола Вихтори, лидер Лапуаского движения 144
- Кристиан II, король Дании 20
- Кристина, королева Швеции 39, 40, 49
- Кууси Пекка, финский общественвед 183, 184
- Лейно Эйно, финский поэт 124
- Ленин В.И., революционер, российский государственный деятель 134, 135, 190
- Лённрот Элиас, ученый, языковед, исследователь эпоса «Калевала» 6, 94 – 96, 152
- Лескинен Юхани («Juice»), финский рок-музыкант 191
- Лехтонен Йозель, финский писатель и поэт 122
- Линна Вайнё, финский писатель 189
- Линней Карл, шведский ученый-натуралист 68
- Липпонен Пааво, финский политический деятель, премьер-министр Финляндии (1995 – 1999) 210, 221, 222
- Лютер Мартин, основоположник Реформации в Германии 24
- Маннергейм Густав, финский государственный деятель, Президент Финляндии (1944 – 1946) 136, 138, 139, 158, 160 – 162, 164, 166, 167, 170, 188, 189
- Маннинен Отто, финский поэт 124
- Маргарета, датская принцесса 18
- Мехелин Лео, финский государственный деятель 109, 123
- Миллес Карл, шведский скульптор 152
- Молотов В.М., советский политический деятель 156, 162
- Мюрдаль Гуннар, шведский экономист 183
- Наполеон Бонапарт, французский император 75 – 78, 84, 87, 88
- Николай I, российский император 100, 102
- Николай II, российский император 126, 129 – 131
- Нурми Пааво, финский бегун 152
- Оксеншерна Аксель, шведский политик 39, 41
- Олав, король викингов 13
- Оллила Йорма, глава концерна «Нokia» 214
- Онерва Л. (наст. имя Хилья Онерва Лехтинен), финская писательница 124

- Острём Эмма Ирене, педагог 119
Оттелин, епископ Боргоский 98
- Пааволайнен Олави, финский писатель 153
- Паасикиви Юхо Кусту, финский государственный деятель, Президент Финляндии (1946 – 1956) 138, 170, 172, 199
- Пало Тауно 155
- Пасиус Фредерик, финский скрипач, дирижер и композитор 99
- Петр Великий, российский император 55 – 58, 61, 160
- Петри Олаус, шведский писатель, деятель Реформации 25
- Пифей, древнегреческий географ 3
- Портан Хенрик Габриэль, финский историк, просветитель и этнограф 68 – 70, 95
- Пресли Элвис, американский певец и актер 190
- Рейган Рональд, Президент США (1981 – 1989) 202
- Рейтерн М.Х., граф, министр финансов 106
- Реландер Лаури Кристиан, финский государственный деятель, Президент Финляндии (1925 – 1931) 141
- Ренвальд Густав, священник 94
- Риббентроп И. фон, министр иностранных дел Германии (1938 – 1945) 156
- Рунеберг Фредрика 96
- Рунеберг Юхан Людвиг, финский поэт 95, 96, 98, 99, 121, 123, 152
- Рюдбек Олаус, ученый 53
- Рюти Ристо, финский государственный деятель, Президент Финляндии (1940 – 1944) 158, 160 – 163, 167, 171
- Сааринен Элиель, финский архитектор 125
- Сартр Жан-Поль, французский философ-экзистенциалист 188
- Сахаров А.Д., советский физик, диссидент и правозащитник 197
- Свинхувуд Пер Эвинд, финский политический деятель 138, 141
- Сёдергран Эдит, поэтесса 124, 125
- Сибелиус Ян, финский композитор 122, 152
- Сигизмунд, король Польши 32 – 34
- Сигизмунд, сын Юхана III, см. Сигизмунд, король Польши
- Синатра Фрэнк, американский актер и певец 191
- Синисало Тайсто, финский политический деятель 190
- Смит Адам, экономист и философ 63
- Снелльман Юхан Вильгельм, философ, журналист, государственный деятель 95, 97 – 99, 107, 121
- Сомерйоки Раули «Баддинг», финский рок-музыкант 191
- Сорса Калеви, финский политический деятель 199
- Сперанский М.М., граф, российский общественный и государственный деятель, реформатор 78, 81, 82, 104
- Спрингтпортен Георг Магнус, генерал-губернатор Финляндии 81, 82
- Сталин И.В., советский государственный деятель 146, 157 – 159, 171, 188
- Стенбок Кристина, жена Браге П. 42
- Стольарм Арвид 34
- Стольберг Карло Юхо, финский государственный и политический деятель, Президент Финляндии (1919 – 1925) 139, 141
- Стриндберг Август, шведский писатель и драматург 122

- Сюгнеус Уно, финский
просветитель 118
- Сяркилахти Петрус, финский
проповедник, ученик М. Лютера
24
- Тацит Публий Корнелий,
древнеримский историк 3
- Тенгстрём Якоб, архиепископ 82,
84, 96
- Толстой Л.Н., русский писатель 122
- Топелиус Сакариас, финский
писатель 121, 152
- Тролле Густав, архиепископ 22
- Тургенев И.С., русский писатель 122
- Ульрика Элеонора, королева
Швеции 56
- Ульссон Хагар, шведская
журналистка, поэтесса
и драматург 153
- Флеминг Клас, шведский военный
и политический деятель 33, 34
- Форд Джеральд, Президент США
(1974 — 1977) 196
- Фредерик Гессенский, король
Швеции 56
- Фридрих II Прусский 72
- Фридрих Карл Гессенский,
германский принц 138
- Хаартман Ларс Габриэль фон,
финский государственный
деятель 90
- Халонен Тарья, Президент
Финляндии с 1 марта 2000 г. 223
- Харма Хейкки (прозвище
«Hector»), финский рок-
музыкант 191
- Хенрик, британский монах 8
- Хо Ши Мин, вьетнамский
революционер
и государственный деятель 190
- Хонка Олави, канцлер юстиции
Финляндии 174, 175
- Хрущев Н.С., советский
государственный
и политический деятель,
Первый секретарь ЦК КПСС
(1953 — 1964) 174, 175
- Че Гевара Эрнесто,
латиноамериканский
революционер 190
- Черненко К.У., советский
государственный
и политический деятель,
Генеральный секретарь ЦК
КПСС (1984 — 1985) 200
- Чехов А.П., русский писатель 122
- Чечулина Мария 119
- Чюдениус Андерс 63, 70
- Шауман Аугуст, журналист 88, 109
- Шинкель К.Ф., немецкий
архитектор, художник 85
- Штейнгель Ф.Ф., генерал-
губернатор Финляндии 83
- Эдельфельт Альберт, художник 123
- Энгель Карл Людвиг, немецкий
архитектор 85, 87
- Эренсверд Августин, фельдмаршал
60, 61
- Эренстрём Юхан Альбрехт,
архитектор 85
- Эрик, король свеев 8
- Эрик Померанский, король
Норвегии под именем Эрика III
(1389 — 1442), Дании под именем
Эрика VI (1396 — 1439) и Швеции
под именем Эрика XIII
(1396 — 1439) 18
- Эрик XIV, король Швеции 31
- Эркко Эльяс, министр иностранных
дел Финляндии 157
- Юслениус Даниэль, писатель 53
- Юхан III, король Швеции 27,
- Ярнефельт Арвид, писатель 122

Об авторе

Хенрик Мейнандер (род. 1960) — профессор истории Хельсинкского университета с 2001 г. Изучал историю Скандинавии и Шотландии, вел научную работу в этой области. Занимал, в частности, должность интендента Музея Маннергейма в Хельсинки. Возглавлял Институт Финляндии в Стокгольме. Помимо книг опубликовал большое количество научных статей и вел ряд колонок в газете «Хуфвудстадсбладет». Член Финского научного общества и Королевской Академии наук.

Мейнандер Х.

М 46 История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты / Хенрик Мейнандер; пер. со швед. — М.: Издательство «Весь Мир», 2008. — 248 с. (Национальная история)
ISBN 978-5-7777-0429-0

В книге профессора истории Хельсинкского университета Х. Мейнандера изложена история Финляндии с древнейших времен до наших дней, пути обретения национальной идентичности и государственности. В поле зрения автора — социально-экономическое, политическое и культурное развитие страны в противоречивом взаимодействии с общественным развитием других частей Балтийского региона, Европы и мира в целом. Особое внимание уделено также современной истории Финляндии и ее членству в Европейском союзе. Книга вызвала большой интерес в странах Северной Европы и, несомненно, привлечет внимание российского читателя.

УДК 94(480)
ББК 63.3(4Фин)

Национальная история

Хенрик Мейнандер

История Финляндии
Линии, структуры, переломные моменты

Редактор Ю.Л. Михайлова

Художник Е.А. Ильин

Верстка: Е.А. Поташевская

Корректор: И.В. Леонтьева

Карта-схема: С.А. Голодко

Подписано в печать 29.04.2008. Формат 60 x 90 ¹/₁₆

Печать офсетная. Гарнитура BalticaC.

Печ. л. 15,5. Тираж 3000 экз.

Изд. № 01/07-и

Заказ № 816

ООО Издательство «Весь Мир»

101000 Москва-Центр, Коллажный пер., 9а

Тел.: (495) 623-68-39, 623-85-68

факс (495) 625-42-69

E-mail: orders@vesmirbooks.ru;

<http://www.vesmirbooks.ru>

ОАО «Издательство «Самарский Дом печати»

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201

ISBN 978-5-7777-0429-0

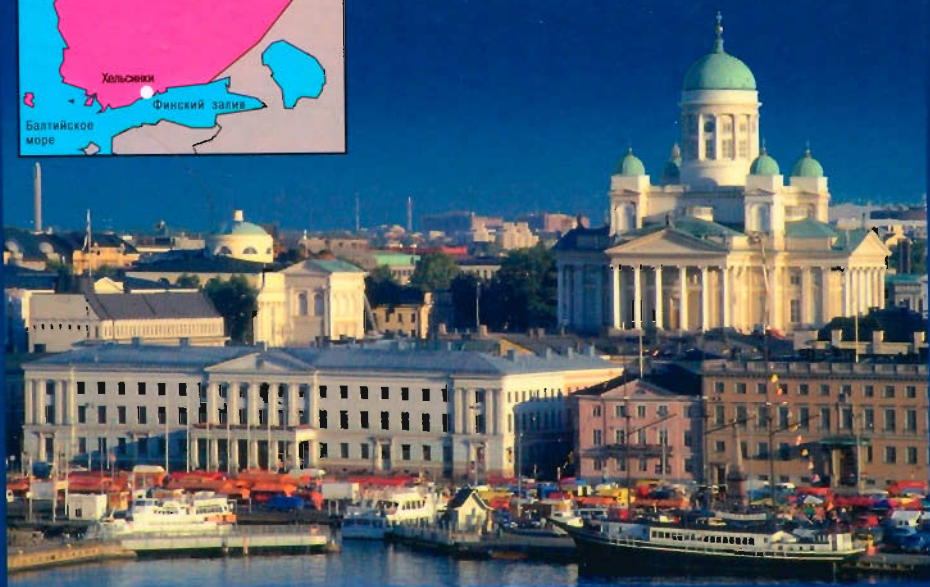
9 78 5 777 70 42 90

ИСТОРИЯ ФИНЛЯНДИИ

Республика Финляндия

СТОЛИЦА	Хельсинки
ПЛОЩАДЬ	338 тыс. км²
НАСЕЛЕНИЕ	5,3 млн человек
ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ	Финны 92%, шведы 5,5%, саамы 0,1%, др. 2,4%
ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ	79 лет
ЯЗЫКИ	Финский, шведский
ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ	Христиане: лютеране 86%, православные 1%
ДЕНЕЖНАЯ ЕДИНИЦА	евро
ВНД НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ	37 530 долл. США

Столица Финляндии г. Хельсинки, вид на Кафедральный собор

Великий финский композитор Ян Сибелиус (1865–1957)